

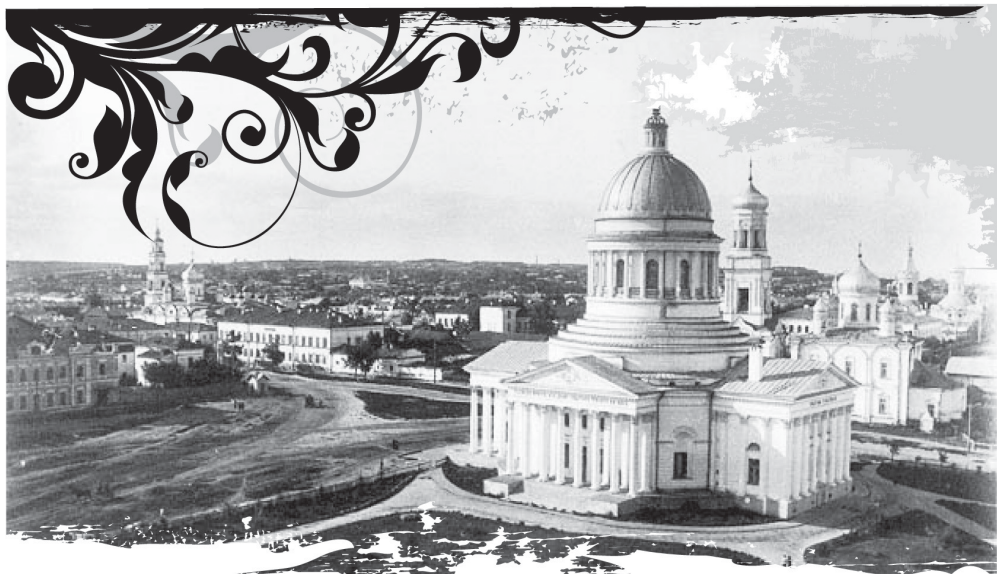

СИМБИРСКЪ

№6 (60)
ИЮНЬ
2018

Литературный журнал
«СИМБИРСКЪ»

Содержание

Главный редактор
Елена Викторовна Водкина
(Кувшинникова)
E-mail: karamz_sad@mail.ru
Телефон 89603693212

Редакционный совет:

Председатель – Владимир Лучников
Владимир Артамонов
Александра Белова
Ольга Даранова
Александр Лайков
Виктор Малахов
Светлана Матлина
Николай Марянин
Ольга Шейпак
Юрий Шерстнев
Татьяна Эйхман

Издание осуществлено при поддержке
губернатора Ульяновской области
Сергея Ивановича Морозова

Издатель: Областное государственное автономное
учреждение «Издательский дом «Ульяновская правда».
Адрес издателя, адрес редакции:
г. Ульяновск, ул. Пушкинская, 11.

Подписано в печать 14.06.2018 г.
Дата выхода 22.06.2018 г.
Тираж 700 экз. Заказ №149.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО «Сити Принт», 610040, г. Киров,
ул. Мостовая, 32/16, т. (8332) 228-297,
сайт: www.printtown.ru

© Литературный журнал «СИМБИРСКЪ» №6 (60), 2018

Издание зарегистрировано Управлением
Федеральной службы по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых
коммуникаций по Ульяновской области
ПИ №ТУ 73-00350 от 21 марта 2014 г.
Учредитель: Областное государственное автономное
учреждение «Издательский дом «Ульяновская правда»

© Дизайн, компьютерная верстка – Ольга Тюльпа
Корректор – Ольга Абрамова

На обложке: Д.И. Архангельский. «Косовая под парусом», 1925.
На обороте обложки: Д.И. Архангельский. Подгорье. Петропав-
ловский спуск (спуск Степана Разина), 1920–1930-е гг.

«Настроиться на высший лад...»..... 3

Литературное наследие

Татьяна Алисевиц. Гончаров: опыт прочтения..... 4-6
Лариса Утина. Открытия в библиотеке.
А.Н. Островский и И.А. Гончаров..... 7-9
Антонина Лобкарева. О малоизвестном очерке Гончарова..... 10
Иван Гончаров. «Из воспоминаний и рассказов о морском
плавании». Страницы очерка..... 11-14

Страна поэзия

Виктор Малахов. Скрытый огонь. Стихи..... 15-17
Наталья Горобей. Времена роста. Стихи..... 18-19
Татьяна Карпова. В теплом доме. Стихи..... 20-21
Нина Давыдова. Сквозь меня проходит свет..... 22-23

Гость

Наталья Стремитина. Лавка чудес. Рассказ..... 24-25

Река воспоминаний

Галина Печёркина. Незабываемое, неповторяемое. Страницы авто-
биографической книги..... 26-36

С любовью ко всему родному

Валентина Костягина. С любовью трепетной.
Волга в акварелях Д.И. Архангельского..... 37-45
Ольга Шейпак. Сила света небесного.
Путешествие по Италии..... 46-50
Валентин Курбагов. Наше небесное отечество.
Страницы книги. Продолжение..... 51-66
Мария Расторгуева. Из кладовой памяти.
(Воспоминания об отце – священнике Андрее Расторгуеве)..... 67-74
Мария Расторгуева. «Завет отцовский исполняя...»
Стихи..... 75-76

Глубинка

Виктор Сергеев. Гуси на крыло. Повесть..... 77-86

Юбилейный календарь..... 87-96

Внимание! Теперь читать любимые издания стало возможным с мони-
тора компьютера, экрана телефона и планшета! С марта 2017 года
можно оформить не только почтовую, но и электронную подписку на
газеты «Ульяновская правда», «Народная газета», «Чемпион» и журналы
«Мономах», «Симбирскъ», «Симбик». Подробности, цены и пошаговая ин-
струкция на информационном портале ulpravda.ru. Электронная под-
писка – оперативно, современно, выгодно!

ОФОРМИТЬ ПОДПИСКУ

можно тремя способами:

1) Подпишитесь на почте

и журнал принесут вам домой:

– цена на 6 мес. – 528,00 руб., индекс издания 54516

– цена на 12 мес. – 1057,00 руб., индекс издания 54526

2) Подпишитесь в редакции и заберите журнал сами

по адресу: г. Ульяновск, ул. Пушкинская, 11;

пр-т. Ленинского Комсомола, 41, ком. 204 (Новый город).

(цена на 6 мес. – 348,00 руб.)

г. Димитровград, ул. Юнг Северного флота, 107

(тел. 884(235) 3-26-49)

3) Подпишитесь через ООО «Урал-Пресс Поволжье»

тел. 41-01-41

Журнал «Симбирскъ» можно приобрести

в киосках «Симбирская печать»

и в отделе распространения по адресу:

ул. Пушкинская, 11.

По всем вопросам подписки

на журнал (в том числе альтернативной) можно

проконсультироваться по телефону

41-04-32

Рукописи принимаются только в электронном виде, не ре-
цензируются и не возвращаются.

Авторы несут ответственность за достоверность предо-
ставленных материалов.

Мнения автора и редакции могут не совпадать.

При перепечатке ссылка на «Симбирскъ» обязательна.

НАСТРОИТЬСЯ НА ВЫСШИЙ ЛАД...

В рубрике «Литературное наследие» публикуем материалы, посвященные И.А. Гончарову.

Татьяна Алисевич рассказывает о конкурсе среди учителей-словесников «Мой Гончаров: опыт прочтения». 2018 год объявлен перекрестным Годом России в Японии и Японии в России. Антонина Лобкарева представляет малоизвестный очерк Ивана Гончарова о трагедии русской миссии в Японии в 1854 году. «Но как все страшное и опасное, испытываемое многими плователями, а также испытанное и нами в плавании до Японии, кажется бледно и ничтожно в сравнении с тем, что привелось испытать моим спутникам в Японии! Все, что произошло там, представляет ряд страшных, и опасных, и гибельных вместе – не минут, не часов, а дней и ночей...». Читайте в номере фрагмент очерка с описанием этих событий.

На обложке журнала – Волга. И волжские мотивы звучат в разных публикациях этого номера.

«А.Н. Островский и И.А. Гончаров» – это тема публикации Ларисы Утиной. «Кроме дружеских взаимоотношений с нашим земляком, А.Н. Островского с Симбирском связывает и Волга. Волга – постоянный действующий персонаж его произведений...». В разделе «Река воспоминаний» публикуем страницы автобиографической книги журналиста Галины Печеркиной, жены художника Аркадия Егуткина «Незабываемое, неповторяемое». Г.К. Печеркина рассказывает, в частности, о времени своего отрочества и юности, об Ульяновске 50-х годов. Берег Волги, остров Середыш – любимые места отдыха. Подтверждение тому – волжские черно-белые фотографии из семейного архива автора.

В рубрике «С любовью ко всему родному» публикуем очерк Валентины Костягиной «Волга в акварелях Дмитрия Архангельского».

«Он был певцом нашей природы и особенно Волги, которую любил беззаветно, и чувство любви пронес через всю жизнь как к живому родному существу...».

(На обложке журнала и на цветной вкладке – рисунок Дмитрия Архангельского.)

В рубрике «Страна поэзия» – стихи Виктора Малахова.

*«Судьба – направление, а не дорога.
Юлить, уклоняться – себе же дорожке.
И надо идти до предела, до Бога,
И узкою тропкою, и бездорожьем...».*

Здесь же поэтические подборки Натальи Горобей, Татьяны Карповой, Нины Давыдовой.

Представляем нашего гостя писателя из Вены Наталью Стремитину. Читайте рассказ «Лавка чудес».

Надеемся, что наше творческое сотрудничество будет продолжено.

«Тысячи паломников ежемесячно устремляются в Бари, где в базилике устроена рака с мощами святителя Николая Чудотворца. С группой паломников – членов Императорского Православного Палестинского Общества Симбирского отделения мы отправились в Италию...». Читайте путевые заметки Ольги Шейпак.

Продолжаем публикацию страниц книги Валентина Курбатова «Наше небесное Отечество».

Мария Расторгуева оставила воспоминания об отце, уроженце Сенгиля, священнике Андрее Расторгуеве.

Публикуем страницы мемуаров и стихи Марии Расторгуевой «Завет отцовский исполня...».

В июне исполняется 75 лет ульяновскому писателю, прозаику Виктору Сергееву. Читайте в рубрике «Глубинка» повесть «Гуси на крыло».

Завершает номер рубрика «Юбилейный календарь», подготовленная поэтом и краеведом Николаем Маряниным.

В переписке Дмитрия Архангельского неслучайно цитируются известные строки Алексея Толстого:

*«Благословляю Вас, леса,
Долины, горы, нивы, воды,
Благословляю я свободу
И голубые небеса...».*

Это мироощущение было близко художнику. Этим высоким внутренним настроем объединены и многие публикации номера.

Елена КУВШИННИКОВА

Татьяна АЛИСЕВИЧ, главный библиотекарь отдела ЦГСБ им. И.А. Гончарова

ГОНЧАРОВ: ОПЫТ ПРОЧТЕНИЯ

сочинение пишут учителя

Иван Александрович Гончаров для жителей нашего города – не отвлеченный символический образ писателя-классика, затуманенный временем ушедших эпох. Его незримое присутствие постоянно ощущается в городском пространстве.

Способствует этому не только наличие визуальных гончаровских объектов, но и разнообразные акции, посвященные творчеству писателя. Центральная городская библиотека имени И.А. Гончарова второй год проводит творческий конкурс «Мой Гончаров: опыт прочтения». Условия конкурса разработаны для педагогов-словесников и библиотекарей общеобразовательных учреждений города.

Тема «Мой Гончаров», конечно же, отсылает учителей литературы к классическому и хорошо им знакомому цветаевскому – «Мой Пушкин». На это, очень личностное, восприятие творчества нашего земляка и направлен конкурс. А без собственного прочувствованного опыта прочтения педагогом того или иного произведения классики трудно требовать от своего ученика хотя бы внимания к тексту.

Татьяна Алисевиц

«Преподавание литературы, – как написала в своем эссе одна из конкурсанток, – это осмысление, очарование, открытие, удивление, восторг, проникновение!». И в продолжение – «герои книг, которые мы изучаем в школе, могут заговорить взволнованно и страстно лишь тогда, когда будут пропущены через такое же взволнованное и страстное сердце учителя. Звезды зажигают звезды». (**Иголина Людмила Александровна**, учитель русского языка и литературы школы №6 имени И.Н. Ульянова). Вот так в работах конкурса «Мой Гончаров: опыт прочтения» зазвучала кровная, близкая словесникам тема – о роли уроков литературы в духовно-нравственном становлении новых поколений. «Особая миссия доверена учителям-гуманитариям, ведь словесник в школе – это и психолог, и философ, и психотерапевт».

Эссе как обязательная форма одной из номинаций конкурса позволила выразить сокровенные мысли, очень важные для настроения и профессиональной позиции учителя литературы.

Организаторам конкурса очень хотелось, чтобы его участники смогли проявить свой богатый творческий потенциал, которым, несомненно, обладает каждый педагог-словесник. Для этого было предложено три номинации: «Поделись впечатлением!», «Привлеките внимание!», «Посоветуй коллегам!». Можно было выбрать написание эссе, создание буктрейлера или предложить вариант сценария внеурочного мероприятия. Темы работ в каждой номинации были оговорены организаторами. На этот раз лидировала номинация «Поделись впечатлением!». Ее выбрало большинство участников. Возможно, привлекла тема, по которой нужно было написать эссе, – «Героиня одного из романов И.А. Гончарова, с которой бы я подружилась». Да и сама форма работы оказалась близка педагогам. Здесь недостаточно было знать текст того или иного романа И.А. Гончарова. Здесь надо было проявить и собственный психологизм, и искренность, и умение аргументировать, и способность к самоанализу. Героини романов писателя в эссе конкурсанток обрели плоть и кровь живых людей, с которыми хочется советоваться, общаться, кому хочется в чем-то подражать. Может быть, нам всем не хватает таких подруг в нашей реальной жизни? Может быть, И.А. Гончаров не случайно смоделировал такие разнообразные женские персонажи? Рассказ о полюбившейся героине романа – это в какой-то мере рассказ и о себе тоже. На это решиться может далеко не каждый. Читать эссе конкурсанток было очень интересно.

Вот Агафья Матвеевна Пшеницына – одна из героинь романа «Обломов». Сколько споров всегда вызывает этот образ! И очень часто – много негативных мнений. Но вот – «Почему мне нравится Агафья? Почему именно с этой героиней я бы подружилась? Может быть, потому что мы с ней в чем-то похожи. В ней есть неодолимая потребность чувствовать, любить, которая встречается теперь все реже и реже. В чем-то я с ней, наверное, не согласна, но ее чистота и неординарность натуры, ее способность отдавать всю себя меня поражает... простота, доброта ее сердца, забота об Илье Ильиче с успехом заменили красоту. Я многому от нее научилась, пройдя с ней весь сложный, непонятный, в чем-то горький путь. Мы стали настоящими подругами, и мне было жаль с ней рас-

ставаться, когда я в очередной раз перечитала роман И.А. Гончарова. Мне кажется, что такие искренние, великодушные, самоотверженные героини, как Агафья Пшеницына, всегда будут привлекать к себе внимание и любовь читателей. Многие поколения будут учиться у них умению творить добро, сопереживать, быть верной женой и любящей матерью и просто способности жить, любить, чувствовать...». (Людмила Александровна Иголина, учитель русского языка и литературы средней школы №6 имени И.Н. Ульянова, 3-е место в номинации «Поделись впечатлением!»).

Странно ли то обстоятельство, что многие захотели подружиться с Татьяной Марковной Бережковой, очень «взрослой» героиней романа «Обрыв»? В эссе **Нatalьи Михайловны Якушевой**, учителя русского языка и литературы лицея при УлГТУ читаем: «Гончаров действительно создал яркий и обаятельный образ Татьяны Марковны Бережковой. Но подружиться через полтора века?». И все же – «Прежде всего, Бережкова – цельная натура. Ее любящее сердце принимает ближних такими, как есть, но собственные понятия добра и зла, истины и лжи у нее непоколебимы. Обрыв. Сбереженный Татьяной Марковной Бережковой теплый уютный мирок обрывается. И изнутри прорастает новое и неведомое, и извне пугающее теснит. Как я ее понимаю! И сейчас привычный быт вытесняется хайтеком, новое поколение идет – уж действительно «племя молодое, незнакомое». Порок становится забавой, непристойное – общепринятым развлечением, цинизм – «приколом». Научиться бы у Татьяны Марковны и цельности, и терпимости». А еще – «так хочется побывать там, где хозяйничает Татьяна Марковна. Почувствовать запах дома, услышать шорох листьев в садах Малиновки, постоять над обрывом, восхититься красотой Волги...». (**Федорова Юлия Владимировна**, учитель русского языка и литературы лицея при УлГТУ №45.) Как понятна эта тяга к уютному стабильному миру в нашем суетном, напряженном мире!

В романах И.А. Гончарова алмазная россыпь женских образов. И любимая героиня – Ольга Ильинская. Конечно, она не могла не отозваться в душе нашей современницы! **Ася Васильевна Кашина**, учитель русского языка и литературы средней школы №22 с углубленным изучением иностранных языков имени Василия Тезетева: «Я непременно бы подружилась с Ольгой, и наша дружба была бы искренней, яркой и дарящей забываемые эмоции. Почему я так уверена в этом? Все просто. Люблю людей, в ком нет лжи. А в Ольге «ничего чужого, а все свое, и это свое так смело, свежо и прочно». Мне нравится, что она живет по своим, только ей придуманным правилам, а не по тем, что диктует общество. Мы дышим с Ольгой в одном направлении. Для меня, как и для нее, важны не столько уверения в любви, сколько смелость, решительность, желание действовать, несмотря ни на что. Те же эмоции, те же метания души... Узнаю в ней себя, жизнелюбивую и вечно стремящуюся в Полет!». Работа Аси Васильевны удостоена второго места в номинации «Поделись впечатлением!».

Гончаровым написана галерея женских характеров, которые и делают мир его романов красочным и разнообразным. Но он как будто и представляет некую программу ДНК этих образов. Их устойчивость тянется через десятилетия. И современная женщи-

на, разрываема противоречиями жизни, становится «то Ольгой Ильинской с ее стремлением к идеалу, то Агафьей Пшеницыной, полностью погруженной в заботы о доме. И так каждый день, суeta, хлопоты, постоянные переживания». Это из эссе **Анжелики Евгеньевны Леонтьевой**, учителя русского языка и литературы средней школы №57. Первое место в номинации «Поделись впечатлением!». А вот ее выбор близкой подруги несколько неожидан, но понятен: «Перелистывая роман Гончарова «Обломов», я с каждым годом все больше убеждаюсь, что хотела бы подружиться с одним из самых нежных образов этого произведения, встречаем мы ее только во снах Ильи Ильича – это его мама. «...Обломов, увидев давно умершую мать, и во сне затрепетал от радости, от жаркой любви к ней: у него, у сонного, медленно выплыли из-под ресниц и стали неподвижно две теплые слезы». Мой выбор вам покажется странным: ничем не примечательная женщина, живет маленьким, замкнутым кругом, и заботы-то у нее все такие простенькие, вроде и несерьезные... Ее жизнь, тихая и неторопливая, была полна любви и того скромного женского счастья, которого нам так подчас не хватает... Да, я хотела бы с ней познакомиться, чтобы научиться «просто, мудро жить», жить не завтрашним днем, а сейчас. Остаться в памяти добрым словом и детской слезинкой».

Сам Иван Александрович Гончаров не думал, что его романы будут читаться новыми поколениями. Но вот практика нашей жизни подтверждает, что это не так. И отношение к ним живое – с позиций современной жизни. И герои воспринимаются как живые близкие люди.

Номинация «Привлеките внимание!» предполагала создание буктрейлеров по произведениям писателя. Но, очевидно, сложность заданной темы – «Взросление как испытание» – несколько уменьшила число

желающих участвовать в этой номинации творческого конкурса. Тем не менее и здесь нашлись смелые энтузиасты. Хочется отметить работы **Марины Николаевны Евсичевой**, учителя русского языка и литературы средней школы №37 и **Светланы Николаевны Каштанкиной**, педагога-словесника из гимназии №59.

Буктрейлеры – это работы визуальные, дающие возможность проявить таланты сценариста, режиссера, звукооператора, умение делать короткие, емкие по содержанию ролики.

Творческий конкурс «Мой Гончаров: опыт прочтения» становится традиционным. Проводится ежегодно с 1 по 28 марта.

Постоянными партнерами библиотеки являются – Историко-мемориальный центр – музей И.А. Гончарова и кафедра гуманитарного образования факультета дополнительного образования УлГПУ имени И.Н. Ульянова. Представители этих учреждений входят в жюри конкурса.

Подведение итогов состоялось в Центральной городской библиотеке имени И.А. Гончарова. Были приглашены победители номинаций конкурса, его участники – авторы интересных работ. Благодаря спонсорам – ООО «Халтек – ДоалЛ» и АО «Ульяновский Дом печати» – все были награждены грамотами и соответствующими подарками – замечательными изданиями книг отечественной классической литературы. Также участникам конкурса были вручены выпуски журнала «Симбирск», который адресован, конечно, и учителям литературы. А само подведение итогов прошло в атмосфере взаимной заинтересованности и – без преувеличения – любви к родной литературе, к произведениям нашего талантливого земляка.

Лариса УТИНА, зав. сектором Ульяновского Дворца книги

ОТКРЫТИЯ В БИБЛИОТЕКЕ: И.А. ГОНЧАРОВ И А.Н. ОСТРОВСКИЙ

В апреле 2018 года исполнилось 195 лет со дня рождения русского драматурга А.Н. Островского. Совершенно случайно у меня в руках оказался пятый том полного собрания сочинений А.Н. Островского, вышедшей в начале двадцатого века. В фондах Ульяновской областной научной библиотеки имени В.И. Ленина хранится полное собрание сочинений А.Н. Островского в десяти томах, вышедшее в 1904 – 1905 гг. в издательстве «Просвещение» под редакцией артиста Александринского театра М.И. Писарева. Как оказалось, это первый опыт научного издания сочинений великого драматурга. Подготавливая собрание сочинений, Писарев сверял печатные тексты с находившимися в его распоряжении автографами, исправив в ряде случаев ошибки предшествующих изданий.

Чем привлекателен именно пятый том данного издания? Несомненно, вызывает интерес фотография на контртитule¹. На ней Л.Н. Толстой, Д.В. Григорович, И.А. Гончаров, А.Н. Островский, И.С. Тургенев и А.В. Дружинин. Когда же была проведена фотосъемка и что явилось поводом для ее проведения? В журнале «Наука и жизнь» нашла замечательная статья О. Воробьевой², посвященная этой фотографии. Автор снимка Левицкий Сергей Львович – один из первых фотографов России. Собрала всех совместная работа в журнале «Современник», одним из руководителей которого был Н.А. Некрасов. Согласно записям в дневнике одного из участников фотосъемки А.В. Дружинина, фотографировались писатели 15 февраля 1856 года. В его дневнике есть запись: «Среда, 1856, 15 февраля. Утром по плану Толстого сошлись у Левицкого я, Тургенев, Григорович, Толстой, Островский, Гончаров. Утро в павильоне фотографическом, под кровлей, имело нечто интересное. Просматривали портреты свои и чужие, смеялись, беседовали и убивали время. Общая группа долго не давалась, наконец, удалась по желанию»³.

Первое знакомство И.А. Гончарова с А.Н. Островским произошло в 1849 году, когда он проездом из Петербурга на родину в Симбирск остановился в Москве и присутствовал на чтении комедии «Свои люди – сочтемся!», сначала названную «Банкрот». Комедия

очень понравилась ему, и он уговаривал автора отдать ее в «Отечественные записки» Краевскому.

В Симбирске Гончаров встречался с младшим братом Островского, Михаилом Николаевичем, и передавал ему свое восхищение пьесой.

Стоят: Л.Н. Толстой, Д.В. Григорович, сидят: И.А. Гончаров, И.С. Тургенев, А.Н. Островский, А.В. Дружинин.

Взаимоотношения братьев Островских, в частности переписке, посвящены исследования кандидата филологических наук А.С. Федотова⁴. М.Н. Островский (1827 – 1901) не только играл важную роль в жизни брата-драматурга, но и был заметной фигурой в высшем руководстве империи. Ключевыми событиями в его карьере стали назначение товарищем государственного контролера в

апреле 1871 г., а через год – сенатором. В июле 1878 г. Михаил Островский стал членом Государственного совета, а в мае 1881-го – министром государственных имуществ (в этой должности он пробыл почти 12 лет)⁵. После окончания юридического факультета Московского университета в 1849 г. он был определен в канцелярию симбирского губернатора, где прослужил без малого пять лет. Освоившись в 1849 году в образованном симбирском кругу, молодой чиновник по особым поручениям пишет брату-драматургу о своем знакомстве с критиком Анненковым: «...» «Ему говорил Гончаров о тебе и комедии много лестного. Кстати, я познакомился с Гончаровым, который тебе кланяется, только он совсем схимником живет в Симбирске – его нигде не видно» «...». А в следующем письме: «...» «Ты интересовался узнать, что говорил Гончаров о твоей комедии; правда, он и мне говорил в более общих выражениях, но между тем указывал на знание русского языка и сердца русского человека и на искусное введение в комедию драматического элемента». «...»⁶

Есть предположения, что одна история, связанная с некой Брызгаловой, проживавшей в Симбирской губернии, претендует на право считаться возможной реальной основой сюжета комедии «Свои люди – сочтемся». Занятыми представляются реплики М.Н. Островского, относящиеся к участию братьев в деле купца И.И. Коробова⁷, пытавшегося взыскать при посредничестве Островских долг с Брызгаловой. Можно допустить, что в данном случае описано дело

с завершающим этапом долго длившейся тяжбы. Конфликт окажется чуть ли не единственным известным делом о банкротстве, в котором А.Н. Островский принял самое непосредственное участие^{8,9}.

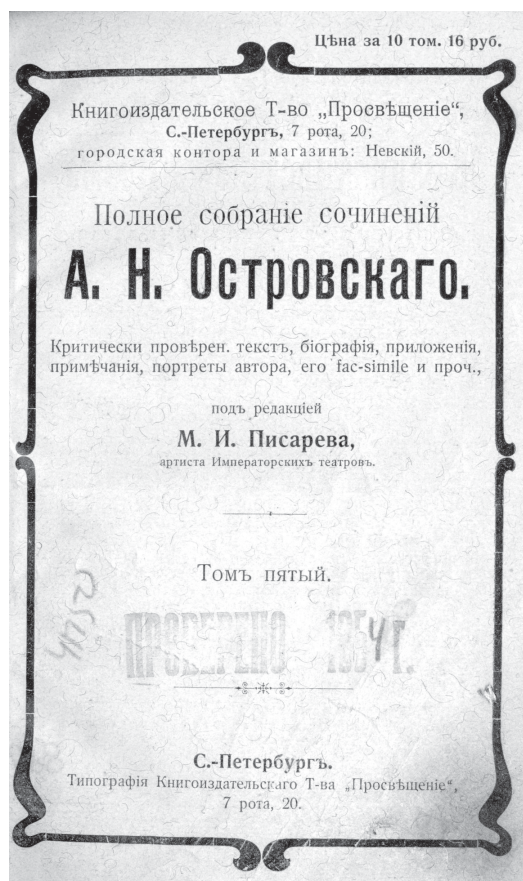
В каждый свой приезд в Петербург А.Н. Островский обязательно встречался с Гончаровым, навещая его один или в компании И.Ф. Горбунова. М.И. Семевский¹⁰ в своих воспоминаниях пишет: «Островский <...> между тем к нему каждый приезд свой в Петербург считал долгом являться, точно также, как, приехавши в Москву нельзя не посетить Иверской Божьей матери, так в Петербурге нельзя не побывать и не явиться к Ивану Александровичу Гончарову¹¹» <...>.

И.А. Гончаров принимал активное участие в делах, связанных с изданиями пьесы «Таланты и поклонники» Островского. В августе 1858 года Гончаров напишет: <...> «Сомнения нет, что комедия в измененном виде пройдет, но мне хотелось бы, чтобы она прошла в прежнем виде; я буду настаивать на этом...» <...>¹².

Гончаров высоко ценил творчество Островского. В 1859 году сказал: <...> «Островский написал прелестнейшую комедию «Воспитанница». Высоко оценил «Снегурочку», «Сон Воеводы», «Таланты и поклонники». В 1870 году подарил драматургу издание «Обрыва» с надписью: «Александр Николаевичу Островскому в знак живейшей симпатии и глубокого уважения к нему и к его таланту от автора» <...>. Это издание с автографом автора хранится в редком фонде Ульяновской областной научной библиотеки имени В.И. Ленина.

В 1860 году Гончаров дал хвалебный отзыв о «Грозе» для комитета по Уваровской премии¹³, во многом благодаря ему премия и была присуждена Островскому. Грибоедовскую премию¹⁴ за 1883 год Островский получил тоже не без участия Гончарова. Мнение членов жюри в оценке пьес Островского разошлись. Правда, по болезни Гончаров не участвовал в судействе, свое мнение он высказал в письме к комитету. И его мнение сыграло решающую роль. В результате премия была присуждена Островскому за пьесу «Красавец мужчина».

В 1874 году И.А. Гончаров утверждал: <...> «Островский, бесспорно, самый крупный талант в современной литературе» и предрекал ему долговечность. В 1882 году в связи с 35-летием драматической деятельности Островского, как бы подводя итоги его творческой деятельности, автор «Обломова» дал ему оценку, ставшую классической и хрестоматийной. Он писал:

<...> «Вы один достроили здание, в основание которого положили краеугольные камни Фонвизин, Грибоедов, Гоголь... Только после Вас мы, русские, можем с гордостью сказать: «У нас есть свой русский, национальный театр... Приветствую Вас, как бессмертного творца бесконечного строя поэтических созданий, от «Снегурочки», «Сна воеводы» до «Талантов и поклонников» включительно, где мы воочию видим и слышим исконную, истинную русскую жизнь в бесчисленных, животрепещущих образах, с ее верным обличем, складом и говором» <...>.

Кроме дружеских взаимоотношений с нашим земляком, А.Н. Островского с Симбирском связывает и Волга. Волга – постоянный действующий персонаж его произведений, и личные встречи с актерами театров в приволжских городах были для драматурга очень важны. В 1856 году Александр Николаевич Островский отправился в поездку по Волге от

Нижнего Новгорода до Саратова. 27–29 мая помечены его письма к друзьям и родным из Симбирска. Из всех мест города, связанных с творчеством Островского, значительнее всего, конечно, Новый Венец, Аллеи Венца в сознании нескольких поколений читателей и любителей театра слились с образами героинь «Бесприданницы» и «Грозы». Осенью 1857 года Островский сообщил Н.А. Некрасову о своем намерении написать <...>. «целый ряд пьес под общим заглавием «Ночи на Волге» (Полн. собр. соч., т. XIV, Гослитиздат, 1953, стр. 66). Одним из произведений этого цикла и должна была явиться комедия «Воевода (Сон на Волге)». Этнограф С.В. Максимов, близко знавший Островского, в статье, посвященной литературной экспедиции, писал: <...> «Волга дала Островскому обильную пищу, указала ему новые темы для драм и комедий... <...>. По словам Максимова, здесь драматургу приснился поэтический «Сон на Волге», и восстали из гроба живыми и действующими воевода Нечай Григорьевич Шальгин с противником своим – вольным человеком, беглым удальдом, посадским Романом Дубровиным во всей той правдивой обстановке старой Руси, которую может представить одна лишь Волга, в одно и то же время и богомольная, и разбойная, сытая и малохлебная» <...>¹⁵. Кстати, в пятый том полного собрания, изданного в начале двадцатого века, входит и пьеса «Воевода».

Тема «Островский и Гончаров» обширна и интересна. Обращение к ней позволяет открыть новые стороны дарования писателей, по-новому увидеть литературный процесс второй половины XIX века.

¹ Контртитул (от лат. contra – против и titulus – заглавие) – левая страница разворотного титула (оборот авантитула). Контртитул становится объектом художественного оформления книги.

² Воробьева О. Кто сохранил лица писателей для потомков? / О. Воробьева // URL: <https://www.nkj.ru/open/24532/>. дата обращения 21.03.201

³ Там же

⁴ Федотов А.С. Письма М.Н. Островского А.Н. Островскому: 1848 – 1849 гг./ А.С. Федотов // Вестник Московского университета, сер. 9. Филология. 2011. №3. С. 194-222.

⁵ Государственные деятели России XIX – начала XX в. Биографический справочник / Сост. И.И. Линьков и др. М., 1995.

⁶ Подлинник в ЦТМ им. А.А. Бахрушина: Ф. 200. Ед. хр. 1427.

⁷ Иван Иванович Коробов – крупный московский купец, дядя Ивана Ивановича Шанина – близкого знакомого Островского.

⁸ Ревякин А.И. Москва в жизни и творчестве А.Н. Островского. М., 1962. С. 19.

⁹ Федотов А.С. Дело Коробова как источник комедии Островского «Свои люди – сочтемся!»// Русская филология. 23. Сб. статей. Тарту, 2012. С. 24–30.

¹⁰ Семевский Михаил Иванович (1837 – 1892), историк, публицист, общественный деятель.

¹¹ Семевский М.И. Встречи в Петербурге// А.Н. Островский в воспоминаниях современников. М., 1966, с. 153 – 158.

¹² И.А. Гончаров. Собрание сочинений, т. 8, с. 176, 178.

¹³ Уваровская премия учреждена в 1856 году в память о графе С.С. Уварове, бывшем с 1818 года президентом Академии наук. Она присуждалась в основном за труды по русской истории, но среди ее лауреатов были и драматические писатели. В 1860 г. комиссии по присуждению наград графа Уварова при Академии наук обращает внимание на пьесу Островского: на конкурс поступает 8 пьес и среди них – «Гроза».

¹⁴ Грибоедовская премия – премия за лучшую пьесу, вручавшаяся в России ежегодно с 1883 по 1917 годы.

Премия была учреждена в 1878 году Обществом русских драматических писателей и оперных композиторов

¹⁵ Максимов С. В. Литературная экспедиция. По архивным документам и личным воспоминаниям// Русская мысль.- 1890. – №2. – С. 40. А.Н. Островский в воспоминаниях современников: Очерк. – 1966. – 268 с.

Антонина ЛОБКАРЁВА, старший научный сотрудник Историко-мемориального центра-музея И.А. Гончарова

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ И РАССКАЗОВ О МОРСКОМ ПЛАВАНИИ

О малоизвестном очерке И.А. Гончарова

Правительствами двух стран 2018 год объявлен перекрестным Годом России в Японии и Японии в России. Это решение было принято после визита президента РФ Владимира Путина в Японию. В декабре 2016 года встреча российского лидера проходила в родном городе главы японского правительства Синдзо Абэ – Нагато. После переговоров президент РФ Владимир Путин и премьер-министр Японии Синдзо Абэ обменялись традиционными подарками. Российская сторона преподнесла японским коллегам старинный тульский самовар 1870 года и картину современного художника Игоря Разживина «Русская тройка в Коломенском». В свою очередь Синдзо Абэ преподнес Владимиру Путину пергамент с репродукцией японской картины, созданной в середине XIX в. и отражающей один из эпизодов пребывания дипломатической миссии Е.В. Путятина в Японии. Известно, что эта миссия проходила в два этапа. Первый этап переговоров с японцами состоялся в г. Нагасаки. Он длился с перерывами с августа 1853 г. по апрель 1854 г. и описан И.А. Гончаровым, участником событий, в книге «Фрегат “Паллада”». Начавшиеся тогда русско-японские переговоры были прерваны Крымской войной. Уже на фрегате «Диана» адмирал Путятин вновь прибыл в Японию в декабре 1854 г. и 26 января 1855 г. в здании храма Тэраку заключил первый русско-японский договор. Подписанию договора предшествовали трагические события. Переговоры начались 10 декабря 1854 г., однако уже на следующий день были прерваны вследствие сильного землетрясения и цунами. «Диана» потерпела крушение, ее экипаж был направлен в близлежащую деревню Хэда для строительства нового корабля, а миссия разме-

стилась в одном из уцелевших храмов города Симода. Для того чтобы делегация смогла отплыть домой, японские плотники вместе с русскими матросами построили новое судно «Хэда». Знаменитый эпизод спуска «Хэда» был увековечен в городе Суруга на свитке длиной 6,2 метра и шириной 30 см, который хранится в Восточной библиотеке в Японии.

На основе этого полотна компания Fujii Xerox создала репродукцию со сверхвысоким качеством изображения при помощи новейшего лазерного принтера. Для копии использовалась бумага «хонминоваси», являющаяся культурной ценностью государственного значения Японии и внесенная в 2014 году в список нематериального культурного наследия ЮНЕСКО. Бумага производится вручную, поэтому она такая ценная.

События второго этапа русско-японских переговоров описаны в романе известного советского писателя Н. Задорнова «Хэда». Интересно, что И.А. Гончаров также описал трагедию русской миссии в Японии в малоизвестном очерке «Из воспоминаний и рассказов о морском плавании», впервые напечатанном в сборнике «Складчина», составленном из трудов русских литераторов в пользу голодающих Самарской губернии. «Складчина» была издана в марте 1874 года. Позже этот очерк печатался как послесловие к книге «Фрегат “Паллада”» под названием «Через двадцать лет».

Предлагаем познакомиться со страницами очерка, посвященными гибели фрегата «Диана» и судьбе русских моряков, участников этой трагедии.

ИВАН ГОНЧАРОВ

«ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ И РАССКАЗОВ О МОРСКОМ ПЛАВАНИИ»

Очерк

11-го декабря 1873 года и 6-го января 1874 года небольшое общество морских офицеров собралось отпраздновать дружеским обедом двадцатилетнюю годовщину избавления их от гибели в означенные числа на море при крушении в 1854 году в Японии фрегата «Диана».

На втором из этих обедов присутствовал и я, ласково приглашенный главным лицом этой группы, в которой было несколько офицеров, перешедших на фрегат «Диана» с фрегата «Паллада».

Многое возобновилось в памяти плавателей за этим обедом, много приведено было забытых подробностей путешествия, особенно при крушении «Дианы». Японская экспедиция была тут почти вся в сборе, в лице главных ее представителей, кроме бывшего командира «Паллады» (теперь вице-адмирала и сенатора И.С. Унковского), и я в этом, знакомом мне, кругу стал как будто опять плавателем и секретарем адмирала. Возьму же опять перо, перенесусь за двадцать лет назад и доскажу, между прочим, о том, что случилось с «Палладой» и как заключилось дальнейшее плавание моих спутников, после того как я расстался с ними.

А заключилось оно грандиозной катастрофой, именно землетрясением в Японии и гибелью фрегата «Дианы», о чем в свое время газеты извещали публику. О том же подробно доносил великому князю, генерал-адмиралу, начальник экспедиции в Японию генерал-адъютант (ныне граф) Е.В. Путятин.

Бывают нередко страшные и опасные минуты в морских плаваниях вообще: было несколько таких минут и в нашем плаваньи до берегов Японии. Но такие ужасы, какие испытали наши плователи с фрегатом «Диана», почти беспримерны в летописях морских бедствий.

Обязанность – изложить событие в донесении – лежала бы на мне, по моей должности секретаря при адмирале, если бы я продолжал плавание до конца. Но я не жалею, что не мне пришлось писать рапорт: у меня не вышло бы такого капитального произведения, как рапорт адмирала («Морской сборник», июль, 1855).

Я могу только жалеть, что не присутствовал при эффектном заключении плавания и что мне не суждено было сделать иллюстрацию этого события под влиянием собственного впечатления, наряду со всем тем, что мне пришлось самому видеть и описать.

В то самое время как мои бывшие спутники близки были к гибели, я в течение четырех месяцев проехал десять тысяч верст по Сибири, от Аяна на Охотском море до Петербурга, и в свою очередь переживал если не страшные, то трудные, иногда и опасные в своем роде минуты.

Все это происходило в устьях Амура. Фрегат «Диана» уже пришел на смену «Палладе», которая отслужила свой срок, состарелась и притом избита была вытерпенными нами штормами, особенно у мыса Доброй Надежды, и ураганом в Китайском море. Сначала ее хотели ввести в устье Амура, но по мелководью это оказалось невозможно. Ее оставили в Татарском проливе, в Императорской бухте. Ее разоружили, то есть сняли с нее пушки, порох, такелаж – все, что можно было снять, а ветхий остов ее был оставлен под надзором моряков и казаков, составлявших наш пост в этой бухте, с тем чтобы в случае прихода туда французов и англичан его затопили, не давая неприятелю случая похвастаться захватом русского судна.

Так «Паллада» и кончила свое существование в этой бухте: от нее оставалось одно днище, которое, вероятно, пригодилось на что-нибудь нашим людям, содержавшим там пост.

II

Но как все страшное и опасное, испытываемое многими плавателями, а также испытанное и нами в плаваньи до Японии, кажется бледно и ничтожно в сравнении с тем, что привелось испытать моим спутникам в Японии! Все, что произошло там, представляет ряд страшных, и опасных, и гибельных вместе – не минут, не часов, а дней и ночей.

Много ужасных драм происходило в разные времена с кораблями и на кораблях. Кто ищет в книгах сильных ощущений, за неимением последних в самой жизни, тот найдет большую пищу для воображения в «Истории кораблекрушений», где в нескольких томах собраны и описаны многие случаи замечательных крушений у разных народов. Погибали на море от бурь, от жажды, от голода и холода, от болезней, от возмущений экипажа.

Но никогда гибель корабля не имела такой грандиозной обстановки, как гибель «Дианы», где великолепный спектакль был устроен самой природой. Не раз на судах бывали ощущаемы колебания моря от землетрясения, – но, сколько помнится, больших судов от этого не погибало.

Пересев на «Диану» и выбрав из команды «Паллады» надежных и опытных людей, адмирал все-таки решил попытаться зайти в Японию и если не окончить, то закончить на время переговоры с тамошним правительством и условиться о возобновлении их по окончании войны, которая уже началась, о чем получены были наконец известия.

Перед отплытием из Татарского пролива время, с августа до конца ноября, прошло в приготовлениях к этому рискованному плаванью, для которого готови-

лись припасы на непредвиденный срок, ввиду ожидания встречи с неприятелем.

По окончании всех приготовлений адмирал, в конце ноября, вдруг решился на отважный шаг: идти в центр Японии, коснуться самого чувствительного ее нерва, именно в город Осаки, близ Миако, где жил микадо, глава всей Японии, сын неба, или, как неправильно прежде называли его в Европе, «духовный император». Там, думал не без основания адмирал, японцы струсят неожиданного появления иноземцев в этом закрытом и священном месте и скорее согласятся на предложенные им условия.

Так и сделал. «Диана» явилась туда – и японцы действительно струсили, но, к сожалению, это средство не повело к желаемым результатам. Они стали просить удалиться, и все берега свои заставили рядами лодок, так что сквозь них надо было пробиваться силою, а к этому средству адмирал не имел полномочия прибегать.

Японцы тут ни о каких переговорах не хотели и слышать, а приглашали немедленно отправиться в городок Симодо, в бухте того же имени, лежащей в углу огромного залива Иеддо, при выходе в море. Туда, по словам их, отправились и уполномоченные для переговоров японские чиновники. Туда же чрез несколько дней направилась и «Диана». В этой бухте предстояло ей испытать страшную катастрофу.

Здесь я кладу перо как путешественник и автор. Далее меня не было с плователями, и я являюсь только редактором некоторых их воспоминаний, рассказов и донесений о крушении «Дианы» и о возвращении в Россию.

Постараюсь сделать это в нескольких общих чертах, как можно короче, чтобы не лишать большого интереса тех из читателей, которые пожелают ознакомиться с событием из самого рапорта адмирала, где все изложено – полно, подробно и весьма просто и understandably, несмотря на обилие морских терминов.

Все это событие и последствия его принадлежат истории нашего мореплавания, а теперь пока они теряются на страницах малодоступного большинству публики специального морского журнала.

«Одним из тех ужасных, редких явлений в природе, случающихся, однако же, чаще в Японии, нежели в других странах, совершилась гибель фрегата „Диана“». Так начинается рапорт адмирала к великому князю, генерал-адмиралу, – и затем, шаг за шагом, минута за минутой, повествует о грандиозном событии и его разрушительном действии на берегах и на фрегате.

Прочитав это повествование и выслушав изустные рассказы многих свидетелей, – можно наглядно получить вульгарное изображение события, в миниатюре, таким образом: возьмите большую круглую чашку, налейте до половины водой и дайте чашке быстрое круговращательное движение – а на воду пустите яичную скорлупу или представьте себе на ней миниатюрное суденышко с полным грузом и людьми. Вот положение судна и людей. Но в чашке нет ни скал, стоящих в виде островов посередине, ни угловатых берегов, – а это все было в бухте Симодо.

Надо заметить, что бухта Симодо не закрыта с моря и, следовательно, не может служить безопасным местом для стоянки судов.

11 декабря, в 10 часов утра (рассказывал адми-

рал), он и другие, бывшие в каютах, заметили, что столы, стулья и прочие предметы несколько колеблются, посуда и другие вещи прискакивают, и поспешили выйти наверх. Все по-видимому было еще покойно. Волнения в бухте не замечалось, но вода как будто бурлила или клокотала.

Около городка Симодо течет довольно быстрая горная речка: на ней было несколько джонок (мелких японских судов). Джонки вдруг быстро понеслись не по течению, а назад, вверх по речке. Тоже необыкновенное явление: тотчас послали с фрегата шлюпку с офицером узнать, что там делается. Но едва шлюпка подошла к берегу, как ее водою подняло вверх и выбросило. Офицер и матросы успели выскочить и оттащили шлюпку дальше от воды. С этого момента начало разыгрываться страшное и грандиозное зрелище.

Вот рисунок этой картины в двух-трех главных штрихах.

Вследствие колебания морского дна у берегов Японии в бухту Симодо влился громадный вал, который коснулся берега и отхлынул, но не успел уйти из бухты, как навстречу ему, с моря, хлынул другой вал, громаднее. Они столкнулись, и не вместившаяся в бухте вода пришла в круговоротное движение и начала полоскать всю бухту, хлынув на берега, вплоть до тех высот, куда спасались люди из Симодо.

Второй вал покрыл весь Симодо и смыл его до основания. Потом еще вал, еще и еще. Круговращение продолжалось с возрастающей силой и ломало, смывало, топило и уносило с берегов все, что еще уцелело. Из тысячи домов осталось шестнадцать и погибло около ста человек. Весь залив покрылся обломками домов, джонок, трупами людей и бесчисленным множеством разнообразнейших предметов: жилищ, утвари и проч.

Все это прибило к одному из берегов в такой массе, что образовало, по словам рапорта адмирала, «как бы продолжение берега».

А что делалось с фрегатом в это время?

По изустным рассказам свидетелей, поразительнее всего казалось переменное возвышение и понижение берега: он то приходил вровень с фрегатом, то вдруг возвышался сажень на шесть вверх. Нельзя было решить, стоя на палубе, поднимается ли вода, или опускается самое дно моря? Вращением воды кидало фрегат из стороны в сторону, прижимая на какую-нибудь сажень к скалистой стене острова, около которого он стоял, и грозя раздробить, как орех, и отбрасывая опять на середину бухты.

Потом стало ворочать его то в одну, то в другую сторону с такой быстротой, что в тридцать минут, по словам рапорта, было сделано им сорок два оборота! Наконец начало бить фрегат, по причине переменной прибыли и убыли воды, об дно, о свои якоря и класть то на один, то на другой бок. И когда во второй раз положило – он оставался в этом положении с минутой..

И страх, и опасность, и гибель – все уложилось в одну эту минуту!

Все уцепились: кто за что мог. Все оцепенело в молчании. Потом раздались слова молитвы: все молились, кто словами, и все, конечно, внутренно, так усердно, как, по пословице, только молятся на море!

Бог услышал молитвы моряков, и «Провидению,

– говорит рапорт адмирала, – угодно было спасти нас от гибели». Вода пошла на прибыль, и фрегат встал, но в каком положении!

Не все, однако, избежали и от гибели: один матрос поплатился жизнью, а двое искалечены. Две неприкрепленные пушки, при наклонении фрегата, упали и убили одного матроса, а двум другим, и, между прочим, боцману Терентьеву, раздробили ноги.

Помню я этого Терентьева, худощавого, рябого, лихого боцмана, всегда с свистком на груди и с линьком или лопарем в руках. Это тот самый, о котором я упоминал в начале путешествия и который угощал моего Фаддеева то линьком, то лопарем по спине, когда этот последний, радея мне (без моей просьбы, а всегда сюрпризом), таскал украдкой пресную воду на умыванье, сверх положенного количества, из систерн во время плавания в Немецком море.

Несколько часов продолжалось это возмущение воды при безветрии и наконец стихло. По осмотре фрегата он оказался весь избит. Трюм был наполнен водой, подмочившей провизию, амуницию и все частное добро офицеров и матросов. А главное, не было более руля, который, оторвавшись вместе с частью фальшкиля, проплыл, в числе прочих обломков, мимо фрегата – «продолжать берег», по выражению адмирала.

Фрегат разоружили: свезли все шестьдесят орудий на берег и отдали на сохранение японцам, объяснив им, как важно для нас, чтобы орудия не достались неприятелю. И японцы укрыли и сохранили их тщательно, построив для того особые сараи.

Вообще они, несмотря на то что потерпели сами от землетрясения, оказали нашим всевозможную помощь и послуги. Японские власти присылали провизию и снабжали всем нужным.

Наш государь оценил их услуги и, в благодарность за участие к русским плователям, подарил все 60 орудий японскому правительству.

Но и наши не оставались в долгу. В то самое время, когда фрегат крутило и било об дно, на него нанесло напором воды две джонки. С одной из них сняли с большим трудом и приняли на фрегат двух японцев, которые неохотно дали себя спасти, под влиянием строгого еще тогда запрещения от правительства сноситься с иноземцами. Третий товарищ их решительно побоялся, по этой причине, последовать примеру первых двух и тотчас же погиб вместе с джонкой. Сняли также с плившей мимо крыши дома старуху.

Когда утихло, адмирал послал на развалины Симодо К.Н. Посьета и доктора подать помощь раненым. Но, ради все того же страха, раненых спрятали и объявили, что их нет. Но наши успели мельком заметить их.

Так кончился первый акт этой морской драмы, – первый потому, что «страшные», «опасные» и «гибельные» минуты далеко не исчерпались землетрясением. Второй акт продолжался с 11-го декабря 1854 по 6-е января 1855 г., когда плователи покинули фрегат, или, вернее, когда он покинул их совсем, и они буквально «выбросились» на чужой, отдаленный от отечества берег.

Фрегат повели, приделав фальшивый руль, осторожно, как носят раненого в госпиталь, в отысканную в другом заливе, верстах в 60 от Симодо, закрытую

бухту Хеда, чтобы там повалить на отмель, чинить – и опять плавать. Но все надежды оказались тщетными. Дня два плователи носимы были бурным ветром по заливу и наконец должны были с невероятными усилиями перебраться все (при морозе в 4°) сквозь буруны на шлюпках, по канату, на берег, у подошвы японского Монблана, горы Фудзи, в противоположной стороне от бухты Хеда.

С наступлением тихой погоды хотели наконец, посредством японских лодок, дотащить кое-как пустой остов до бухты – и все-таки чинить. Если фрегат держался еще на воде в тогдашнем своем положении, так это, сказывал адмирал, происходило, между прочим, оттого, что систерны в трюме, обыкновенно наполненные пресной водой, были тогда пусты, и эта пустота и мешала ему погрузиться совсем.

Сто японских лодок тянули его; оставалось верст пять-шесть до места, как вдруг налетел шквал, развел волнение: все лодки бросили внезапно буксир и едва успели, и наши офицеры, провожавшие фрегат, тоже, укрыться по маленьким бухтам. Пустой, покинутый фрегат качало волнами с боку на бок...

Ночью нельзя было следить за ним, а наутро его уже не было видно...

Когда читаешь донесения и слушаешь рассказы о том, как погибала «Диана», хочется плакать, как при рассказе о медленной агонии человека.

Вот эти два числа – 11 декабря, день землетрясения, и 6 января, высадки на берег, как знаменательные дни в жизни плователей, и были поводом к собранию нашему за двумя вышеупомянутыми обедами.

Наконец, третье действие – это возвращение путешественников, тоже под страхом и опасностями своего рода, разными путями в Россию...

Так кончилось крушение «Дианы», которое займет самое видное место в летописи морских бедствий.

VII

К этому остается прибавить немного, что еще рассказывали мне мои бывшие спутники о дальнейших своих похождениях и о заключении этой замечательной во всех отношениях экспедиции.

От подошвы Фудзи наши герои, «по образу пешего хождения», через горы, направились в ту же бухту Хеда, куда намеревались было ввести фрегат, и расположились там на бивуаках (при 4° мороза, не забудьте!), пока готовились бараки для их помещения, временного и, по возможности, недолгого, потому что в положении Робинзонов Крузе пятистам чело-векам долго оставаться нельзя. Надо было изыскать средство уйти оттуда каким бы то ни было образом. Дождаться ответа на рапорт, пока он придет в Россию, пока оттуда вышлют другое судно, чего в военное время и нельзя было сделать, – значит нести все тягости какого-то плена. Не затем прошли сквозь все гибели, чтобы киснуть на полудиком побережье, сложив руки, когда «наши там... дерутся!» – думали плователи.

Решились искать помощи в самих себе – и для этого, ни больше ни меньше, положил адмирал построить судно собственными руками с помощью, конечно, японских услуг, особенно по снабжению всем необходимым материалом: деревом, железом и проч. Плотники, столяры, кузнецы были свои: в команду

всегда выбирают люди, знающие все необходимые в корабельном деле мастерства. Так и сделали. Через четыре месяца уже готова была шкуна, названная в память бухты, приютившей разбившихся плователей, «Хеда».

Из донесений известно, что наши плователи разделились на три отряда: один отправился на нанятом американском судне к устьям Амура, другой на бременском судне был встречен английским военным судном. Но англичане приняли наших не за военнопленных, а за претерпевших кораблекрушение и, разделив по своим судам, доставили их, кругом мыса Доброй Надежды, в Европу.

Наконец, сам адмирал на самодельной шкуне «Хеда», с остальной партией около сорока человек, прибыл тоже, едва избежав погони английского военного судна, в устья Амура и по этой реке поднялся вверх до русского поста Усть-Стрелки, на слиянии Шилки и Аргуни, и достиг Петербурга.

С самыми лучшими чувствами симпатии и добрых воспоминаний обращаюсь я постоянно к этой

эпохе плавания по морям, к кругу этих отличных людей и встречаюсь с ними всегда, как будто не расставался никогда.

Мне поздно желать и надеяться плыть опять в дальние страны: я не надеюсь и не желаю более. Лета охлаждают всякие желания и надежды. Но я хотел бы перенести эти желания и надежды в сердца моих читателей – и – если представится им случай идти (помните: «идти», а не «ехать») на корабле в отдаленные страны – предложить совет: ловить этот случай, не слушая никаких преждевременных страхов и сомнений. Читатель, может быть, возразит на этот совет, что довольно и того, что написано в этой главе, чтобы навсегда отбить охоту к морским путешествиям. Напротив, именно этот рассказ и подтверждает мой совет. Как же: в то время, когда от землетрясения падали города и селения, валились скалы, гибли дома и люди на берегу, фрегат все держался и из пятисот человек погиб один! И после, потеряв корабль, плователи отделались благополучно, и все добрались домой, и большая часть живут и здравствуют донныне.

Виктор МАЛАХОВ, поэт, член Союза писателей России, член Российского Союза профессиональных литераторов. Родился в городе Челябинске в 1951 году. После окончания политехнического института трудился инженером в Иркутске. С 1978 года живет в Ульяновске, работает элетромонтером по вахтовому методу в Ханто-Мансийском округе Тюменской области.

Виктор Малахов заявил о себе в полный голос еще в 70-х – начале 80-х годов в литобъединении «Надежда», которым руководил незабвенный Александр Семенович Бунин. В 1994 году в издательстве «Симбирская книга» под редакцией Людмилы Бурлаковой был издан первый сборник стихотворений «Друже мой». Затем были выпущены поэтические книги «Чаша осени», «Нужные слова», «Мерцание тайны», «Зримая музыка», «След бабочки», «Второй взгляд» и др. В 2017 году в издательстве «Корпорация технологий продвижения» вышла книга стихов «Легкий кораблик».

Лауреат поэтической премии имени Николая Благова.

СКРЫТЫЙ ОГОНЬ

стихи из книги «Легкий кораблик»

СУДЬБА

Судьба – направление, а не дорога.
Юлить, уклоняться – себе же дороже.
И надо идти до предела, до Бога
И узкою тропкою, и бездорожьем.

Тебе захотелось тепла и уюта?
Тебя истомила судьбина земная?

Представь лишь,
насколько труднее кому- то!
Припомни, как может обязывать знанье!

Тебя моя речь за живое задела?
Я рад, ведь такое бывает нечасто.
Но если расходятся слово и дело,
Готов я за каждое слово ручаться!

ДОВЕРИЕ

Земля добра. Честят ее, корят,
Ее леса без сожаленья сводят;
Над нею синь небесную копят,
Ее живые отравляют воды...

Земля мудра. И все-таки опять
Беспечна и не ждет удара в спину.
...Вот так же точно не умеет мать
Не доверяться собственному сыну.

СЛОВО

Только Слово и было вначале,
Мира сущего первоисток.
Не его ли я слышу в молчанье,
Где-то там, в глубине между строк?

Скороспелых чурасью суждений
И логических формул боюсь,
Ибо всякое слово – суженье,
Ибо сказанным сам умалюсь.

О значении слов понаслышке
Знаю я, но хотелось бы мне
Знать закон, установленный свыше,
Видеть скрытый огонь в глубине!

От дроблений земных, от мельчаний,
От речений пространных устав,
На себя вызываю молчанье,
Замыкаю на время уста.

Дорожащий свободой воли,
Подытожив свой опыт земной,
Не постичь я хочу, но всего лишь
Слово Бога почтить тишиной!

МИЛОСТЬ

Разве вы умеете, деревья,
Ради нас горевшие дотла,
К нам еще испытывать доверье,
Зная наши мысли и дела?

Дикое зверье и скот домашний,
Малые речушки и моря,
Рядом с нами откровенно страшно
Вам должно быть, честно говоря!

Сколько же грехов нам отпустилось,
Сколько же простилось нам вины!
Велика Божественная милость –
Снова мы для мира прощены.

ЗАКОНЫ ВРЕМЕНИ

Сегодня время тянется со скрипом,
Как тяжело груженная повозка.
Есть в медленности умысел сокрытый,
Урок натуре приземленно плотской.

В такие дни преследуют соблазны
Ускорить время, сжать его до мига,

До малости, чтоб с ней покончить разом
И устранить досадную заминку.

Но время за насилье над собою
Жестоко мстит и воздаст сторицей
За изгнанные горечи и боли,
За вырванные смятые страницы.

У времени этапы есть, и звенья,
И собственные важные задачи.
Есть у него такой закон – терпенья,
И есть такой закон – самоотдачи.

ЕДИНСТВЕННЫЙ ОТВЕТ

Слагается скупыми йотами
От альфы до омеги путь.
И мимолетными вопросами
Спешат мгновения блеснуть.

Прносятся вопросы праздные
(О, только бы не отвечать!),
И будет всякий раз по-разному
Ответ единственный звучать.

ДАР СВОБОДЫ

Мало же у нас свободы,
Не дается нам она!
Кто же нам ее не додал?
Чья промашка? Чья вина?

Коли ты с рассудком дружен,
Не спеши ответы дать.
Так ли уж взаправду нужен
Нам свободы тяжкий дар?

Пусть ее намажут медом,
Пусть вином ее запьют,
Все в понятии «свобода»
Есть горчащий неуют!

С ней ведь надо что-то делать,
А не так, как прежде, жить!
Ну, положим, как идеей
Можно ею дорожить.

Ну а если сжиться с нею
Так, чтоб ею бился пульс?
Я, признаться, не умею
И уметь не тороплюсь.

Сгоряча, спервоначалу,
Чтобы ей ни присягнуть?
Но ведь это означает
Вникнуть в собственную суть!

Без труда такого рода
(А ведь он весьма тяжел!)
Разве мыслима свобода?
Так, всего лишь произвол.

РЕЦЕПТ

Пером (читайте: шариковой ручкой)
 Пренебрегал я столько, сколько мог,
 И так себе отчаянно наскучил,
 Что духом пал и телом занемог!

И это самый подходящий случай
 Сложить одну-другую пару строк,
 Дабы вовлечься в пламенный поток
 Гармонии врачующих созвучий.

В могучее течение миров
 Я снова влит. И, значит, я здоров,
 И мне доступны выси все и дали.

Я снова полон ярких дум и чувств,
 И этим самым сам себя лечу.
 ...А вы рецепт лекарства прочитали.

ЗОВ РОДИНЫ

Все вокруг покрыто тайною,
 И уклончивы уста.
 Но вокруг чего шатания?
 Может, это неспроста?

Кое-кто в пути измаялся,
 Заблудился и отстал.
 ...Разве я кого заманивал?
 Разве что-то обещал?

Вот и вы за мною бродите,
 А над нами – небосвод.
 ...Это нас обоих Родина
 Тихим голосом зовет!

Все, что в мире есть глубинного,
 Нас чарует и манит
 Вдаль крылами голубиными,
 В самый солнечный зенит!

НЕОБХОДИМОСТЬ

Разве жизнь всего лишь бремя?
 Разве в тягость всякий час?
 Торопить не буду время,
 Разделяющее нас.

В этом скромном настоящем
 Знаю я такой закон:
 Нет часов неподходящих,
 Беспольных нет времен!

В том, что нет с тобой любимой,
 Что скучаешь, терпишь боль,
 Есть своя необходимость,
 Не учтенная тобой.

Было так «во время оно».
 Так не лучше ль до конца
 Верить благодати Закона,
 Верить мудрости Творца?

РАННИМ УТРОМ

Сегодня я проснулся очень рано,
 С постели теплой и уютной встал,
 Земли и неба ощутил слиянность
 И утро нежным взглядом областал.

Ты вновь со мною, милое светило!
 Охалками лучей своих ржанных
 Всем без изъятия ты даруешь милость,
 Тобою щедро все награждены!

Ты все охватишь, все собой приветишь,
 Сияньем золотым весь мир залив!
 И будет радость на большой планете
 И самым малым жителям Земли!

Какой-нибудь губастый головастик
 Проснется в глубине прохладных вод,
 И вдруг займется неразумным счастьем
 Сердечко благодарное его!

Наталья ГОРОБЕЙ глубокий цельный человек, пишет стихи, когда наполняется ими. Живет в Ульяновске.

Недавно в городской библиотеке №4 состоялся авторский творческий вечер Натальи Горобей «Любовь земная и небесная».

«Поэзия способна передавать сокровенный мир Души. Душа, как и природа, растет и обращена к небесному Свету. Удивительная красота природы вдохновляет выразить отблески света и чувств в стихах».

ВРЕМЕНА РОСТА

ОЖИДАНИЕ

Ожидаю, когда расцветут
Вдоль дорог золотистые липы.
Сладкой струйкой мечты потекут
И предчувствий старинные клипы.

Ожидаю тихонько, без слов,
Только шелест да светлые блики.
Как люблю предвкушенья плодов
Вызревающей земляники!

Ожидаю грозу и дожди,
И сближенья сердец этим летом.
На моем одиноком пути
Ты вдали появился с букетом...

ПРАЗДНИК ВОЗНЕСЕНИЯ

Сорок рассветов – в день
После воскресной Пасхи.
Цвет облачил сирень,
В тон заиграли краски.

Праздника яркий бал –
Чуткий, нарядный, дружный.
В срок одуванчик стал
Белым. Совсем воздушный

Кружится не спеша...
Ритм – идеальность слуха.
Распознает Душа –
Освобожденье Духа.

СОЛНЕЧНЫЙ ЗАЙЧИК

Утром играет свет –
Прыгает будто зайчик.
Сквозь полусон – «Привет!» –
Солнечный одуванчик.
Не торопись, малыш,
Не исчезай с рассветом.
За горизонты крыш
Я бы хотела следом...»

СПАС

И эта боль почти ушла –
Лишь яблок падающих вздохи.
Издалека колокола
Шлют благодать. Ее до крохи

Суметь принять, чтоб жить в миру,
Но к Свету плыть над облаками...
Звонарь на солнечном ветру
Небесный зов творит рукам.

* * *

На березах –
Небесный свет,
Чуть сквозит белизной глубина.
Просвети миллионы лет –
В Храм дорога видна...

Переполнился
В листьях свет,
Мироточит высот благодать.
Просвети миллионы лет –
Я иду, чтобы стать...

ОСЕНЬ

Осень – итог.
Улетают последние листья.
Нежный цветок
Стал созревшим, здоровым плодом.

Осень – виток.
Помудревшие тихие мысли...
Свежий поток
И бодрит, и ласкает висок.

СОБИРАНИЕ

Не спеша соберу виноград –
Налитые, медовые гроздья.
Белоснежен простой мой наряд.
Я в саду – и хозяйка, и гостья.
Под косынкой игривая прядь.
И себя, как плоды, собирая,
Стану тихо листве подпевать,
Звону пчел, светомузыке рая.

А когда заиграет вино –
О, смятенное время брожения, –
На метель залюбуюсь в окно,
Как лоза, затаюсь до цветенья.

БЕССОННИЦА

Ночь, не уснуть. С дождем
долго рассвета ждем.
Под перестук – транзит –
Город, согревшись, спит.
Знаю, мое призвал
сердце ночной вокзал.
И до утра затих...
Только стучится стих,
Как неусыпный глас –
«Боже, помилуй нас».

* * *

Я шла сквозь падающий свет
 летящих крошек снегопада.
 Напоминал зимы расцвет,
 Что красота – душе отрада.

Среди ошибок и побед,
 мирского счастья и разлада
 напоминал глубокий след,
 что Путь к Тебе –
 и есть награда.

Я шла по снежным облакам,
 Спустившимся на землю в стужу,
 Открывшись выюгам, как Рукам,
 Обнявшим трепетную душу.

СНЕЖИНКА

Необозрима снежность
 Видимого пространства.
 Залобовалась вечность
 Голубизной убранства.

Я где-то там, где дымка...
 Белым комочком снега
 Трепетная снежинка
 Перелетает с неба.

ИНЕЙ

Снизу – до сини неба
 Сосны окутал иней.
 Кто расколдует зиму
 Если не Ты, любимый?..

* * *

Задержалась с уходом зима,
 Даже выюга вне сроков выиграла.
 Почему же всю ночь до утра
 Мне весенняя песня звучала?
 И звенели капли во сне...
 Я от яркого солнца проснулась.
 Уходящей так долго зиме
 И весне сквозь метель улыбнулась.

О, предчувствие жизни, тепла,
 Очищающих мощных потоков.
 Как прекрасна Весна и смела!
 И неважно незнание сроков.

ВОСПОМИНАНИЕ

Снега горсть поддержку в руке:
 Расставание – тает связь.
 Еще скованность на реке,
 А внутри душа – разлилась.

Синь весны просветляет взор,
 Забываю зимы узор.
 Оживает зерно цветка,
 Как столетия назад, века...

...Помню будущую сирень –
 Первой встречи весенний день.

СКЕРЦО

Твое дыханье ощутить
 В благоухании сирени,
 В дрожащих бликах светотени...
 Знак счастья в гроздьях находить.

Настроиться на высший лад,
 В благом цветенье раствориться.
 И тихо Свету помолиться
 За сад земной и райский сад.

ВЕСНА

Душа в стихах проговорила –
 Кого ждала. Кому молилась.
 И даже клеточкой стремилась
 Преодолеть земной соблазн.

Весна всегда об этом знала
 И каждый раз напоминала –
 Что встречи неизбежны сроки,
 Что Он – единственный, высокий –
 моя Любовь.

ДУШЕ

Земное – прах.
 Я знаю, что ты чиста.
 Дерзай, Мой птах,
 Я жду, и ждет Высота.
 Люби, свети!
 Помни – главный закон высот.
 Дерзай, лети!
 Достигай неземных красот.

Земля – урок.
 Я верю, что ты сильна.
 Земное – срок,
 Ты Небо выбрать вольна.
 Земное – час.
 Ты вечна, и ты мудра.
 Бессмертье – в нас,
 А прах унесут ветра.

* * *

Вся жизнь – поток.
 Нескончаемость – смысл Пути.
 Земля – виток,
 Мудрость высшую обрети.
 Подъем не прост,
 И сценарий Творца суров.
 Земное – рост,
 Испытание душ, миров.

Да, жизнь игра.
 Но радость и боль – всерьез.
 Узнай, пора –
 Кто ты в мире реальных грез.
 Рубеж, итог –
 Только стимул – вперед, лети!
 Земля – пролог,
 Вечность боготворит впереди...

Татьяна КАРПОВА живет в Ульяновске. Журналист, педагог, член ульяновской организации РСРП и городского клуба поэтов. Автор сборников стихов: «На стебельках души», «Свет надежды», «Где обедал кашалот?», «Лето веселого цвета», «МАГиЯ». Стихи Татьяны Карповой положены на музыку Еленой Ньюкало, Евгением Грандом (Беляниным), Вячеславом Кузнецовым, Ириной и Натальей Нужиными, Татьяной Козловой.

В ТЕПЛОМ ДОМЕ

ЛЮБОВЬ КАК РОЗА

Любовь, как с шипами роза:
Красива, но колется очень.
И зреют над нею грозы.
И слезы она пророчит.
Но к ней прикоснусь душою
Бесстрашно – шипы исчезнут.
Ты – счастье мое большое,
Так мне говорит надежда.

НЕ ЗАБЛУДИШЬСЯ

В сад любви (не заблудишься, знаю)
Ты придешь, ты придешь, ты придешь.
Там огнем зари маки пылают
И роняют стыдливую дрожь.
Там в фонтаны оранжевых лилий
Утром солнца вплетается нить.
Ты услышишь впервые там: «Милый...», –
Чтоб меня никогда не забыть.

НЕ НАДО ПРИВЫКАТЬ

Не надо привыкать –
Люби без привыканья,
Гори в огне любви,
Как будто в первый раз.
Назначь мне, милый друг,
В саду весны свиданье,
Дари мне нежность губ,
Дари сиянье глаз.
Заворожи меня
Волшебными словами –
Чтоб до утра пропасть
Нам в омуте любви.
Пусть знает только Бог,
Что дальше будет с нами...
Мне пылкое «люблю»
Сто раз ты повтори!

ЛЕТА ДЛИННЫЕ ДНИ

Лета длинные дни:
В них вмещаются все наши встречи.
Ты мне даришь букеты
Красивых цветов луговых.
Пахнет таволгой томной,
На солнце настоящей, вечер.
Делим звездную ночь,
Счастья полную, мы на двоих.

Все прекрасно у нас.
Уходить не торопится лето.
Дремлют тучи до срока
(Даст осень команду!) дожди.
Только в чаще лесной
Загрустили глаза бересклета:
На развилке дорог
Ждет разлука – она впереди.

БУСЫ ИЗ ЯНТАРЯ

Осень березке дарит
Бусы из янтаря...
Что я тебе не пара –
Сплетницы шепчут зря.
Просто слепая зависть
Чей-то туманит взор.
Нас ведь любовь связала,
Так не крадись, как вор.
Вижу, как ты растерян,
Сплетнями оглушен.
Осень ковры нам стелет.
Верь мне: все хорошо.
Пусть поцелуй мой сладкий
Сердце пьянит твое.
Месяц глядит украдкой
В облачное окно.
Знает: тебе я – пара,
Выбрал меня не зря.
Завтра ты мне подаришь
Бусы из янтаря.

В ТЕПЛОМ ДОМЕ

В теплом доме растает зима,
Если впустить.
Я с тобой рассталась сама –
Что же грустить?
В теплом доме – жаркая печь,
Холод – в груди.
Не смогла я счастье сберечь –
Все позади.
За окном опять белый снег
Сыплет зима.
И меня соперницы смех
Сводит с ума.
Ей с тобой счастливою быть.
Снег скрывает обман...
Мне б тебя скорее забыть! –
Больно от ран.

За окном ветер кричит,
Просит тепла.
Поугру в томной печи
Будет зола.
Но печали все мне не сжечь,
Милый, дотла.
Жаль, любовь нашу сберечь
Я не смогла.

РАССТАЕМСЯ, ЧТОБЫ...

Расстаемся – сердцем маемся,
Долго силимся забыть.
Расстаемся – зарекаемся
И влюбляться, и любить.
Расстаемся – обещаниям
Новым верить не хотим.
Расстаемся – боль прощания
Долго колетса в груди.

Расстаемся – путь намечился
В стороне, уже другой.
Расстаемся, чтобы встретиться,
С кем указано судьбой.

ТАК БЫВАЕТ...

Так бывает: люди разлучаются,
А потом винят во всем судьбу.
Счастье каждый день не всем встречается.
Счастье не написано на лбу.
Так бывает: день наполнив грезами,
Улетает прочь потом мечта.
И любовь бывает несерьезная
И не остается навсегда.
Так бывает, что пора весенняя
С радостью в наш дом приходит вновь.
Пусть не оставляет вас везение –
Дарит вам надежду и любовь!

Нина ДАВЫДОВА родилась 14 декабря 1948 года в городе Беговат (ныне Бекабад) Ташкентской области Узбекистана. Окончила физфак Казанского государственного университета, была направлена в Ульяновск по месту распределения мужа. Работала инженером-разработчиком радиоэлектронных устройств в НИИ «Марс» (1974 – 1998). Первые стихи написала в начальной школе. Публиковалась в альманахах «Гончаровская беседка», «Стихи по кругу». Автор поэтических сборников «Марсианские стихи», «Взгляд назад», «Синее кимоно», «Позабитые острова», книги стихов и прозы «Слёзы цветов моего дерева». Член Ульяновской организации Российского союза профессиональных литераторов.

В марте 2018 состоялся творческий вечер Нины Давыдовой в отделе – городской библиотеке №4.

На стихи Нины Давыдовой бардом Евгением Грандом написаны песни «Вороха облетевшей листвы», «Каравелла», «Мы уходим».

СКВОЗЬ МЕНЯ ПРОХОДИТ СВЕТ...

* * *

Цветет миндаль. В далекой стороне
В горах весна ручьи прядет из снега.
И птицы беззаботно в вышине
Звонят о чем-то позабытом мне.
Смотрю сквозь годы, будто бы во сне,
Пусть тут еще зима в ночном окне,
В душе царит томительная нега.
Цветет миндаль в той дальней стороне.

* * *

Возвратиться б в сонный двор,
где за низеньким забором
вновь с июньским солнцем спорит
лес сомлевших помидоров.
Он меня укроет в тень,
спрячет в сказочное царство,
только стрекоза звенеть
будет в зелени пространства.
Трону листья, и они
отзовутся ароматом,
растянувшим миг когда-то
с детства до, невероятно,
до сегодняшней весны,
холодов, дождей, где сны
все короче, все тревожней...
Утро, солнце. Осторожно
глажу пальцами рассадку.
Тот же запах. Все как надо.

* * *

Мы целовались под дождем
В объятиях золотого сада.
Был хмурый день счастливым днем
В ветрах и песнях листопада.
Он разогнал прохожих прочь,
Мы были двое в целом свете.
День таял, кутала нас ночь
В желаний трепетные сети.
Промок мой, зонт и плащ промок,
А дождь кружился и смеялся,
И льющийя сквозь нас поток

Стихал и снова начинался.
Мы целовались под дождем.
Не в силах до утра расстаться.
Как этот день сейчас далек,
Лишь привкус на губах остался.

* * *

Не прощались. Расставались
На полгода, не на век.
Письма нежные писались...
Реже. Новый человек
Был на празднике все ближе,
И Другая – как вино.
Руки медленно все ниже
В танце медленном. Давно
У Нее своя дорога,
У Него своя судьба...
Тени бродят у порога.
И понять не могут оба,
Отчего в ночи тревога
И опять в душе борьба.
Отчего не могут письма
Эти давние читать,
И о невозвратном мысли
Не дают упорно спать.

* * *

Не виделись почти десяток лет.
С подругой вспоминаем о былом.
Показывает,
Он построил дом.
И мир как схлопнулся,
и в горле боли ком.
Тяну улыбку, как бы о другом
заговорить, себя не выдав.
Нет.
Нет сил.
Колени ватные.
На свет
тяну себя сквозь глухоту силком.
Забывать, забывать, забыть! Забыть о Нем...
Все, отвернулась,
мне, мол, дела нет.
Только не встретиться!
Ни через сколько лет...

* * *

Я в сиреневом платье,
 Что было вчера золотым.
 Раскрывает объятия
 Мне грустная, поздняя осень.
 За окошком невятно –
 Дождинки, туман? Или дым,
 Листьев временем смятых,
 Простуженный ветер уносит.

Проступает все чаще
 Сквозь лужи задумчиво лед
 Робко, странно, щемящее
 Трава кое-где прорастает.
 Словно старенький плащик,
 Листва ей тепла не дает
 В перелеске молчащем,
 Где нынче никто не гуляет.

Я в сиреневом платье
 Холодных дождей затяжных,
 Что бессмысленно тратит
 На кроны засохшие небо.
 От утраты к утрате
 Любви и желаний земных,
 Шаг за шагом к той дате,
 Где смешаны были и небыль.

* * *

Не грусти, мой хороший,
 впереди еще видно тропу.
 Даже если пороша
 намедает порою сугробы.
 Наши годы не ноша,
 а следы, по которым идут
 Те, что там, позади,
 потому что намного моложе.
 Да, бывают ветра,
 что до боли нам студят сердца.
 И тогда до утра
 мы тоскуем о тех, что не с нами.
 Но ведь мы не отступим?
 И, даже дойдя до конца,
 Хоть на десять шагов
 в целину этой жизни протянем
 Ту тропу,
 что пока что видна впереди.
 Не грусти, не грусти,
 не грусти, мой хороший...

* * *

Сквозь меня проходит свет...
 Или нет?
 И несет меня вода.
 В никуда...
 Режет тело в кровь металл,
 Что на дне
 Вырос копиями обиды
 Во мне.
 И готовится земля,
 Словно мать,
 Приласкать меня,

Простить и обнять.
 Пусто, холодно, темно.
 Все равно?
 Лишь потери да разлуки
 Давно.
 Нитка тонкая ручья поперек,
 Еле теплится внутри огонек.
 Зацепилась между да или нет,
 Сквозь меня лишь тихо призрачный свет.
 Слезы горечи в воде –
 Без следа...
 Меч в руке –
 Чтоб отступила беда?
 Солнце стрелами
 В шелома врага.
 И земля встает
 Опорой ногам!
 И горит, горит огонь как маяк,
 И вперед душа сквозь боли моя.

* * *

Пришиваю заплаты
 на дырявое платье судьбы.
 Вот прореха, когда-то
 пролегла сквозь арену борьбы
 несовпавших желаний.
 Заплата всячим мостом...
 Вышиваю по краю
 разноцветным болгарским крестом.
 Кто-то думает, может,
 украшенья на платье моем
 и узором похожим
 примеряет к себе, как стихом
 проверяя созвучность
 ожиданий, событий и чувств.
 С каждым разом все лучше
 штопать серое платье учусь.
 Дождик, ветер холодный
 обтрепал словно время подол –
 бахрому, ах, как модно,
 сверху ниточки с бисером в пол
 Гляну в зеркало – осень,
 что горит разноцветной листвою,
 неба дальнего просинь
 журавли над моей головой.

* * *

В полумраке кабинета,
 Где зашторено окно,
 Лампа окружает светом
 Чувства давнего тепло.
 Роза в вазе темно-синей,
 К строчкам тонкое перо,
 Почерк мелкий и красивый
 В стареньком блокноте. Сила,
 Вдохновение и рок.
 Боль, что временем размыта
 В книге изданной судьбой.
 Пальцы птицей по страницам,
 А за ними люди, лица...
 Вздох. И тихо начал литься
 Голос Музы надо мной.

Наталья СТРЕМИТИНА (Шурина). Прозаик, поэт, публицист. Более 20 лет живет в Вене (Австрия).

Автор книг «Как быть любимой», «Приключения Тела», «Записки из подвала», «Рецепт для похудения», «Порыв» и др. Стихи, статьи и проза публиковались в различных российских и зарубежных изданиях.
<http://www.natalia-stremitina.com>

В 2015 году Наталья Стремитина была гостем Ульяновска.

ЛАВКА ЧУДЕС

фантастическая юмореска

Мне не нравится летать на самолете – как это ужасно зависеть от бездушной машины, с которой у меня нет ничего общего – ведь не вырастут за моей спиной крылья, если в самолете что-то сломается и он начнет падать. Никому не пожелаю испытать это...

Однажды мы ехали по шоссе, где недавно разбился пассажирский самолет – на земле валялись клочья чего-то странного... После этого случая мое воображение попросту не пускает меня ни в какие летающие устройства. Ведь еще никто не догадался сделать надежную защиту для людей, которые решились подняться на десять тысяч метров над землей – их почему-то кормят никому не нужной едой и утяжеляют вес самолета симпатичными стюардессами...

Вот какие стихотворения я написал, сидя в самолете на пути к Австралию – полет длился 14 часов:

Как высоко поднялся самолет!

Но никого полет не удивляет:

Один глядит в окно и все зевает,

Другой жует, а третий просто спит...

Никто свой судьбы не ворошит.

Никто в раздумье тяжком не спрашивает:

– Буду ли я жить?

А вдруг наш самолет не долетит?

И что тогда? Куда?

Какая бездна нас с тобой поглотит?

И кто тогда нас с равнодушьем спросит:

– Ты почему не думал не гадал?

На сей раз – самолет наш не упал...

Природу я люблю гораздо больше, чем технику, хотя она тоже вытворяет страшные и совершенно неуправляемые бедствия, но она имеет на это право, ведь Природа позволила человеку занять так много места на Земле! Вот она и борется с человечеством своими методами – ураганами, наводнениями, а подчас извергает из себя лаву, как большой человек, который очищает свой желудок, если в него попал несвежий бутерброд с колбасой...

Но жизнь без риска и приключений очень скучна и однообразна, я не боюсь рисковать, но делаю это совсем по-другому.

В нашем небольшом городишке один бывший ученый придумал такое, что его вполне можно назвать волшебником. До сих пор никто не знает, как он достигает эффекта перевоплощения и перехода из одного состояния в другое. Много лет он работал в

своей лаборатории и никого не пускал в свой дом, его охраняли волкодавы непонятной породы, возможно, он их сотворил из слонов, такие они были громадные. Поначалу он планировал завоевать своим открытием всю Солнечную систему, но что-то с ним приключилось. Скорее всего, он перешел границы дозволенного, к нему прилетели инопланетяне и пригрозили тем, что заберут его в другую Галактику, и он там будет в совершенном одиночестве чистить космические конюшни... После этого он и открыл «Лавку чудес».

Однажды я купил там банку песка, на банке была табличка: «Пустыня». Я принес ее домой и высыпал содержимое банки в дальнем конце своего сада. Я не знал, что из этого выйдет и в кого я превращусь: то ли в ящерицу, то ли в тарантула, а может, просто в колючку, что каким-то образом выживают в пустыне.

Но вчера в «Лавке чудес» был рыбный день, и я купил бутылку с морской водой. Пришел домой, вылил содержимое в бассейн у своего дома и *плыву, рассекая носом зеленовато-голубоватую воду, она сразу превратилась в морскую, и я почувствовал ее особый соленый вкус.*

Мое упругое сигарообразное тело скользит и скользит, я несусь вперед, не чувствуя своей тяжести.

Жаль, что мой домашний бассейн очень мал: поворот, опять поворот, неумелым движением поднимаю голову, и, не рассчитав усилие, едва не вылетаю из бассейна с морской водой, как бы зависаю над бортиком, и вновь погружаюсь в воду. Но целое мгновение парю в воздухе и успеваю увидеть лужайку перед своим домом, элегантную постройку 22 века.

– Все-таки хороший архитектор строил мой дом! – проносится в моей голове.

Еще один вдох, и я падаю в упругую соленую воду.

..Я не знаю, кто я, мысль о доме была последней, а теперь я испытываю лишь одно желание – двигаться, резвиться, осязать и охлаждать свою кожу новым прикосновением воды, воды, воды...

Вновь и вновь плыву: то погружаюсь ко дну, то несусь у поверхности воды, выпрыгиваю вверх, прыгаю, еще поворот, вдоль, назад, прыжок – глоток воздуха и резвость, резвость как безумие, как упоение свободой...

– Мама, смотри, кто-то носится в нашем бассейне! Да это дельфин!

– Ну и что в этом особенного. Наверно, отец привез его из экспедиции и выпустил в бассейн! Постой, на стуле лежит его одежда, а вот стоят летние туфли...

Я оглядываюсь по сторонам и вижу странную зеленую бутылку, всю обросшую мхом, будто она пролежала сотню-другую лет на дне какого-нибудь моря...

– Может быть, отец переоделся? – спрашиваю я.

– Ты же знаешь, он носит эти брюки все лето. Он вообще не замечает, во что он одет, и рассеян, как все ученые. Боюсь, что-то случилось. Может быть, катастрофа на планете Трафальмадор? Ведь там погибла вся биомасса, а он... если бы не открытие нашего отца, мы на Земле давно бы погибли из-за отходов цивилизации...

– Мама, папа не мог улететь и не попрощаться с нами, – говорю я и осторожно прикасаюсь к бутылке, которую мама просто не заметила. И тут же отбрасываю ее со стоном – в лицо ударяет странный резкий запах. Глаза и нос щиплет, и закрываю глаза руками и на ощупь пробираюсь в дом под вакуумный душ.

Прихожу в себя и возвращаюсь на то место, где только что была таинственная бутылка. Она исчезла. В двух шагах нахожу фирменную крышку от нее с

надписью: «Лавка чудес».

– Что это? – спрашиваю у мамы. Она задумчиво перекладывает папины вещи и вдруг вскакивает со стула, на котором сидела, бежит к бассейну и кричит:

– Павел! Павел! Где ты?

Из бассейна выпрыгивает дельфин, и мы слышим что-то похожее на вздох:

– Я здесь!

– Мама! Ты слышала?

Мама ничего не отвечает, а только машет руками и бессильно опускается на траву. Через минуту к ней возвращается дар речи:

– Эти эксперименты до добра не доведут. В прошлый раз я гоняла по всему дому прожорливых ящериц, ведь я не знала, что одна из них был твой отец. Хорошо, что я не вызвала «Группу очистки» с дезинфекцией...

А потом отец клялся мне, что никогда не будет НИ В КОГО превращаться, и вот опять, пожалуйста...

Я слушаю маму, а сам смотрю вокруг и вижу бумажку, сложенную вчетверо. Может быть это письмо отца? Разворачиваю и читаю: «ИНСТРУКЦИЯ: Если вы обнаружили, что кто-то из ваших близких пропал, не пугайтесь, значит, он или она увлекся игрой в СТИХИЮ и ПРЕВРАТИЛСЯ в Носорога или Слона, Черепаху или Дельфина...

– Да, на этот раз, к счастью, Дельфин, – говорит мама.

– Через 24 часа, – читаю я дальше, – тот, кто неузнаваемо преобразился, вернется к вам. Только не старайтесь за ним подсматривать, иначе он останется навеки Носорогом или Слоном...».

– Ты представляешь? Он мог превратиться в Слона! Где бы мы раздобыли для него корм? Слава Богу, рыба в холодильнике у меня есть, – говорит мама и уходит в дом.

– Вот это выдержка, – думаю я и продолжаю наблюдать за прыжками моего папаши. Все-таки в свои 45 лет он ведет себя как ребенок, резвится вовсю и не обращает на меня никакого внимания. Я подхожу к краю бассейна и кричу:

– Папа! Сделай что-нибудь!

Дельфин выскакивает из воды и делает сальто.

– Скажи мне что-нибудь! – продолжаю я приставать к отцу.

– Не могу-у... – отвечает Дельфин-отец, и я вижу, как дельфин разевает рот и качает головой.

– Послушай, Андрей, – говорит мама строгим обычным голосом, как будто ничего не случилось, – тебе надо заняться чтением и музыкой. Кроме того, я не помню, чтобы на этой неделе ты составил новую программу для нашего компьютера?

– Мама! Можно я поплаваю вместе с дельфином, вернее, вместе с отцом?

– И не думай! Будешь делать глупости, когда станешь взрослым, а сейчас быстро принимайся за уроки.

Конечно, я не послушал маму и незаметно вернулся к бассейну, мне так хотелось увидеть, что будет дальше. Но в один прекрасный момент я заснул...

...Отец вошел в дом веселый и помолодевший.

– А вот и я! – сказал он так, будто совершил маленькое путешествие на экватор. – Как вы поживаете, мои дорогие? Где мама?

Я ничего не успел ответить. Из кухни вылетела маленькая красивая птичка-колибри и запела:

– Я с вами, дети мои. Я с вами, дети мои...

Мы с отцом бросились на кухню. На полу валялась знакомая бутылка с надписью: «Лавка чудес».

Галина ПЕЧЁРКИНА

НЕЗАБЫВАЕМОЕ, НЕПОВТОРЯЕМОЕ

страницы книги

В 2017 году вышла автобиографическая книга-альбом Галины Печеркиной «Незабываемое, неповторяемое» (Ульяновск, «Корпорация технологий продвижения»). Подзаголовок гласит: «Семейная хроника и не только...». Эта книга – размышления автора о дорогах жизни, которые мы не всегда выбираем сами, о судьбе своего поколения, о семье и близких людях.

Галина Константиновна Печеркина родилась в Ленинграде. В 1949 г. отца направили на работу в г. Ульяновск. Здесь Галина окончила школу №3. После окончания Ленинградской лесотехнической академии, получив диплом инженера-экономиста, она все же избрала журналистику.

В 1960-м – год создания Ульяновской студии телевидения – стала работать редактором сначала в промышленной, а потом в информационной редакции. За 33 года работы на телевидении вышло в эфир более двадцати тысяч материалов Г. Печеркиной: передач по промышленности и строительству, телеочерков, кино- и фоторепортажей, интервью, не считая устной теле- и радиоинформации. В течение 9 лет каждую неделю выходила в эфир ее авторская программа «Почта недели». Член Союза журналистов СССР с 1967 года. Параллельно с основной работой, начиная со студенческих лет, выступала в разных аудиториях с поэтическими программами выдающихся поэтов России и зарубежья.

Жена народного художника РФ Аркадия Ефимовича Егуткина, который много лет возглавлял Ульяновское отделение Союза художников России. С 2014 года семья живет в Израиле.

Предлагаем вниманию читателей отрывки из книги Г. Печеркиной.

Посвящается Аркадию

Кто мы, откуда и куда мы идем
Поль Гоген

СЕМЕЙНАЯ ХРОНИКА

НЕ ЖДАЛИ...

Маме сказали, что детей у нее не будет (из-за какой-то ранней болезни), и, когда вдруг начал расти живот, для них с папой это было полной неожиданностью. В роддоме на третий день после родов медсестра поднесла маме ребенка – бело-розовую пухлую девочку со светлыми волосиками: «Смотрите, какой чудный ребенок!». Мама улыбнулась, мол, действительно чудный, и отвернулась к стенке. Медсестра в недоумении спросила: «Мамаша, Вы что же, ребеночка кормить не собираетесь?». Мама прямо подскочила. «Да Вы, наверное, перепугали! Откуда у нас, смуглых и темноволосых, такое «белое» дитя!». Но ошибки в ленинградском спецроддоме, где наблюдались «нестандартные» роженицы, быть, конечно, не могло. Так появилась на свет моя старшая сестра Инка, и, как выяснилось позже, она была похожа на папину светловолосую сестру Нину.

Мама – Фрида Григорьевна Жорова, отец – Константин Иванович Печёркин, дочери Инна и Галина Печёркины.

Я родилась на шесть лет позже, и относительно моего происхождения сомнений не было – я была смуглой и крикливой, и родители над именем не раздумывали – тут же назвали Галкой. Кстати, это имя мне доставляло в жизни массу неудобств. В метриках я значилась Галиной. Но до школы я была для всех только Галой и Галкой. В институте же у нас в группе было семь Галь, и на окрик «Галька!» поворачивались все семь. Почему-то в нашем детстве все мы звались Нинками, Вальками, Томками, и только самую высокую мою школьную подругу, похожую на кубинку, все называли Эммочкой. Я была ей до плеча, и нас за глаза звали Пат и Паташон.

«КОРИДОРНЫЕ» ДЕТИ

Окончив Ленинградский инженерно-экономический институт (который недавно окончила и их правнучка Даша), родители получили комнату в общежитии от своего завода «Красный треугольник». Старшее поколение, конечно, помнит черные галоши, внутри красные, с треугольным штампом. Де-

тей выпускали играть в длинный коридор, где они соответственно и «воспитывали» друг друга. Однажды к нам зашел знакомый профессор со своей маленькой дочкой, которая тут же сообщила, что у нее плохая пигментация кожи, а потом прочла стихок на французском языке. Моя сестра тоже решила удивить гостей и сообщила: «А у нас в мужской уборной раковину поставили!». Напоследок смущенный профессор протянул Инке конфетку в фантике, и мама, чтобы как-то реабилитировать дочь, произнесла: «Инночка, что нужно сказать?». На что та с готовностью ответила: «Чтобы еще дали».

Из раннего детства помню немного: свой день рождения в три года, когда гости принесли в подарок туфельки – пять одинаковых пар. Я от смущения забралась под кровать и ни за что не хотела вылезать. На даче как-то корова лягнула меня, когда я трепала ее за хвост и громко вопрошала: «Мама, это называется корова?». По рассказам взрослых, я кубарем покатилась с горки на мягкую траву. Видимо, удар был несильным, но я заревела, конечно, больше от неожиданности и обиды. Взрослые, обнаружив мою невредимость, стали громко смеяться.

Мама со мной не нежничала, все больше воспитывала, зато папа баловал, и по утрам я громко обращалась именно к нему: «Пап, дай чѐм быть!» (какое-то лакомство).

Помню свою последнюю няньку. Девушки из деревни тогда устраивались нянчиться с детьми, чтобы где-то жить. Когда мама увидела, как она жарит картошку и тем же ножом почесывает голову, сказала: «Все! Хватит нянек». И я оказалась в садике.

Мы жили, как все, в общежитии, на лето снимали комнатку в Мартышкино под Ленинградом. Вместе с соседями нанимали грузовик, чтобы привезти кровати и стол. Комнаты сдавались пустыми.

Мама вспоминала, как 22 июня 1941 г. торопилась рано утром на дачу навестить нас с бабушкой. На платформе пригородного поезда встретила свою обычно веселую подругу и спросила: «Сонька, ты чего такая понурая?». Та сурово помолчала и спросила: «Ты что, не знаешь, что ночью война началась?». Еѐ мужа, военврача, призвали в первые же часы. Он погиб почти сразу.

НЕТ, ВА!

Началась война. Хорошо помню первые бомбежки, и мы бежим в бомбоубежище. Я тащу с собой куклу. На вокзале во время эвакуации меня потеряли. Я вообще росла шустрой и упрямой. Мама вспоминала потом: как-то едем на трамвае по мосту, и, чтобы удержать меня на сиденье, она говорит мне, поворачивая голову к окну: «Галочка, вон видишь – Нева». Я громко на весь трамвай: «Нет, ва!».

«ОБУТКА» ДЛЯ ТАНКОВ

Мамин завод «Красный треугольник» эвакуировался из Ленинграда на Урал, вместо галош он станет выпускать резину для танков. Помню набитые людьми теплушки. Из-за моей дизентерии мы застряли в

пути и дальше ехали уже зимой. Я приподнялась в кузове и вижу, что из труб идет дым, а домов не видно. Оказывается, их вместе с крышами занесло снегом. Сначала мы оказались в Очёре – небольшом городке, кажется, где-то под Молотовым (теперь городу вернули старое название – Пермь).

ЧАЙ ВПРИГЛЯДКУ

Эвакуированных расселяли по квартирам. Нам повезло: хозяйва уступили второй этаж деревянного дома, дали теплую одежду. Помню их огромный самовар с сапогом наверху. Мама говорила, что он ведерный и что хозяйка с мужем выпивают его за вечер вдвоем «вприглядку» – сахара не было. Мне иногда везло – дедушка доставал из кармана неизвестно откуда взятую сладкую «подушечку», обляпанную табаком. Это было лучшее лакомство. Я бегала с этажа на этаж по крутой лестнице, рискуя сломать себе шею, и сестра не успевала меня вылавливать. Однажды она кричит: «Мама, лови ее. У нее полные штаны!». Я бегу, широко растопырив ноги, и кричу: «Инка врёт!». Правда, я такого не помню, это рассказывала мама.

В Свердловске нас поселили сначала в пятиметровую комнатку. Я спала на мешке с картошкой, дедушка – на столе, Инка не знаю где, а мама с папой круглые сутки проводили на работе.

ТРЯПОЧНЫЕ КУКЛЫ и ЦЕЛЛУЛОИДНЫЙ КЛОУН

Я очень любила свою кукольную квартирку, устроенную между рамами окон. Вся мебель – шкафчик, кровать, столик – были сделаны из спичечных коробков и шпудек, зеркальце – из серебряной бумажки. Куколок мы делали так: туго сворачивали выпрошенную тряпицу, перетягивали сверху нитками – получалась головка, что-то из ниток соорудили сверху, изображая косы, рисовали на личике глазки, ротик, две точки – носик. Потом заворачивали куколку в плёночку и укладывали на кровать, прикрывая одеяльцем из цветных лоскутков. Позднее у меня всем на зависть появится целлулоидный клоун, которого можно было умывать и купать. Это была уже несказанная роскошь. А в конце войны появилась настоящая кукла с закрывающимися глазами в платье и в шапочке.

Самым страшным воспоминанием был большой пожар напротив наших окон. Ночью загорелась больница. В комнате стало светло, как днем. Казалось, огонь вот-вот перекинется и на наш дом. Но обошлось.

Помню круглосуточный садик. Иногда поздно вечером, вернувшись из очередной командировки, папа тихонько вытаскивал меня из окна (наверное, с позволения воспитательницы) и брал домой. Наскоро собираясь, я очень волновалась – правильно ли надену туфельки, вдруг перепутаю.

НАРУШИТЕЛИ

Еще вот что вспоминается из садиковой жизни. Вместе со мной в группу ходил внук знаменитого сказочника Бажова – автора «Хозяйки медной горы», «Каменного цветка» и многих других сказаний о богатствах Урала и его славных мастерах, высекавших из зеленого камня малахита драгоценные вазы, украшавшие царские дворцы. Мы с этим мальчиком Бажовым прыгали по кроватям, как только воспитательница выходила из спальни. Было обидно, что на-

казывали меня одну. Все после «мертвого часа» (так в садике именовался дневной сон) отправлялись гулять, а меня в наказание за плохое поведение заставляли досыпать. Нянечке было велено доглядывать за мной. Слышу, воспитательница спрашивает: «Ну что, спит?». А няня отвечает: «Не поймешь, веки у нее вздрагивают, наверное, притворяется». Конечно, я притворялась, заснуть не получалось.

СТРАШНЫЙ ДОМ, ГДЕ НИКТО НЕ ЖИЛ

Детский сад, куда меня водили, запомнился мне красивой синей ручкой на входной двери. Помню обиду на Анну Абрамовну, музработника, за то, что меня не сделала Снегурочкой, а только Снежинкой, хотя и обещала. Наверное, чтобы не говорили, что Анна Абрамовна дала мне роль Снегурочки по блату, зная, что она дружит с моей мамой. Я хорошо читала стихи и рассчитывала на большее.

Напротив нашего садика, чуть выше по улице стоял мрачный дом, мимо которого мы старались не ходить. Шептались, что в его подвале убили царя. Но никто не распространялся на эту тему, и нам не верилось. Зато выше по улице в парке стоял сказочный дворец, где и был наш Дом пионеров, принадлежавший ранее богатейшему на Урале человеку. (Читайте «Приваловские миллионы».)

ОБЕД ВЕРХОМ НА ПАРТЕ

Как и положено, в семь лет меня отдали в начальную школу, она была через дорогу. К этому времени мы уже переехали в новую квартиру, так как папу назначили председателем Свердловского горплана. После бывшей пивной мы оказались словно в сказке. Две светлых комнаты, большой коридор, кухня и даже маленькая комнатка для няни. Это была старая добрая женщина, долго жившая у съехавших соседей. В деревне, где она выросла, родных не осталось. Мама пожалела ее и была рада, что та согласилась приглядывать за мной и следить за порядком в доме. Помню, как Августа Дмитриевна, так её звали, плела из лоскутков половички и настилала их на влажный пол.

С Августой Дмитриевной мы очень дружили. У нее были тёмные большие руки с гладкой сухой кожей. Я натягивала кожу пальчиками и получался «заборчик», как из пергамента. Он какое-то время держался, не расправляясь. «А почему у меня так не делается?» – вопрошала я. «Поживи с мое, и у тебя так делается». И правда – сделалось.

Дверь в квартиру закрывалась на цепочку. Однажды Августа Дмитриевна послала меня узнать, кто звонит: «Наверное, нищий, подай ему хлеба». Я открыла дверь, и на меня рванулся дядька в кожаном пальто, но помешала цепочка. И ему ничего не оставалось, как быстро исчезнуть.

ЛЯПЫ

«Штандр» была наша любимая дворовая игра, как и ляпы, как беговая и круговая лапта, прятки и «12 палочек» (ну это чуть старше, когда играли уже с мальчишками). Детей в пяти подъездах нашего четырехэтажного дома было много. Кстати, ляпами на Урале называли игру в догонялки. У девчонок самой любимой была игра в «классики» – простые и «лягушки», когда после двух квадратов рисовался еще один, промежуточный, потом снова два и так далее. Надо было прыгать на одной ноге, перегоняя битку из класса в класс, не наступая на черту.

Еще мы любили прыгать через скакалку и кидать мяч в стенку. Кидали одной рукой, двумя, били головой, коленкой, через коленку – масса вариантов. У меня не очень-то получалось, зато крутиться через металлические поручни, переворачиваясь вниз головой, никто не умел так ловко. На прогулке с родителями при мне всегда был мячик, упрятанный в длинную цветную сеточку наподобие авоськи. Он легко отскакивал, не теряясь. Сейчас почему-то таких не делают.

«ЗАМРИ – ОТОМРИ»

Эта игра была популярна и во дворе, и в школе. Тот, кому выпало водить, мог в любой момент скомандовать: «Замри», и ты должен был мгновенно застыть в немой позе, чаще всего в нелепой с застывшим выражением лица. Ладно бы во дворе, а часто это было в конце перемены, когда учитель уже входил в класс, а ты застревал, нагнувшись, где-нибудь в проходе или верхом на парте с разинутым ртом или недоеденным пончиком. Нарушитель игры получал потом крепкие шелобаны (щелчок по лбу). У мальчишек они были такие, что вскакивали шишки.

ТАЛАНТЫ И ПОКЛОННИЦЫ

О «театральных» жильцах нашего дома лучше всех были осведомлены Инкины одноклассницы. Из окна нашей квартиры они отслеживали, когда выходил и приходил домой знаменитый тенор Даутов. Его жена, тоже артистка, поощряла его поклонниц. Особо преданные помогали ей по дому: бегали за покупками, гуляли с ребенком.

В Свердловске оказались тогда лучшие в стране театры оперетты и оперы. В эвакуацию приехало много знаменитостей из Москвы и Ленинграда. Одно время в соседнем с нами подъезде жила известная киноартистка, жена писателя Симонова Валентина Серова (как теперь бы сказали – звезда экрана). Это ей Симонов посвятил знаменитое стихотворение:

Жди меня, и я вернусь. Только очень жди,
Жди, когда наводят грусть желтые дожди,
Жди, когда снега метут, жди, когда жара,
Жди, когда других не ждут, забыв вчера...

Моя старшая сестра тоже заделалась в театралки. Она посещала все оперы и оперетты, многие арии помнила наизусть. Инка была белокурой, хорошенькой, нравилась мальчишкам. С одним из них, Вадимом, тоже оказавшимся потом в Ленинграде, дружба сохранилась на всю жизнь. Помню еще ее приятеля кинемеханика Мишу. Иногда она брала меня к нему в кинобудку, откуда можно было бесплатно смотреть кино.

ДЕДУШКА ЖОРОВ И БАБУШКА НЕИЗВЕСТНАЯ

В театр меня не водили (маленькая ещё и вести себя не умеет). Зато дедушка, знаменитый по тем временам обойщик (он обивал мебель в театре «Ла Скала» и ещё каких-то театрах Европы), с удовольствием брал меня в свою мастерскую на чердаке гостиницы «Урал», где он перетягивал стулья и диваны. Я очень волновалась, когда он набивал полный рот кнопками в круглых шляпках (вдруг проглотит!). Дедушку я очень любила. Он никогда меня не ругал. Много читал, носил очки с толстенными стёклами, а в старости водил почти носом по страницам. Был он на редкость грамотным, хотя вообще не учился. Рано начал по-

могать родителям. В их большой семье образование могли дать только одному из 13 детей – старшему сыну. На остальных денег не хватало. Дедушкин старший брат, кажется, его звали Иосиф Моисеевич Жоров, действительно выучился на врача и стал известным в Москве профессором.

Бабушка до старости не носила очков. Помню, вязала крючком красивые тонкие кружева. А работала медсестрой. Мама рассказывала, как однажды она спасла маленькую Инку от смерти. Та задышалась от огромных нарывов в горле. Бабушка в отчаянии сунула ей в горло свечку, нарывы прорвались, и ребенок задышал.

Бабушка Мария Иосифовна Неизвестная, 1905

Бабушка Мария Иосифовна имела девичью фамилию Неизвестная. Ее родной брат был дедом Эрнста Неизвестного – теперь знаменитого скульптора (ему в 2014 г. исполнилось 90 лет). В 16 он убежал на фронт, был отчаянным и смелым. Дважды его маме приходили похоронки. Эрнсту посвятил стихи поэт Вознесенский, описав его подвиг, когда Неизвестный поднял в атаку взвод навстречу шквальному огню фашистов. Эрнст потом рассказывал, как его загипсованного, уже не подававшего признаков жизни, спустили по лестнице в морг и случайно уронили. Гипс треснул, «покойник» застонал.

Его мама, известная на Урале поэтесса Бела Дежур, не верила похоронкам, искала сына по госпиталям. И нашла, привезла в Свердловск и выжила. Он оказался на редкость крепким и живучим. Сестра Инна хорошо помнила его после войны, говорила, что все девчонки ее класса были в него влюблены, такой он был красивый и веселый.

НЕВЕСТЫ В ПОТЕМКАХ

Интересную историю описал в своих воспоминаниях Эрнст. Якобы его прадедушка был как раз из кантонистов, отслужил 25 лет царской службы. Молодые ребята должны были возвращаться домой, а еврейские девушки, мечтавшие выйти замуж, поехали им навстречу. Было почти темно, когда они подошли к поезду. Парни выстроились в линейку, девушки тоже и, не зная друг друга, пошли навстречу, протянув вперед руки. Кому кто выпадет. Так прадед Неизвестного обрел себе будущую жену. Для простоты звучания фамилию чуть преобразовали. Так наша бабушка и ее родной брат, дедушка Эрика, имели уже фамилию Неизвестные. Я была маленькой и Эрика не помню, а Инна и мама общались с их семьей довольно часто.

Но вскоре мы уехали в Ульяновск, куда к нам потом приехала его сестра Людка с новым мужем. Но не прижилась в Ульяновске.

Эрнст Неизвестный стал выдающимся скульптором, его называют современным Микеланджело.

ЧЁРНО-БЕЛЫЙ ХРУЩЕВ

Из России Неизвестного в свое время просто «выдавили» за нежелание работать в стиле соцреализма. Он был непокорным и дерзким, резал в глаза «правду-матку» своим коллегам-скульпторам, бывшим в фаворе у правительства и настроившим Хрущева – тогдашнего руководителя государства – против творчества художников-новаторов. На памятной встрече с художниками Неизвестный дерзко отвечал на критику во время посещения выставки. Хрущев, уже будучи в опале, просил сына заказать на свою могилу после смерти памятник именно Э. Неизвестному. Что и было сделано. Памятник очень необычный: голова Хрущева выполнена в обрамлении из наполовину светлого, наполовину темного гранита...

«НАУЧНОЕ» ЯБЛОКО

Как-то папа взял меня в Ботанический сад. Поездка была деловая. Ученый дядя показывал, какие ценные растения у них произрастают и как это важно в условиях холодной уральской зимы. Вот, например, ползучая яблоня. Как это? Не может быть! И правда, мы наклонились и увидели в траве стелющееся по земле деревце, а на нем – большое зеленое яблоко. Потом папа долго о чем-то беседовал с ученым, а я бегала туда-сюда. Когда мы сели в машину, я вытащила из штанов то самое зеленое «научное» яблоко. Как потом говорила мама, увидев это, папа лишился дара речи. Не помню, что мне за это было, кажется, надолго заперли в ванной комнате.

ШЕПОТОМ

В 1947 г. мы с мамой поехали в Ленинград, все надеялись вернуться туда насовсем. Но папу с работы из Свердловска уже не отпускали, как говорили родители, можно было лишиться партийного билета или чего похуже. Как-то я подслушала разговор мамы с нашей соседкой Тамарой Александровной, врачом, маминой подругой. Она шепотом рассказывала маме, что кругом за Уралом и в Сибири все оцеплено колючей проволокой. В лагерях сидит очень много народу, бывших военных, и не только. Называла каких-то знакомых, неизвестно за что арестованных. Мама ей тоже шепотом рассказывала, как еще в Ленинграде до войны они с папой прислушивались по ночам к тяжёлым шагам по лестнице: боялись, что и к ним постучат. Потом кого-то увозили в черном «воронке», и люди исчезали. Мама говорила, что у нее всегда на этот случай для папы был запасён узелок с бельём и сухарями.

НЕСОСТОЯВШАЯСЯ «ПЕРВОКЛАССНИЦА»

В Ленинград надо было ехать через Москву. Мы идем с мамой по скверу. Подходит к нам женщина и все на меня посматривает. Оказалось, что она подыскивает девочку на роль первоклассницы (готовились снимать такое кино). Я ей, видимо, приглянулась, и она стала уговаривать маму тут же поехать на киностудию. А у нас транзитный билет в Ленинград, и мы уже дали телеграмму, чтобы нас встречали. Потом в

«Первокласснице» главную роль сыграла Наташа Защипина, говорили, что и правда я на нее похожа. В кино я все же попала, только в документальное.

Снималась встреча пионеров с машинистом поезда, который вез Ленина из Финляндии в Россию в 1917 г. Нужно было спросить у машиниста: «Скажите, это было днем или ночью?». На эту фразу из класса выбрали меня. Я ее хорошо запомнила. Съёмки продолжались целый день.

ЛЕНИНГРАД ОЖИВАЛ МЕДЛЕННО

В наш дом на Обводном канале мама меня не взяла, побоялась. Вокруг было много разрушенных домов. На стенах – дырки от выстрелов. Остановились у одного из домов и видим: комната на третьем этаже вся на виду: стол, шкаф, стулья, детская кроватка, в ней кукла, как живая, лежит. В комнате никого нет и совсем нет стены. А вдруг и с нашим домом такое случилось? Но нет, заводское общежитие не пострадало. Комендантша маме рассказала, что она как-то зимой в блокаду открыла дверь в нашу комнату и видит: у открытого шкафа стоит женщина. «Вы чего тут?». А та молчит, не двигается. Видно, искала что-нибудь из еды, да так, стоя у шкафа, и умерла. Голод был страшный.

Мамина старшая сестра тётя Фира оставалась в блокадном Ленинграде всю войну. Она была детским психиатром, спасала детей, оставшихся без родителей, лечила, зимой по Ладоге отправляла в тыл. Этот опасный путь по замершему озеру прозвали Дорогой жизни. Ехали ночью, но немцы все равно обстреливали дорогу с самолетов, и нередко машины уходили под лед. Моей будущей подруге Вале Гущиной и ее сестре Тоне повезло – они проскочили.

НА ЦАРСКОМ ТРОНЕ

Мама повела меня в Эрмитаж. Это была сказка. Чего стоила одна только лестница – вся в зеркалах, украшенная большими вазами. А стены, потолки, полы – все в узорах. Огромные золотые часы с павлином меня вообще околдовали. Да что там говорить – царский дворец! Мы долго ходили по бесконечным залам, рассматривали картины, скульптуры, мебель. И я в конце концов очень устала. Мама потеряла меня из вида. А когда обнаружила, ахнула. Поднырнув под запретную веревочку, я вбежала по ступенькам и уселась с ногами на высокий царский трон. Мама в ужасе. К нам быстро приближалась дежурная.

НА ПЛЕЧЕ У МАРШАЛА

На первомайскую демонстрацию папа взял меня с собой на трибуну. Было очень тесно. Я вынырнула из папиных рук и стала пробираться туда, где можно было все увидеть получше. Видимо, мешалась под ногами у взрослых. Меня подняли и стали передавать из рук в руки ближе к центральной части трибуны. Так я оказалась на руках у высокого важного военного с ямочкой на подбородке. Даже, помню, потрогала пальцем эту его ямочку. Он не возражал и улыбался.

Праздничная демонстрация вся в красных флагах, портретах, разукрашенных машинах двигалась несколькими колоннами по главной площади. И вдруг движение у трибуны приостановилось. Как я узнала позднее, дело было в том, что после окончания войны Сталин отправил маршала Жукова в Свердловск. Поговаривали, что он ревновал его к славе. Жу-

ков был очень популярен в народе. Люди стали останавливаться у трибуны и громко приветствовать: «Да здравствует маршал Жуков!», у которого я и оказалась в этот момент на руках. Народ все прибывал, положение становилось опасным, начиналась давка. Тогда Жукова попросили уйти с трибуны во избежание неприятностей.

Он пробрался вместе со мной через трибуну, спустил меня с рук, кажется, рядом оказался потерявший меня папа. И последнее, что я помню, как этот большой важный дядя с круглой ямочкой на подбородке в длинной-длинной шинели сел в черную машину, а за ней поехали другие машины и мотоциклы. Откуда я могла тогда знать, что это и был знаменитый маршал Жуков. Мне было шесть лет...

ПОПАЛ В «НОМЕНКЛАТУРУ»

Папу перевели в Ульяновск на повышение. Отказаться было нельзя, он уже попал, как тогда говорили, «в номенклатуру». Мама была в отчаянии, лишилась интересной работы, друзей, любимого оперного театра. После большого и культурного Свердловска Ульяновск показался большой деревней. Будущий наш дом достраивали, и нас поселили в гостинице с задней стороны драмтеатра. В общем, «дороги выбирали не мы», и надежда вернуться в родной Ленинград отпала окончательно. Но не для Инки. Окончив школу, сестра поступила в Ленинградский плановый институт – пошла по стопам родителей.

Площадь имени Ленина рядом с гостиницей представляла собой унылое зрелище. Не были убраны до конца остатки разрушенного собора, и трудно теперь поверить – пыль «прибивали» в жару, брызгая из ведра. Напротив нашего балкона с пяти утра выстраивалась очередь за хлебом. Бронзовый Ленин призывал верить в «светлое будущее». У Карла Маркса, закованного в камень, вид был не столь оптимистичный.

Наш восьмиквартирный дом, наконец-то построенный к зиме, имел рядом такого же унылого «двойника» с узенькими окнами.

Папу в детстве я мало видела. Сколько помню, он все время был на работе. Баловал меня, никогда не ругал и не наказывал, не «читал нотаций», как мама. Наверное, за это я и была больше к нему привязана. Усаживая меня на колени, уже повзрослевшую, он говорил грустно: «Галка, ну зачем ты так быстро растешь!».

Папа был родом из оренбургских казаков. Его дедушка и бабушка, о которых мы вообще ничего не знаем, происходили из какого-то села, где было много Печёркиных (я всегда злилась на лишнюю букву «к» в своей фамилии – была бы Печориной, как знаменитый лермонтовский герой. Вообще окончание «кин» в фамилиях, как Егуткин, Смиркин, Галкин, Палкин, как мне кажется, придаёт некое неблагозвучие.)

«ГАЛОШЕВЫЙ» ЗАВОД

После института маму с папой оставили работать в Ленинграде, чему они были очень рады. Получили еще и общежитие от своего завода «Красный треугольник» на Обводном канале, кажется, самом зловонном месте из-за резиновой продукции предприятия, выпускавшего галоши – самую ходовую тогда обувь. Галоши вечно путали, уходя из гостей. Они были у всех одинаковые.

Папа из-за плохого зрения был от службы в армии освобожден. Он еще почти не разбирал цветов и все же трижды подавал заявление в военкомат. «Не переживайте, – сказал ему дежурный офицер, – в тылу вы больше пригодитесь, на фронте от вас будет мало толку».

Эвакуировались на Урал с «Красным треугольником». Предстояло, как говорила потом мама, одевать ходовую часть танков в резину. Танки отправляли на фронт прямо с завода. Мама сразу устроилась на военный завод, где и пропадала, как все тогда, сутками. Папа уже работал в плановом отделе «Углеснаба». Высшее экономическое образование было тогда редкостью и такие специалисты особенно ценились.

Вскоре папу выдвинули на должность председателя Свердловского горплана. И получить после нашей сырой комнаты с крысами (бывшей пивной) нормальное жилье, как я уже писала, было счастьем. Вернуться в Ленинград мы уже не смогли. Папа, как я говорила, попал в «советскую партийную номенклатуру» и собой уже не располагал.

В Ульяновске, совсем не развивавшемся после смерти Ленина, все было совсем иначе. Когда-то красивейший, процветающий Симбирск со множеством церквей и соборов – один из больших городов Поволжья – превратился в глухую провинцию. Все партийное руководство по спиртовому делу, сфабрикованному начальником НКВД Кремьяном, человеком Берии, было снято с работы. Папа попал в число выдвиженцев новой волны. Его назначили на должность председателя облплана. Режим работы, как и в Свердловске, был такой же. С утра отец шел на службу, потом – короткий обед, вечером часов в семь он появлялся на ужин и снова шел на работу. Дело в том, что Сталин работал ночами (правда, с 12 дня), и весь партийно-советский аппарат должен был до глубокой ночи оставаться на месте по первому требованию.

«ЛЕЧЕБНАЯ СКОЧИЛОВКА»

Папе многие годы довелось работать со Скочиловым, первым секретарем обкома партии, человеком сильным, властным, деятельным, но, к сожалению, склонным к спиртному. Наш хороший знакомый, часто сопровождавший его в поездках по области, рассказывал, как услужливые подопечные прихватывали в дорогу, пытаясь угодить высокому начальству, уже не совсем здоровому, ящик аптечных пузырьков боярышника. Эту лечебную спиртовую настойку в определенных кругах прозвали «скочиловкой».

СУСЛОВУ – КЕФИР, ОСТАЛЬНЫМ – ЧТО ОСТАЛОСЬ

Когда из Москвы приезжало высокое начальство, закатывались грандиозные банкеты. Мама нашего соседа, обслуживая эти мероприятия, рассказывала, что как-то к приезду Сулова был заказан как раз такой банкет с изобилием коньяков, лучших вин и водок, окороков и рыбных деликатесов. Приехав со своим личным доктором, член Политбюро Сулов, главный партийный идеолог страны, выпил свой диетический кефир и вскоре удалился ко сну. Гульба на широкую ногу продолжалась до глубокой ночи. Папу на подобные мероприятия приглашать перестали как человека непьющего (известно, трезвых не любят ни в одной пьющей компании).

ПОДЕЛЁННЫЙ ОБКОМ ПАРТИИ

Ещё большее раздражение у высокого начальства вызывало то, что папа писал диссертацию по экономике области, готовился к её защите, сдав все необходимые экзамены. И уже совсем не простили ему такой факт, когда по инициативе Хрущева разделили обкомы партии на промышленный и сельскохозяйственный. Скочил, возглавлявший сельскохозяйственный обком, предложил папе работать под его началом. Но папа, инженер-экономист промышленной отрасли, предпочел остаться работать с Васильевым, который возглавил промышленный обком партии.

Когда это «новшество» отменили и всё вернулось на «круги своя», папе стали чинить всякие неприятности. Посылали с проверками как депутата в самые отдалённые районы, не давали положенного отпуска для защиты диссертации. Его, депутата областного Совета, проработавшего около 20 лет председателем облплана, впервые за все годы не ввели в список кандидатов для голосования в члены областного совета депутатов трудящихся. Папа все понял и накануне решил подать в отставку. После этого на его должности долго никто не задерживался. На предложение возглавить кафедру экономики создававшегося тогда политехнического института папа с радостью согласился. Он проработал там потом многие годы, уже выйдя на пенсию.

НЕТ, РЕБЯТА-ДЕМОКРАТЫ...

Вспомнился ещё один факт задолго до этого. Как-то, еще в 1950-х гг., папе настоятельно дали понять, что нежелательно, чтобы его старшая дочь, студентка Ленинградского планового института, вышла замуж за болгарина, своего однокурсника. С папой велись долгие тягостные разговоры. В конце концов брак был расстроен, как и следующий, уже на последнем курсе, с поляком. Вот такое отношение было тогда к бракам с иностранцами, даже если это были наши друзья-демократы.

Папу очень уважали все, кто знал: и по работе, и в жизни. То, что я оставила его фамилию, выйдя замуж, мне очень помогло потом в журналистской работе. Куда бы я ни приезжала на съемки, меня спрашивали: «А вы не дочка Константина Ивановича?». И узнав, охотно помогали разобраться в сложных вопросах. Много лет папин секретарь Вера (забыла её фамилию) дружила с мамой, даже после того как отца не стало (он скончался на трибуне 7 ноября 1985 г., приглашенный тогдашним первым секретарем обкома партии Колбиным. Трёхлетняя Полинка так просила его не уходить, дома был накрыт праздничный стол с тортом!).

РИММА-ЧЕМПИОНКА

Когда папу перевели на работу в Ульяновск, мы поехать с ним сразу не могли. Сестра заканчивала десятилетку, да и квартиры в Ульяновске еще не было, а нашу свердловскую уже отдали знаменитой конькобежке Римме Жуковой – трехкратной чемпионке мира. Какое-то время мы жили вместе и очень подружились. Впервые я увидела у нее настоящий маникюрный набор и была потрясена, что бывают такие маленькие ножнички и щипчики, которые легко отщипывают заусенцы.

Римма как-то взяла меня на тренировку на ста-

дион, куда мы ходили только летом. И я впервые увидела, что такое каток. Научиться кататься стало моей мечтой. И в первую же зиму в Ульяновске мне купили конечки, кажется, «снегурки». Они привязывались к валенкам. Каток был недалеко, метров за двести от нас, точно на том месте, где сейчас высится гостиница «Венец». Раздевалки на катке не было, и я шла по ледышкам, крепко держась за маму. Она ждала меня, прижимая к себе мое пальтишко. Бойкий парнишка с соседней улицы показывал, как держать спину, чтобы не падать назад. Он-то и научил меня кататься.

НА КАТОК ЧЕРЕЗ ЗАБОР

Коньки с тех пор я очень полюбила и даже потом, в Ленинграде, выступала за институтскую сборную, прилично бегая стометровку. Каток у нас рядом с общежитием был свой, но мы предпочитали дальний с хорошим льдом. Заветная дыра в заборе позволяла ходить туда без денег, которых у студентов вечно не хватало. А вот лыжи я недолюбливала, особенно когда приходилось тащиться по талому снегу пять километров, чтобы сдать чуть ли не в конце апреля запоздалый зачет по физкультуре. В городе снега уже не было, и у Петропавловской крепости вовсю загорал народ, прижимаясь к стенке от ветра. Талый снег еще держался, и, помню, мальчишки, раздевшись по пояс, обгоняли нас, победно взмахивая палками.

Зато зимой в Кавголове, где у нас была своя институтская лыжная турбаза, мы «отводили душу», съезжая по раскатанным горкам. Съезжать с крутых и высоких, где тренировались спортсмены, конечно, не решались. Потом, уже в Ульяновске, в Ундорах, я попробовала съехать с крутой горки между деревьев. Никакой лыжни не было, и меня снесло в овраг. Я увязла в снегу по пояс, одна лыжа отлетела, палка – тоже. Не помню, как я выкарабкалась из сугроба, уже темнело, и рядом никого не было. Годы спустя в Ульяновске, когда ездить в Северный парк с лыжами уже было обременительно, мы с Тamarой Ильясовой нашли горку за Дворцом пионеров, близко от дома. Теперь там построили несколько особнячков с заборами. А настоящий горный спуск был построен потом за филармонией, с фуникулером, раздевалкой и даже музыкой. Но он просуществовал недолго, как и фуникулер на Венце.

И снова, возвращаясь в детство, я вспомнила, как мы любили свой каток на стадионе «Спартак». В дни массового катания, перекинув коньки через плечо, мы бежали на стадион, невзирая на мороз, сбросив пальто и валенки, наскоро затягивали шнурки на ботинках и устремлялись на лед. Я носилась по большому кругу и особенно любила на своих «бегашах» делать крутые виражи. Катались мы под любимую забытую теперь песенку:

«Догоню-догоню...

Ты теперь

Не уйдешь от меня».

В паре, взявшись руками крест-накрест, как нас учили в Доме офицеров, я никогда не каталась. Если какой-то паренек приглашал меня прокатиться вместе, его потом отзывали в сторону, после чего на «Спартаке» он больше не появлялся.

Много лет спустя я узнала, что оказывается, у меня был тайный хулиганистый «обожатель», который и отгонял нежелательных ухажеров. Но как выяснилось, опять же значительно позже, меня держали

«на прицеле» еще два мальчика, уже вполне приличных. Один из них, я его и раньше видела, спортсмен-конькобежец в белом свитере с голубой полосой, показывал на меня своему товарищу, какая симпатичная девчонка ему нравится. Другой мальчик его мнения не разделял. Ему нравились стройненькие фигуристки в платяцах, крутившиеся в центре катка, и он равнодушно проводил глазами шуструю в широких шароварах девчонку, быстро потеряв ее из вида. Это и был мой будущий муж Аркаша, которого я заприметила сама, но уже в другое время и при других обстоятельствах.

С ГОРЫ НА ЛОШАДНЫХ САНЯХ

На зимних каникулах, уже повзрослевшие, мы собирались на площади Ленина, где под Новый год ставили высокую елку. Её привозили из леса, украшали цветными лампочками и большими самодельными игрушками с конкурсов, которые проводились во всех школах. Теперь елка на площади выглядит много богаче, роскошнее, но сделана она из металлических конструкций, и елочных веток почти не видно из-за сплошной иллюминации.

Как-то кучей, забравшись в неизвестно откуда взявшиеся лошадные сани, мы полетели с площади вниз мимо госпиталя, вываливаясь на ходу в сугробы, набивая снегом валенки и загривки. Много лет спустя про эти рискованные катания мне напомнил Александр Иванович Маркелычев, известный ульяновский фотограф. Торжественно отмечали 100-летие со дня его рождения, организовав фотовыставку. Ветеран войны, он сохранил прекрасную память и рассказывал, как на фронте делал фотосъемки с борта самолета. Много лет Александр Иванович работал в газете «Ульяновская правда», где начинал сотрудничать Аркаша. Они долго не встречались, и, когда на своём юбилее Маркелычев увидел Аркашу среди многочисленных гостей, сразу узнал, обрадовался и посадил рядом с собой. Я знала Александра Ивановича с детства, посвятила ему стихи и прочитала их, тронув юбиляра до слез. Через два дня после торжества он

позвонил и напомнил про злополучные сани, которые выпросил у него сын.

«ДЕНЕГ НЕТ – БУДЬ ЗДОРОВ»

Маркелычевы жили в старинном доме на краю площади Ленина. Мы забегали к ним погреться. Тетя Лида – Элькина мама – поила нас горячим чаем с вареньем. Почему родители называли своего высокого сына женским именем, я так до сих пор и не знаю. Он стал потом ученым-атомщиком и долгие годы не приезжал, работая в каком-то закрытом НИИ.

Тетя Лида рассказывала нам о старом Симбирске. Она помнила, как сносили на площади их любимый красивейший собор, не простоявший и полвека. В 1949 г. мы еще застали кучу мусора, до конца не убранного, от его развалин. Несколько лет спустя на этом месте стали строить правительственное здание в духе сталинских времен. Дом Маркелычевых и соседние с ним снесли. На этом месте уже много лет стоит гостиница «Советская». Раньше ее фойе украшала красивая роспись работы заслуженного художника С. Горина. Роспись закрасили. Большой книжный магазин на первом этаже исчез вообще, ресторан закрыли, гостиничные номера превращены в частные офисы. А напротив гостиницы через дорогу по ул. Кузнецова открыли частную семейную поликлинику. Осталось только повесить вывеску, подобную той, что недавно показали по телевизору: «Денег нет – будь здоров»...

СЕРЕДЫШ, ИЛИ ОСТРОВ БЕССТЫЖИЙ

Летом, в жару, мы, перепрыгивая через три ступеньки длинной деревянной лестницы, мчались на Волгу. У самого спуска, где большими окнами на широкий волжский простор смотрит теперь Мемориальный центр, надо было обогнуть пивной киоск (чапок, как тогда его называли), пробежать мимо ящиков, на которых с утра пораньше мужики распивали пиво, прихватив в одну руку сразу по три больших кружки с пышной пеной. Пляжа на берегу тогда не было, и мы на весельных лодках перебирались купаться на остров Середыш.

Волга. Остров Серёдыш. Деревья в три обхвата. После создания водохранилища огромные деревья вместе с самим островом навсегда ушли под воду

С соседкой Розой в Старой Майне

По Волге в Волгоград. 1953 г.

Он как бы делил Волгу на две части. Рядом, справа от него, был еще один небольшой остров, в который упиралась одна из опор моста, а между ними – пролив. Сверху с Венца в районе краеведческого музея можно было увидеть противоположный берег Волги. Середыш – красивейший, живописный остров с деревьями в три обхвата и зарослями ежевики. Он издавна имел еще и другое название – Бесстыжий. Видимо, целомудренные симбирянки так его прозвали. Молодежь ездила туда купаться. Вот и мы перебирались на остров с широким пляжем и светлым песком, уложенным, словно волнами, от набегавшей во время ветра воды. А вода была такая чистая и прозрачная, что мы ее пили. Мальчишки чуть отплывали от берега, набирали воду в бутылки, а то и черпали кепками. С собой мы брали только завернутый в газету хлеб да помидоры с огурцами. И запивали этот немудрёный обед волжской водичкой. Потом ныряли в кусты за ежевикой, от которой языки становились синими, какие я увидела много лет спустя у собаки породы чау-чау. Погода иногда портилась, поднимались большие волны, и мы застревали на острове, пугая родителей и пугаясь сами.

Однажды сильный ураганный ветер «вывинтил» огромный водяной столб, как нам показалось, уходивший чуть не в самое небо. Почудилось, что он вот-вот обрушится на нас.

«ИЗ НИЧЕГО НЕЧТО»

Фотоаппарат был моей несбыточной мечтой. И наконец после окончания 9-го класса папа мне его подарил. Это был «Любитель» всего на 12 кадров, но зато каких! Потом у нас было много разных аппаратов, больших, средних и маленьких: «Зоркий один», «Зоркий два», «Смена», другая «Смена», еще какие-то модели, но ни одна из них не могла сравниться по качеству с моим «Любителем». Кадр у него был четкий, крупный, наводка простая, смотришь в него сверху вниз, как в колодез. Все памятные снимки школьного детства сделаны именно этим фотоаппаратом. Они и теперь, спустя полвека, прекрасно сохранились. Две Аркашины фотографии того времени мы считаем лучшим изображением его юности.

А как интересно было проявлять и печатать! Все необходимое приобреталось постепенно. Главное – бачок для проявки пленки. Не дай Бог ее передержать. Пленку сушили на веревке, зацепив прищепкой. Комнату плотно закрывали, окно в ней завешивали одеялом. В специальных ванночках разного размера разводили проявитель, закрепитель и включали красный фонарь. Самая большая ценность – фотоувеличитель. У меня был сначала маленький, а потом – большой, пузатый. В него вставлялась плёнка, снизу подклады-

Галина Печёркина. На Волге. Ульяновск, 1953 г.

валась матовая или глянцевая фото-бумага. На какие-то секунды по счету включался свет в увеличителе. Начиналась печать.

Мы часами просиживали над ванночками, погружая туда отпечатки и наблюдая, как из ничего появлялось нечто. Пальцы от ядовитого раствора становились желтыми, но это было не важно. Едва заметное изображение проявлялось все ярче, появлялись сначала глаза, потом рот, нос – и вот уже все лицо улыбалось вам из ванночки с проявителем. Далее надо вовремя перебросить снимок в закрепитель, пока изображение не потемнело, а потом хорошо промыть его в воде и наклеить на блестящую электросушилку либо просто положить на бумагу, чтобы снимок высох. У меня был еще специальный нож для фигурной обрезки фотографий. Было очень увлекательно проявлять плёнку, печатать, выстраивать композицию кадра, как тебе заблагорассудится. А теперь что? Щелкнул, отнёс в печать, и копятся у тебя десятки «нерукотворных» отпечатков, забывая альбомы и ящики часто малоудачными фото, которые и хранить-то ни к чему.

Фотографии у нас были черно-белыми. Иногда мы подкрашивали их специальными красками. А ведь цветная печать, оказывается, была известна еще в конце XIX века. Но тогда это было доступно только большим мастерам.

ПОТОЛОК С АНГЕЛОМ

Самым загадочным и притягательным для нас был красивый дом напротив Карамзинского сада, где размещался тогда горисполком. Я чуть приоткрывала тяжёлую парадную дверь и осторожно просачивалась внутрь. Вся стена вдоль изгибающейся лестницы с балкончиком наверху была зеркальной, и в ней отражался божественной красоты потолок: по голубому небу летит женщина-ангел в светлых одеждах, словно в облаке. И лицо такое нежное и красивое, что глаз не отвести. Я стояла, задрав голову, и боялась шевельнуться. Не помню, чтобы кто-то застал меня за этим занятием. Видимо, парадный вход берегли – ходили через двор. Потом в этом здании в строительном отделе работала моя школьная подруга, и я действительно заходила к ней со двора.

Внутри было совсем не интересно. Комнаты-клетушки, перегородки, узкие коридорчики, в общем – обычная контора тех времен. Правда, кабинет председателя горисполкома, как говорила мне подруга, содержался в полном порядке, как при старом владельце, купце Шатрове. Выход из него был отдельный, прямо в закрытый сад, огороженный высоким каменным забором, увенчанным красивой решёткой, увитой чугунными розами. В глубине усадьбы, где сейчас флагштоки, огибающие площадь, стоял двухэтажный

деревянный дом, видимо, для прислуги. Один вход – с улицы, другой – со двора на кухню.

Весь первый этаж занимала семья председателя горисполкома Гончаренко, присланного, как и наш папа, на работу в Ульяновск после известного спиртового дела, как оказалось потом, сфабрикованного. Все руководство тогда осудили и выслали. С дочкой Гончаренко я дружила. Больше всего мы любили играть на веранде. Из столовой она спускалась прямо в сад, а там – большая закрытая беседка, фонтан, хотя и заброшенный. Поговаривали, что в старые времена за садом следил французский садовник и разводил там розы невиданной красоты. Теперь розы растут с внешней стороны старинной усадьбы. Чугунная решётка значительно опущена.

Никогда не забуду грустную историю, связанную с этим домом – похороны красивой белокурой девушки Эли Солицкой, жившей в этом доме (его снесли, когда строили Мемориальный комплекс). Эля утонула в речке Воложке, что протекала под самой горой. И этой речки потом не стало – при строительстве водохранилища, как и остров Середыш, она опустилась на дно Куйбышевского моря. В бывшем доме Шатрова теперь Дворец бракосочетания. После реставрации его интерьеры стали такими же прекрасными, как и прежде. Кстати сказать, мы с мужем потом отмечали там золотую свадьбу.

ГЕМКА-ЗАДАВАЛА, ИЛИ «МЕЧТА В КОРОБОЧКЕ»

Зимой, когда становилось слякотно, мы надевали на валенки галоши, чтобы не промочить ноги. Дорога в школу и обратно – особая история. Автобус ходил всего по одному маршруту № 1, от Кривого дома до старого вокзала. Нового тогда еще не было. Мы автобусом не пользовались, шли пешком. Зато из школы вываливались целой гурьбой, шли по скверикам Гончаровки и громко распевали все подряд. Песен наизусть знали много, не то что теперь – поют под караоке.

Иногда за нами пристраивался мой ненавязчивый поклонник из Аркашиного класса Гемка Тимошенков. Это был красивый черноволосый парень с синими глазами. Девчонки его прозвали «Мечта в коробочке». Но мне он не нравился. Гемка занимался в конькобежной секции. Появлялся на катке в белом свитере и, заложив руки за спину, чинно наматывал по стадиону круги, как мне казалось, напоказ. Я считала, что он слишком воображает, и решила его проучить: «А чего он после школы за мной таскается?!». Вот мы идем, поем, как обычно, потом нарочно свернули за угол на ул. Бебеля за «Художкой», притаились и стоим поджидаем. Гемка сворачивает – и прямо на нас. Мы как грохнем, всем хором его обхохотали. И больше он за нами не ходил. А меня, как потом выяснилось, показывал Аркаше на катке, где я тоже любила «наматывать» круги напоказ.

На бегах я каталась очень долго. Выступала в соревнованиях за нашу академию и имела право ездить бесплатно в институтский спортивный лагерь у Черного моря. Кстати, Гемка тоже учился в Ленинграде, окончил медицинский институт, стал хорошим врачом.

Однажды с Полинкой, нашей первой внучкой, когда ей было лет восемь, мы отправились на каток в

детский парк. Я прихватила с собой свои старые бегашки. Не каталась уж и не помню сколько лет. Прокатилась пару кругов. Вроде получается. Поalinka кричит через весь каток: «Бабуля, лови меня!». Все ребята уставились на нас с любопытством. Больше я не каталась. Зато лет за двадцать до того мне довелось привести к нам на каток Е. Евтушенко. Но это совсем другая история.

«15-ЛЕТНИЙ КАПИТАН» И БРОНЗОВАЯ ЛЮСТРА

В 15-летнего капитана влюбились все девчонки из нашего класса. Я помню, как вышла после сеанса из кинотеатра «Пионер» и какой жалкой и никчемной показалась мне моя жизнь. А где-то там, за экраном, живет красавец с ясным взором, отчаянный и смелый, не похожий ни на кого вокруг. Свой кинотеатр «Пионер» мы любили. Он был теплым и уютным. В фойе устраивались праздники, конкурсы, новогодние елки. Билеты на дневной сеанс стоили 10 копеек. Мы пересмотрели все, что там показывали. «15-летний капитан» был, конечно, самым любимым фильмом. И как же несправедлив Бог по отношению к людям: артист Ларионов, красавец и любимец, с годами превратился в тучного человека с обрюзгшим лицом. Играл в кино какие-то незначительные роли. Лучше было бы не знать, что это и есть «15-летний капитан» из нашего детства.

От «Пионера» у меня осталось светлое и вполне осязаемое воспоминание. Как-то зять притащил в дом старинную бронзовую люстру, прежде украшавшую фойе «Пионера». Началась перестройка с ее евроремонтами, и люстру выбросили как старый хлам. Саша и внук Антон долго ее отдраивали, привели в божеский вид. Бронзовая люстра обрела вторую молодость и потом долго украшала гостиную их деревянного дома.

РАЗЛЕТЕЛИСЬ КТО КУДА

В Ульяновске во времена нашей юности было только два института – сельскохозяйственный и педагогический. Мы с подружкой Томкой Поплевкиной решили поступать в Ленинграде, еще и не зная куда. Выбрали политехнический. А там конкурс – пять человек на место. Вернулись несолоно хлебавши. Не поступили тогда многие. Решили целой компанией готовиться к поездке на будущий год. Собирались за круглым столом у нас дома и под мамину диктовку писали диктанты, решали задачи по алгебре, геометрии, физике. Отдельно я еще занималась с соседкой по химии. Этот предмет не любила, знала плохо, хотя в аттестате была четверка. А вот у Аркаши по химии в аттестате – тройка. Зато экзамен по этому предмету в Казанский химико-технологический институт он сдал на пятерку. И поступил, как и моя подруга Лиля Соколова, окончившая школу с медалью.

Лиля умница – в отца, который во время войны был разведчиком, потом занимал должность заместителя начальника НКВД по Ульяновской области. А начальником у него был ставленник Берии по фамилии Кремьян. Так вот этот Кремьян держал в области под страхом всех и вся. По словам Лилиной мамы, у отца с ним сложились напряжённые отношения, так как он много знал о его темных делах. Кремьян боялся разоблачения и готовил арест своего заместителя. Лилин отец прекрасно понимал, чем это может за-

кончиться для него и его семьи. Он покончил с собой. В этот же день на квартиру к Лиле один без сопровождения явился сам Кремьян и устроил обыск. Мать и трое детей потом жили очень трудно. И все-таки дети выросли достойными людьми. Лиля после окончания института ушла в науку, занималась разработкой космического топлива. Ее старший брат Вадим стал народным артистом РСФСР, младший – офицером.

Моя любимая и самая серьезная подруга Лида Шахова окончила школу с золотой медалью и поступила в Ленинградский университет. В моей жизни она сыграла важную роль. Жили мы в соседних домах, но в наших дворовых играх Лида участия не принимала. Она была серьезным человеком, проводила много времени за чтением. Наши долгие «посиделки» в зимние вечера помогали мне взрослеть и уметь. Лида станет одним из лучших филологов нашего пединститута, будет руководить кафедрой.

РАЗДЕЛЬНОЕ ОБУЧЕНИЕ

Аркашу я впервые увидела на школьном вечере. Наша третья школа, что напротив главпочтамта (теперь именуется гимназией), была женской. Эксперимент по раздельному обучению длился 10 лет и как раз выпал на годы нашей учебы. До сих пор одни считают, что это нехорошо, другие, наоборот, что совсем неплохо. При совместном обучении дети могли узнать характеры друг друга. Мальчики оценивали девочек не только по красивому личику (это быстро приедается, если она взбалмошная или просто дурачка). Девочки распознавали в ребятах мужские достоинства – ум, порядочность, деловитость. Но мы, девчонки, были лишены этой возможности, и только пионерские лагеря и дворовые общения помогали узнавать друг друга.

Попасть на вечер в мужскую школу можно было только по приглашительному билету (их давали по пять-шесть на класс). Мы тоже посылали билеты знакомым мальчикам, но прорывались и «чужаки». Все они гурьбой толкались в дверях зала, стесняясь продвинуться внутрь и тем более пойти танцевать. Одного такого я выхватила взглядом из толпы – черненький, кудрявый, в аккуратной вельветовой курточке на молнии. Такие вельветки и трикотажные рубашки на трех пуговках с коротким рукавом (их называли бобочками) были тогда в моде.

СПАСИБО МОСЬКЕ-КАШАЛОТУ

Так вот, подхожу я к этому мальчику и смело приглашаю на танец. Он смутился, сказал, что не умеет. Видимо, и правда не умел. Ну, думаю, и ладно, партнеры у меня и без тебя найдутся. Чего только стоил Демешка. Игорь был высокий, я и до плеча ему не доходила, но танцевать у нас получалось очень здорово. Иногда он приподнимал меня над полом и мог прокружить целую пластинку. Кажется, уже тогда на вечерах разрешали танцевать фокстрот. Полечку мы танцевали с Генкой Герчесом, как потом выяснилось, соседом Аркаши по дому и по парте. А кудрявого мальчика я все же запомнила и попросила Юрку Москаленко меня с ним познакомить. С Юркой по прозвищу Моська мы были хорошо знакомы по пионерскому лагерю, где играли в одной волейбольной команде. Я обычно вставала на подачу, а он, длинный, принимал пасы у сетки, подпрыгивал и ловко забивал мяч, а всех, кто «мазал», обзывал «кашалотами». Из лагеря

Аркадий Егуткин, 1953 г.

я уезжала, сильно хромая, с перевязанной коленкой. Увидев меня в городе в таком виде, Юрка прокричал через всю улицу: «Привет борцам революции!». А я в ответ так же громко: «Привет кашалотам!».

Через Моську я попросила передать секретарю комсомольской организации Аркаше Егуткину записку: «Надо бы встретиться». Встреча «на высоком уровне» была организована с целью пригласить его и ребят принять участие в школьном спектакле о Зое Космодемьянской, героине-партизанке Великой Отечественной войны. Поскольку я была организатором и режиссером этой постановки, то и роли распределяла сама. Аркаша упорно не соглашался участвовать в спектакле, но мы все же его уговорили. У него была маленькая роль с единственной репликой. Он должен был произнести ее после моего длинного пылкого монолога, но, заслушавшись, совсем забыл об этом. Все стали ему громко нашептывать. Спыхватившись, он виновато пробормотал свои несколько слов. На этом его артистическая карьера бесславно закончилась.

ВЕРХОМ НА СТУЛЕ

С того спектакля и началось наше знакомство. Став постарше, мы уже собирались у нас дома, заводили пластинки, играли в карты, в домино, в фантики, рассматривали коллекцию открыток с картинами русских художников. Летом во дворе до темноты играли в волейбол. Если у нас воровали очередную сетку, мы перекидывали мяч через бельевую веревку. Когда я заболела своими бесконечными ангинами, Аркаша терпеливо просиживал в моей маленькой комнатке, устроившись верхом на стуле с карандашом и блокнотом.

Нам было радостно и интересно общаться. Сколько его помню, он всегда рисовал. Я очень гордилась, что у меня такой талантливый друг. Пыталась и сама рисовать себя в зеркале, но выходило плохо. Прилично, по мнению подруг, у меня получалось только рисование бумажных куколок с такими же рисованными платьицами. И даже находились «заказчики» вроде младшей сестры моей одноклассницы Гали Илюхиной.

Ни о каких романах мы тогда не помышляли. Я была девочка-сорванец, гордившаяся тем, что умею гонять на велосипеде без рук. Зимой, перебросив коньки через плечо, мы пробирались на стадион «Спартак», иногда через тайный лаз, сокращая путь до входа. Катались до упаду, потом грелись в тесной теплушке. На катке, как утверждает Аркаша, меня впервые показал ему друг, и я совершенно не понравилась. Но это было раньше, до нашего спектакля. Возвращаясь назад, вспоминаю, что летом Аркаша с ребятами ходили на этюды в луга, на Попов остров, к озерам, кишевшим рыбой, после того как кончался весенний паводок и река входила в свое русло.

Продолжение следует.

*Валентина КОСТЯГИНА, старший научный сотрудник отдела фондов
Музея-мемориала В.И.Ленина*

С ЛЮБОВЬЮ ТРЕПЕТНОЙ. ВОЛГА В АКВАРЕЛЯХ Д.И. АРХАНГЕЛЬСКОГО

В одном из февральских номеров 1929 г. газета «Пролетарский путь» опубликовала небольшую заметку Н. Нилли «Волга на полотне. К выставке ульяновских художников». В ней автор писал: «Волга издавна привлекала внимание художников. Репин, Левитан и многие другие мастера кисти не раз изображали красоту великой реки. И немало художников, правда, менее известных, отдали свою кисть почти исключительно ей.

Ульяновские художники по праву занимают в числе их видное место.

Сын Волги, старожил Ульяновска, известный всему Поволжью художник Д.И. Архангельский знает и любит родную реку...».

Дмитрий Иванович не просто любил Волгу. Эта «главная улица России» была для него неиссякаемым источником творческого вдохновения. И, словно о нем, Д.И. Архангельском, ульяновским поэтом Николаем Рябининым, стихи которого трогали художника до слез, написано стихотворение «У обрыва»:

Под тенистым кленом у обрыва
Солнечным деньком, зеленым летом,
Вглядываясь вдаль, неторопливо
Человек работал за мольбертом.

«Не мешай!» – шептали ветру листья.
И задумал этот человек
Вид с обрыва красками и кистью
В яркий день запечатлеть навек.

На холсте он повторил цветенье
Той земли, которую потом
Будут называть все поколения
Моря замечательного дном.

Будут знать о ней лишь по рассказам,
И гулять по дну в морской пучине
Можно будет только водолазам.

Пусть же эту землю, как и ныне
Светлую, увидят на картине.

«Мы жили в удивительном уголке природы, – вспоминала Галина Дмитриевна Невзорова, старшая дочь Д.И. Архангельского. Особенно же украшала нашу жизнь близость красавицы Волги. Наш маленький домик стоял на Шатальной улице рядом со Смоленским спуском к Волге, который шел прямо к пристаням. Цветущие пахучие сады по всему склону к Волге. Пароходные гудки необыкновенной красоты и музыкальности. Поповы острова, гудящие пчелами, пахнувшие всякими цветами и травами. Телячий остров посередине Волги (потом его звали Середыш) с изумительно чистым песком, горячим, обжигающим ноги. Головокружительные спуски к Волге между садами, лунные ночи, когда от луны сверкает и переливается через всю Волгу дорожка. По Волге плывут бесконечные плоты, буксиры-труженики, пароходы, баржи всех видов. Летом Дмитрий Иванович ежедневно каждую свободную минуту пропадал на Волге. Влезал на кручи, примаскивался в самых неудобных местах и приносил множество акварельных этюдов».

В это время в городе жил и творил художник-пейзажист Павел Ильич Пузыревский – ученик И.Е. Репина, горячий поклонник и пропагандист творчества Гончарова. С 1904 г. Дмитрий Иванович начинает обращаться за советами и консультациями к П.И. Пузыревскому. Он учится у него дома, а затем в учебно-трудовом пункте. Взаимоотношения учителя и ученика были близкими, теплыми, постепенно они перешли в крепкую дружбу. Сблизила их в дальнейшем и преподавательская работа в учебных заведениях города.

Д.И. Архангельский вспоминал: «В 1912 г. исполнилось сто лет со дня рождения уроженца Симбирска, писателя-классика И.А. Гончарова. П.И. Пузыревским было задумано еще в 1910 г. отметить эту знаменательную дату устройством выставки, посвященной родине И.А. Гончарова. К участию в выставке был приглашен П.И. Пузыревский и я как его ученик. Моя часть выставки состояла из видов Волги под Симбирском и этюдов деревни.

Подрамники, рамы и щиты для выставки мы делали дома хозяйственным способом. Эта сторона дела была поручена мне. На квартире у меня всю осень и

зиму работал столяр с подручным. По данным размерам делали стойки и связи для щитов, ящики для перевозки картин, вязали рамы и т. д.».

Поэтическая влюбленность в Волгу, в родные места вдохновляла художников. Их пленили правдивость и красота стиля в описании Гончаровым волжской природы. Они решили не только увековечить в своих работах Волгу и гончаровские места, но половину сбора с выставки передать в распоряжение архивной комиссии на постройку Дома-памятника И.А. Гончарову. Таким образом, содержание картин и цель сбора средств позволили назвать выставку гончаровской.

С 12 февраля по 3 марта 1911 г. выставка экспонировалась в Симбирске в здании губернского земства <ныне – Главпочтамт – В.К.>, а с 10 декабря 1911 г. до середины января 1912 г. – в С.-Петербурге в б. Меньшиковском дворце на Васильевском острове. Дмитрий Иванович показал на гончаровской выставке свыше пятидесяти своих работ.

Выставка явилась значительным культурным событием, которое широко освещалось симбирской и столичной прессой. Одна из газет отмечала: «В немногих картинах и этюдах г. Архангельского чувствуется ученик г. Пузыревского, но в большинстве видно свое особое лицо. Он работает и у него есть большое будущее».

Галина Дмитриевна писала об отце:

«Он был певцом нашей природы и особенно Волги, которую любил беззаветно и чувство любви пронес через всю жизнь, как к живому родному существу. И в творчестве своем, отдаваясь природе, ДИА достиг совершенства. И тут нужно сказать, что именно акварель сопутствовала успеху ДИА, он прославился именно акварельными пейзажами. Именно акварель давала то неповторимое, что есть в пленительных пейзажах ДИА: нежность, задушевность, живой трепет, очарование. Порой где-то недосказанность, намек творили чудеса. И масляными красками ДИА немало работал, и были удачи, однако того обаяния, что было в его акварельной живописи, не было».

Известный искусствовед, уроженец Симбирска Петр Евгеньевич Корнилов отмечал:

«В акварели он ценил ее неповторимые качества живописного материала: сочность, яркость, прозрачность и мгновенность в работе на белом листе бумаги. Он умел сохранить полноту солнечного пятна горячего заходящего солнца, блика солнца, мгновенно вспыхнувшего в природе, но угасающего через несколько минут. Близок ему холодок вечернего зимнего дня и колористическое спокойствие летнего дня, когда все краски приобретают совершенно иное сочетание и спокойствие без лишних контрастов.

Д.И. Архангельскому свойственно восприятие мира и природы в ее праздничном, торжественном, хотя и скромном, но всегда радостном состоянии. Когда начинаешь смотреть серии его акварелей, то родной край предстает в таком красивом, таком красочном и таком обаятельном раскрытии, что зритель не может остаться равнодушным к ним, не испытав чувства радости от общения с красотой природы, иногда нами не замечаемой, но глубоко затронутой художником. Этим живым и поэтическим даром Архангельский привлекал всех. Он знакомил земляков со своими работами, устраивая иногда выставки пря-

мо во дворе своего домика, открывая ворота для всех желающих».

Д.И. Архангельский – настоящий и большой поэт и певец Волги, ее бескрайних просторов, красивых берегов, крутых прибрежных обрывов. Ощущением простора, шири, приволья, пронизаны все работы, посвященные ей. Простор и приволье ощущается и в спокойной мягкости заснеженного склона, плавно сбегающего к уснувшей реке, и в зеркальности волжской глади с зелеными затейливыми островами. Весенние мотивы были у художника любимыми. Весна в городе, на Волге находит отражение в радостных, мажорных акварелях, наполненных цветением садов.

Архангельский любил писать воду, передавать ее глубину, плотность и прозрачность, бездонное опрокинутое небо, игру света и тени, отражений.

Одна из бывших учениц Дмитрия Ивановича, А.А. Бирнбаум вспоминала о том впечатлении, которое произвели на нее акварели учителя: «<...> а Ваш альбом с зарисовками Волги – баржа, пароход, вода... Как будто всего несколько штрихов сделано, а изображение уже видит живой кусочек Волги, и вода-то как живая течет! Вода-то у Вас т-е-ч-е-т! И как Вы это только делаете! И потом эти пристани, амбары, сходни, все это такое чисто волжское, родное».

А. Швер, в статье «У художника Архангельского», опубликованной 10 января 1926 г. в газете «Пролетарский путь», писал:

«Передо мной его этюды... Все они горят солнцем, плещут радостью, все они на такие родные, знакомые темы.

У Архангельского прежде всего Волга. Волга с веселыми пароходиками, Волга солнечная, голубая Волга у Ульяновска, Волга в Жигулях, Волга с лесами, садами и городами».

Дмитрий Иванович вспоминал: «В 1926 году мною были написаны панно: «Пароход на Волге», «Берег Волги». На стене кинотеатра «Амбир» <после Октября 1917 г. – кинотеатр «Художественный» – В.К.> в 1927 г. я написал огромную картину «Вид Ульяновска с острова» и для кружка краеведов 3-й Советской школы II ступени панно – «Вид с Молодецкого кургана». В 1931 г. для клуба водников написал картины (на стенах): «Пассажирский пароход», «Буксир с нефтянками», «Грузчики и эстакада» (старое и новое на Волге)».

Не только поэзия великой реки, но и ее рабочая повседневная жизнь привлекают художника. Барки, пристани, паромы, вагоны под выгрузкой. Меткий глаз художника обнаруживает в этих обыденных сценах свою гармонию и пластику, свое цветное многообразие. Сцены на берегу Волги со старинными буксирами, баржами, косовыми, плотами, рыбаками и грузчиками рисуют целую историческую эпоху.

Сохранилось множество писем от бывших учеников Архангельского, присланных ему из разных городов огромной страны, в которых они, уже состоявшиеся, зрелого возраста люди, вспоминают своего любимого учителя, родной город и Волгу.

Долгие годы искренней дружбы и общения связывали Дмитрия Ивановича с Василием Николаевичем Симбирцевым. Сохранилось несколько писем Симбирцева к своему учителю. Вот одно из них:

«Дорогой и глубокоуважаемый Дмитрий Иванович!

Храню к Вам, дорогой Дмитрий Иванович, всегда чувство глубокого уважения и теплой человеческой любви, <как> к энтузиасту своего дела, человеку, излучающему любовь ко всему прекрасному, нас окружающему, вливающему эту свою любовь в рисунок, гравюру, картину, в организацию и вовлечение других в активное проявление своей любви к природе, Волге, городу, людям, детям, птицам, животным, всей своей широкой душой и сердцем объемлющему жизнь. Вспоминаются вдохновенные строки из Иоанна Дамаскина (из поэмы Алексея Толстого «Иоанн Дамаскин» – Ред.):

Благословляю Вас, леса,
Долины, горы, нивы, воды,
Благословляю я свободу
И голубые небеса.
И посох мой благословляю,
И эту бедную суму,
И степь от краю и до краю,
И солнца свет, и ночи тьму,
И в поле каждую былинку,
И в небе каждую звезду,
И одинокую тропинку,
По коей нищий я иду.
О, если б мог всю жизнь смешать я
Всю душу вместе с вами слить!
О, если б мог в мои объятья
Я вас, друзья, враги и братья,
И всю природу заключить.

Меня всегда, Дмитрий Иванович, поражала Ваша энергия, умение организовать людей, вызвать их на труд, увлечь. Вспоминаю выставки, которые Вы систематически проводили в нашем милом Симбирске. Как оживляли они нашу Симбирскую группу любителей живописи.

<...> А сами были неистощимы. В Ваших акварелях, масле и волжские дали, и ледоход, и сад, запорошенный снегом, остроносые волжские дощаники, великолепные в своей простоте и динамической форме создания смекалистого русского судостроителя, прапра-пра-правнуки которого создали сейчас судно на крыльях.

Влюбленный в свой город, Вы, Дмитрий Иванович писали городские пейзажи с волнением, которое испытывается от свидания с любимой. Сохранились ли Ваши работы? Кроме художественной ценности они представляют исключительную историческую ценность.

Я любил рисунок, поэтому Ваши уроки были для меня радостью. Запомнилось мне, как однажды на урок Вы принесли цветные мелки и перед концом урока молниеносно на черной доске нарисовали свечу в подсвечнике, с ярким трепещущем пламенем, с потеками стеарина по белому блестящему стволу свечи. Все вышло так живо и так похоже.

А когда мы стали постарше, наши интересы становились все более тесными. Хорошо начала работать наша студия, главным организатором которой были Вы, Дмитрий Иванович.

Шторм гражданской войны скоро разметал нас в разные стороны. Но картины тех дней крепко держаться в памяти, волнует сердце, как лучик начавшегося утра, свежего, яркого, в звонком щелбете птиц.

А как хороши на Волге весны! Солнце сияет над городом, над рекой, еще закованной в ледяные одежды... но уже весна начинает атаку на зиму: вначале превращает в кружева края сугробов, с каждым днем уминая их. На ваших глазах они, такие недавно пышные, становятся ниже, теряют свою белизну. Дорога через Волгу в проран и Часовню чернеет...

Ледоход начинается, и вот огромные ледяные поля налезают на мостовые ледорезы и ломаются на них со стеклянным звоном. Ледоход! Какая мощь, какая сила, какое вдохновение! Вы стоите на берегу и можете часами смотреть за бегом льдин на реке, как будто радующейся, что она раскована...

Я любил подняться на Венец и смотреть на Волгу, на льдины, на просторы Заволжья, следить за полетом журавлиных эскадрилий, уносящихся на север, как бы зовущих с собой. Идем, летим, ведь мир великолепен в своем просторе и необъяснимости. Венец. Как хорошо называли наши прадеды такое волнующее, красивое место города.

Льды ушли к Каспию. Волга в потрясающем великолепии и могучей силе половодья превратилась в море, затопив Попов остров, и простерлась от Красного Яра до Кременок.

А на склонах горы в буйном цветении сады, сады, сады. Мы, подгорновские мальчишки, любили выехать на лодке на самый стрежень коренной, бросить весла и отдаться течению, слушать музыку плеска водных струй о борта лодки, любоваться городом, который на фоне золотеющего к вечеру неба с белым силуэтом соборов и белорозовом цветении садов, как невеста в подвенечном платье, овеивается звуками духового военного оркестра, играющего в павильоне на Венце. И музыка оркестра сливается с музыкой рояля, доносящейся из салона первого класса волжского красавца-парохода.

За гору ушло «дневное светило», вечерними кра-

сками заполняется окружающее великолеpie, сверкают огнями суда. Еще музыкальнее о борта лодки плещется волжская ласковая волна. Прекрасна природа и чудесны наши места.

Дорогой Дмитрий Иванович, спасибо еще раз за присланную акварель, которая так много всколыхнула в памяти.

По должности я – главный архитектор города Сталинграда, член-корреспондент Академии строительства и архитектуры. Пишу Вам о себе не из тщеславия, а просто, мне кажется, Вам будет приятно, что Ваш ученик трудом дошел до некоторого общественного признания.

С глубоким уважением, Симбирцев.

Отвечая на вопрос: какую музыку любил Дмитрий Иванович, Галина Дмитриевна писала: «Он любил музыку народную, вернее песни. Любил искренне и глубоко. Главным образом, конечно, песни о Волге, и на Волге, когда песни доносились с лодок, плотов или барж. Песня, услышанная откуда-то издали, особенно волнует, наполняет душу восторгом и грустью. И отец всегда плакал, услышав волжские песни».

Дмитрий Иванович собрал уникальную коллекцию материалов о старой и новой Волге: около 500 открыток с видами Волги и волжских городов, вырезки из журналов, статьи и книги, дореволюционные путеводители, альбомы о красавице, кормилице и труженице Волге. Все это богатство передала в дар Музею-мемориалу В.И. Ленина внучка художника Наталья Андреевна Мешалкина:

«Сейчас я пишу свою старую милую Волгу, чтобы люди не забыли, какая раньше была наша Волга».

Образ города-сада, Волгу, волжский откос в белорозовом кружеве цветущих деревьев, серо-голубые заволжские дали будет вспоминать в своих акварелях спустя много лет художник, когда был уже далеко от своей родной реки и знал, что больше ее не увидит.

Буксир. 1920-е гг.

С ЛЮБОВЬЮ ТРЕПЕТНОЙ.
ВОЛГА В АКВАРЕЛЯХ АРХАНГЕЛЬСКОГО

«Косовая под парусом». 1925

«Ясный день на Волге». 1920

«На Волге». 1920-е годы

«Барка». 1928

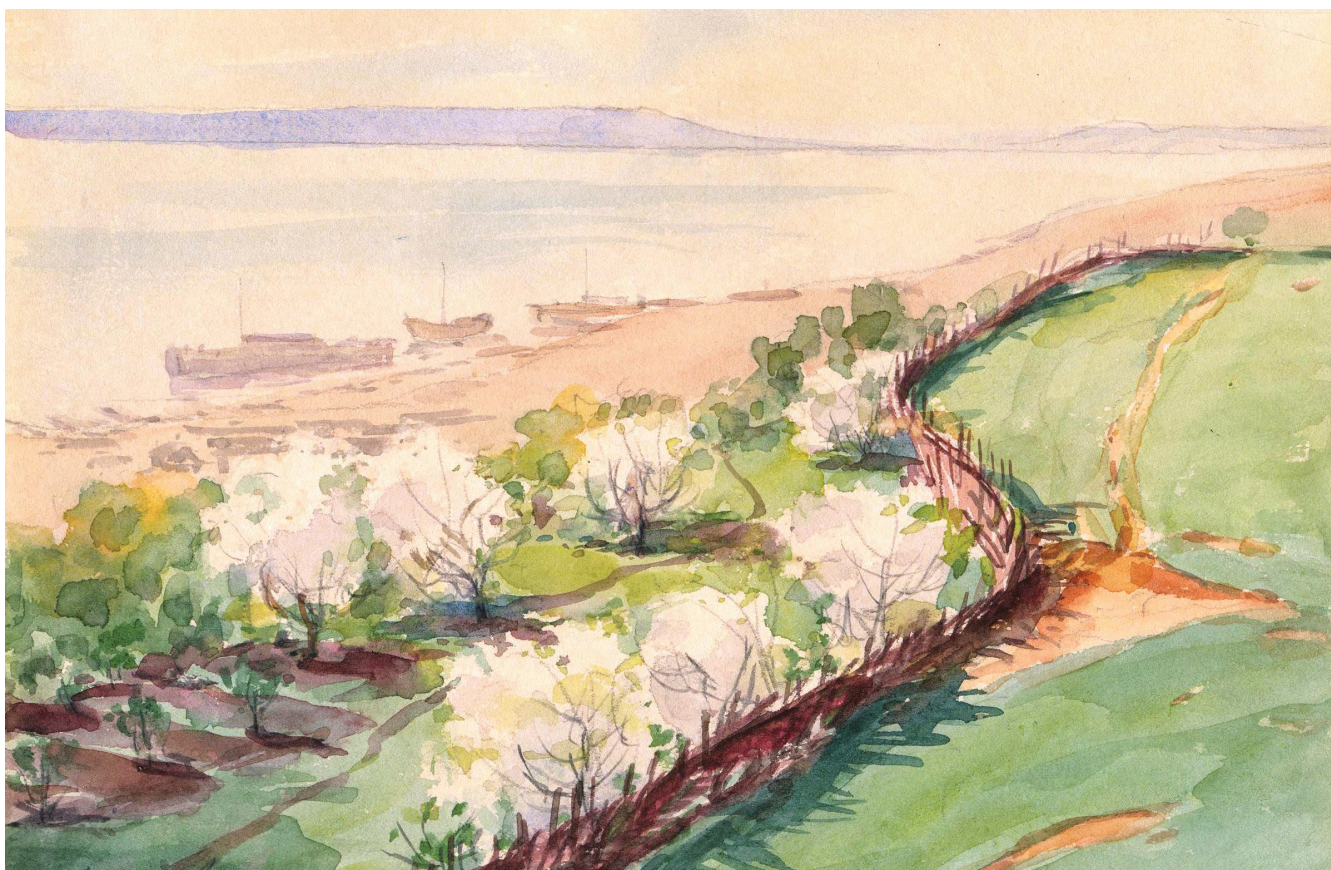
«Идет разгрузка». 1920-е годы

«Вид на Симбирск с беляны». 1920–1930-е годы

«Вечер на Волге». 1920–1930-е годы

«Симбирское подгорье»

«Ледоход на Волге». 1920–1930-е годы

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ИТАЛИИ. ВЗГЛЯД РУССКОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА

Домик в скале в Полигнано

Монополи. Храм. Фонари

Полигнано

Улочка с балконом в Бари

Домик в Альберобелло с сувенирами

Домик в Альберобелло с сувенирами

У храма Космы и Дамиана в Альберобелло

Храм св. Марии в Монополи

Храм св. Николая

Служба в храме св. Николая на русском подворье

Ольга ШЕЙПАК, прозаик, лауреат премии им. И.А. Гончарова, член Союза писателей России, руководитель Ульяновской писательской организации

СИЛА СВЕТА НЕБЕСНОГО

Мечтала ли я об Италии? Даже не мечтала. Но позвонила приятельница и позвала в Бари, к мощам святителя Николая. Первый ответ: нет. Это невозможно. Затем начались сомнения: тебя ожидает встреча с самим чудотворцем! Верить ли ты в его поддержку и помощь? Нужна ли тебе его защита? Да, конечно, да!

Нет в России человека, кто хотя бы однажды мысленно не обращался к святителю Николаю Чудотворцу за помощью, и нет такого верующего, кто бы не стремился припасть к его мощам. Тысячи паломников ежемесячно устремляются в Бари (Италия), где в базилике устроена рака с мощами святителя Николая Чудотворца.

С группой паломников – членов Императорского Православного Палестинского Общества Симбирского (Ульяновского) отделения ИППО под руководством Натальи Гудень – мы отправились в Италию. Митрополит Симбирский и Новоспасский Анастасий благословил на поездку. Позже его благословение мы чувствовали на всем протяжении пути.

Наталья Гудень заранее обсудила маршрут путешествия с нашей соотечественницей в Бари Анастасией Абриотиной – выпускницей консерватории имени Никколо Пиччинни, которая стала нашим добровольным гидом.

Она встретила нас, как только группа прибыла в отель, и тут же предложила прогуляться по ночному городу, до базилики.

..Низкая подсветка придает храму таинственность, а памятник святителю Николаю, установленный рядом с базиликой по инициативе правительства России, греет сердце: конечно же, он наш, Николай Чудотворец, и с радостью встречает всех православных.

На следующий день я готовилась к причастию: по четвергам в базилике русские священники служат Божественную литургию.

Как только закончилась католическая месса, появились православные священники и вмиг преобразили пространство базилики, развесив святые иконы. Теперь это уже был самый настоящий православный храм, до отказа заполненный верующими славянами: русскими, белорусами, украинцами, болгарам.

Пасхальная седмица. Все мы волновались в ожидании службы. Уже первый возглас «Христос воскрес!» вызвал поток слез, их невозможно было остановить. Так до самого причастия я умывалась и умывалась слезами, и душа ликовала вместе с хором. А хор, стоит признаться, необыкновенный: певчие – почти все выпускники Барийской консерватории, где учились многие современные прославленные музыканты.

После обеда едем в живописное местечко Polignano a mare. И снова нас сопровождает Анастасия, наша добровольная помощница.

Polignano a mare – абсолютное чудо природы! Над морем возвышаются причудливые скалы с вылепленными прямо в их отрогах сказочными домиками,

а в самом низу, у воды, разинули свои пасти черные гроты. Море играет десятками цветовых оттенков, которые меняются при каждом дуновении ветра.

На следующий день мы отправились в волшебный городок Альберобелло. Он включен в список Всемирного наследия ЮНЕСКО. Белоснежный, с округлыми домами и конусными крышами, он утопает в зелени и цветах и выглядит как мультяшный.

Необычные домики-трулли, словно грибки, рассыпаны по холмам и напоминают жилища гномов. Город появился в начале XV века. Есть несколько версий о его появлении. Первая: конусообразные домики строились без раствора, чтобы их можно было легко разобрать и не платить налоги. Вторая: власти преследовали жителей-язычников – вот они и строили временные жилища из известняка. Позже, когда гонения прекратились, жители построили крепкие дома, но форма осталась прежней.

Город имеет доисторические прототипы: конические крыши Альберобелло расписаны ведическими знаками. Подобные знаки можно увидеть на скалах Южной Америки, в Индии и Древнем Египте.

В работе над книгой «Священное золото инков» из серии «Атлантиада» мне пришлось столкнуться с необычными историческими находками и фактами – свидетельствами существования доисторического (божественного) языка. То, что я увидела в Альберобелло, доказывает его связь с городами исчезнувших цивилизаций.

Прекрасным открытием в Альберобелло стал для нас храм святых целителей Космы и Дамиана. Этих святых в России очень почитают. Когда мы узнали, что в Альберобелло находится рака с их мощами, испытали огромную радость. Хотя храм католический, наша группа долго не покидала, рассматривая богатое убранство, картины, огромный орган...

Конечно же, мы познакомились с Патриаршим подворьем в Бари. Оно было основано по инициативе первого председателя Императорского Православного Палестинского общества Великого князя Сергея Александровича.

После трагической гибели князя основные хлопоты по сооружению православного подворья взяла на себя его вдова Елизавета Федоровна. В 1911 году был создан специальный комитет, выкуплен в Бари большой участок земли. Главным зодчим назначен А.В. Щусев. За короткий срок архитектор создал проект грандиозного церковного комплекса. Более того, он мечтал об открытии там же музея русской старины. Работы продвигались быстро: 22 мая 1913 года заложен первый камень, а уже через год церковь святителя Николая Чудотворца подведена под купол. А дальше – известно: Первая мировая война, Октябрьская революция, гонения на церковь.

В советское время подворье находилось в собственности Барийского муниципалитета. В 2008 году радости всех православных итальянские власти вернули храм и подворье Русской православной церкви.

Нам посчастливилось побывать на службе в храме святителя Николая Чудотворца. Те же священники, что и в базилике, те же певчие. И святость, и торжественность службы.

А сколько здесь святых! Многие – с частицами мощей. Иконы святых: Димитрия Солунского, Спиридона Тримифунтского, Сергия Радонежского, Георгия Победоносца, Александра Невского, Серафима Саровского, Петра и Павла, Владимира и Ольги и другие.

Подворье поразило своей красотой и размахом. Райские деревья и цветы, чистота и уютные уголки для тихого созерцания и философских размышлений.

Наша группа, в составе которой был секретарь ИППО Александр Долинин, встретилась с настоятелем храма святителя Николая Чудотворца отцом Вячеславом. Общение с замечательным русским священником тоже осталось в сердце и греет душу по сей день.

Русский уголок в Италии – продолжение нашей Родины. Живая риза Божества. Легкое дыхание святой мученицы Елисаветы Феодоровны ощущается здесь во всем.

Группа на русском подворье с о. Вячеславом

Вернувшись в Ульяновск, я поняла, что в моей жизни многое изменилось. Рядом появился живой наставник. Я не оговорила: именно живой. Раньше святой подвижник был недостижимым небожителем, теперь он – реальный человек, близкий и родной. С ним можно поделиться радостью и горем, попросить совета и помощи.

Не проходит дня и даже часа, чтобы я не вспоминала поездку в Бари, когда по утрам с неизбывной радостью прибегала к святителю Николаю Чудотворцу и падала к его ногам. И ощущала любовь и поддержку.

Нам всем не хватает уверенности в завтрашнем дне, маловереие подтачивает силы и здоровье. Встреча со святым подвижником кардинально меняет жизнь.

Помните, в детстве нас лечили синей лампой? Считалось, что ультрафиолетовое излучение убивает микробы и исцеляет. Возможно, это так. Но что может сравниться с силой света небесного?!

В сокращенном варианте статья опубликована на сайте ИППО

Фотографии Всеволода Кривина

P.S. После поездки в Бари поделилась своей радостью с нашим замечательным земляком Валентином Яковлевичем Курбатовым и получила от него вот такое письмо.

«Раньше еще надеялся побывать в Бари, поглядеть на косточки Святителя Николая. Да, видно, не судьба. Я ведь в свое время прошел всю его малоазийскую епархию – от домика, где родился (где теперь болото и камыш в полтора метра) до места погребения, которое было расхищено умными венецианцами («чтобы не попало врагу») – так торопились, что раку разбили молотом и черпали из мира, что могли ухватить. Часть косточек осталась теперь в музее Мир Ликийских, и я кланялся им там и тайком прикладывался к музейной витрине.

Мы с московской группой учителей Южного округа даже памятник ему в Мирах поставили. Через несколько лет новый мэр снял его и поставил босенького на землю у храма, где он служил. А на его место – пластикового Санта Клауса. Но тут уж я расписался всюю в Патриархию и иное начальство. И памятник вернули на место.

Я не хвалился, что написал книгу «Наше небесное Отечество» о Турецкой земле, по которой власть походил, навещая Святителей Григория Богослова, Василия Великого, Иоанна Златоустого, города Апокалипсиса...

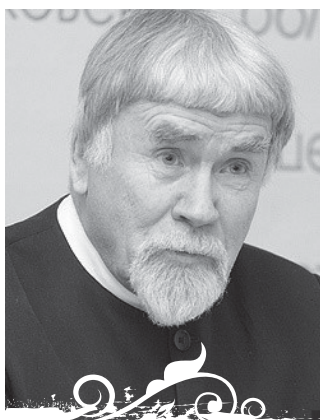
Книжка давно разошлась и теперь уже не похващаешься. А вот и обыкновенное чудо: нашел у себя компьютерный вариант».

К этому письму Валентин Яковлевич прикрепил файл с раритетной книгой «Наше Небесное Отечество». Тут уж точно без святителя Николая Чудотворца не обошлось!

С замиранием сердца открываю книгу. Какая красота... Каждое слово – как распутившийся цветок: с неповторимым запахом, собственным дыханием, ликованием красок. Да разве можно наслаждаться этим богатством в одиночку! Пусть все симбиряне окунутся в записки русского путешественника по святым местам. Какое это благо и счастье для всех нас – путешествовать вместе с Валентином Курбатовым!

ДОРОГА К ХРАМУ

Валентин КУРБАТОВ родился 29 сентября 1939 года в семье путевых рабочих в селе Старый Салаван Мелекесского района Куйбышевской области (ныне поселок Новочеремшанск Новомалыклинского района Ульяновской области). После войны переехал в город Чусовой Пермской области, где окончил школу. С 1962 года живет в Пскове. Работал грузчиком, корректором и литературным сотрудником в местных газетах. Окончил факультет киноведения ВГИК (1972). Литературный критик, литературовед, прозаик, академик Академии российской словесности (с 1997 г.). Автор книг «Виктор Астафьев» (1977), «Миг и вечность» (1983), «Михаил Пришвин» (1986), «Валентин Распутин» (1992), «Крест бесконечный» (2003), «Уходящие острова» (2005), «Подорожник» (2006), «Батюшки мои» (2013) и многих других. Член Союза писателей СССР (с 1978). Секретарь Союза писателей (1994 – 1999) и член правления Союза писателей России (с 1999 г.). Член редколлегии журналов «Литературная учеба», «Русская провинция», «Роман-газета» и др. Лауреат многих литературных премий, в т.ч. имени Л.Н. Толстого (2000), имени Павла Бажова (2007), Горьковской (2009) и Новой Пушкинской (2010).

НАШЕ НЕБЕСНОЕ ОТЕЧЕСТВО

Книга эта родилась из пяти экспедиций, охвативших пока малую часть святынь, сияющих в христианской истории России и мира. Она рождена порывом и любовью немногих, и ее недостаточная историческая и богословская вооруженность, наверно, будет очевидна каждому глубокому уму, знающему материал полнее нашего. Но нам не терпелось поделиться радостью открытия, не терпелось сказать о чуде живого и остро ощутимого здесь свидетельства молодости и силы христианства.

В разные поездки мы порой проходили одними и теми же местами. Мысль шла той же дорогой, но видела другое. Душа не узнавала своего прежнего переживания, потому что росла, потому что прибавлялось новое знание, и сама жизнь не стояла на месте. Дороги истории долги, и на них может не хватить жизни, но все они, если чувствовать их верно и выходить с зоркой душой, ведут нас к себе, к своему Господню образу.

Мы выходим в наше небесное отечество, чтобы вернуться к преображенному земному.

*Продолжение.
Начало в журнале «Симбирскъ» №5 (2018).*

I

На земле апостола Павла

Прямо с самолета мы ехали в Тарс! На родину апостола Павла! Когда бы первый раз, волнение летело бы впереди. Сейчас оно отставало. Я помнил тесноту пространства у родного домашнего Павлова колодца и уже думал, как мы там поместимся без толкотни для заранее оговоренного водосвятного молебна.

Город показался теснее прежнего, провинциальнее, словно с прошлого приезда прошел не год, а по меньшей мере десятилетие. Особенно квартал у дома апостола. Знойная пыль белила дома, кровли, большую каменную виноградную гроздь на площади, даже, кажется, окна и по-солдатски не обращающего на жару внимания закованного в мундир Ататюрка, вокруг которого на постаменте бился за независимость бронзовый народ. И Ататюрк, уже предвидя победный исход борьбы, следом за Бисмарком, который утверждал, что войны выигрывают не полководцы, а учителя, тоже славил турецких учителей, которым предстояло сделать этот народ достойным свободы.

Муэдзин звал к намазу, не перекрывая шумного полдня, часто сигнализирующих машин, веселого перебивающего мальчишек. Царственная римская дорога из циклопических черных плит, так поразившая меня в первый раз, со всей ее трехтысячелетней нерушимой системой канализаций, водопроводов, лавок враз закипела нашими учителями. Скульптор уже выставлял модель памятника на горячие плиты, помнящие легкий шаг апостола, и искал ракурса поживее, чтобы малая модель памятника «подросла» до соответствия этим небесам и плитам.

Командор ордена Константина, отделившись от группы, высматривал какие-то тайные, одному ему ведомые приветы в остатках колоннад и страшном шествии плит, на которых нельзя было представить праздную толпу, а разве мерный шаг победных когорт или сжатую равнодушным легионом толпу сожженных солнцем черных от пота и пыли рабов.

Империя живет полосами смерти и в победе, и в поражении. В ней не бывает покойных вечеров, когда человек наслаждается тишиной и слушает только свет своего сердца. В империях не цветут сирени и полевые цветы и не поют соловьи – там стоят торжественные и недвижные времена орлов и лавров. Но зато эту землю легко представить под пером пророков (она была слишком на виду, чтобы не быть заде-той их словом). Ее можно узнать уже в ветхозаветной географии книг Иезекииля и Даниила, и тени этих пророков не без основания, хотя еще и с робостью, призывают в древний Тарс первые путеводители. И пророк Иона, уклоняясь от Господня поручения по вразумлению Ниневии, говорят, тоже бежит сюда: «И встал Иона, чтобы бежать в Фарсис от лица Господня» (Иона 1,3). Может быть, вопреки всем библейским словарям, определяющим под именем Фарсиса так пока и не найденное местечко в Испании, турецкие путеводители не вовсе без основания торопятся отождествить его с Тарсом – библейская свобода обращения с временем и пространством не возбраняет этого. А англичанка Маргарита Римшнайдер говорит,

что над этим городом шутил в «Одиссее» Гомер и напоминает, что и вся-то область Киликии, которую возглавлял Тарс, долго звалась «центром мира». Ну, а уж романтические тени Марка Антония и Клеопатры тут неотлучно. Потерявший голову из-за царственной блудницы вслед за Цезарем Антоний воздвиг здесь к ее приезду торжественную арку, сквозь которую она летит и летит на окликанья гидов, по-женски бочком протискиваясь в туристическое бессмертие.

Мы же только отметим с любовью, что, верно, по этой римской дороге Савл уходил в Дамаск, чтобы встретиться с Христом, стать Павлом и переменить сердце... По ней приходил к Павлу апостол Варнава, и по ней они уходили в свои тягчайшие миссионерские пути, ополоснув напоследок лицо водой родного колодца и взяв этой утоляющей жажду и тоску сердца воды в дорогу.

У колодца апостола Павла в Тарсе

...Я почти не узнал этого колодца. То есть он был тот же, что в прежний приезд, но уже не чернела рядом палатка из тех, какие ткал его родитель и которыми апостол зарабатывал на хлеб сам. Площадка переменялась. Зато явился фундамент дома и видно, что раскопки в самом разгаре и еще могут одарить чудесами. Вода успела замутиться, потому что учителя все теснились вокруг, и ведро только успевало нырять в 38-метровую глубину, чтобы утолить всех. И как радостно вода бросилась в водосвятную чашу под сияние креста и как засверкала на солнце! И вдруг потянулись отовсюду учительские руки с образками, крестиками, кольцами, и старые камни вокруг колодца поневоле стали престолом. Отец Виталий, волнуясь, затягивал поручи, надевал епитрахиль, готовил служебник. Мне оставалось быть «хором», всегда беспокоясь при начале службы, потому что у всякого священника свои приходские музыкальные пристрастия и всяк выбирает свой распев даже для простого «Господи, помилуй».

А тут еще сзади уверенно и тоже на свой лад подхватила учительница из московских прихожанок. И уже надо было изо всех сил держать свое, чтобы не рассыпать молебна. От начального напряжения почти ничего не видел. Но, слава Богу, и батюшка услышал наши шатания и поддержал ровной серединой, и можно было исподволь взглянуть вокруг. Учителя

были смущенно строги, дети переминались от усталости, наши киргизские гиды вслушивались в порядок службы, надеясь унести что-нибудь для путеводительного материала. Турецкие мальчики на велосипедах висели на ограде, сухие, прокопченные зноем мужчины, забывая дела, останавливались поглядеть на лицо чужой веры и ревниво сравнить со своей.

Солнце играло в воде, в «золоте» софринской чаши, на кресте, освящающем воду, радугой вспыхивало под кропильным дождем. День как будто притих на минуту и собрался над колодцем в любви и общем волнении. Ни одного чужого раздраженного взгляда, ни одной сдвинутой брови – только спокойный интерес или детское любопытство. Кажется, за миновавшее столетие это было здесь впервые. Оттого так пела вода, становясь для многих тайным крещением и ликую от этого возвращения к своему духовному назначению, к святому истоку.

Бедная великая история и здесь, как везде, приручается для потребительских нужд мелеющего времени. Здешний водопад, в водах которого простудился в своем донашеэрном далеке великий Александр, выковывая характер (тоже, видите, не миновал этого бессмертного города), оккупирован ресторанчиками. Гремевший в прошлом году белой яростной лавиной, в это лето он почти пересох, и величие читается только в диком, обдирающем взгляд, выбитом гневной водой русле. Рыбаки лепятся на камнях, изредка потаскивая на удочки упругую форель. Ящерицы с тевтонскими рыцарскими головами пугают учителей, выстреливая из-под ног, как брызнувший камень.

А пройдешься вдоль реки повыше водопада и увидишь, что там и тут ее похищают для небольшой мельницы или прачечной, просто для уголка домашнего сада с малым садком для рыбы. Река работает и, верно, не помнит счастливового пловца. У нее, как у занятых делом людей, другая, не видная миру, здоровая и по-настоящему великая история. Но наглядеться некогда.

Добрые хозяева зовут в храм апостола Павла, где все уже приготовлено для освящения икон, которые мы привезли с собой, воды из Павлова колодца и земли от его дома, которую приготовили для нас они сами.

Храм за разрушением и воскрешением позабыл свою начальную историю. Одни ворота еще помнят ставивших их крестоносцев или, во всяком случае, удачно притворяются, что помнят – так тверда и уважительна к высоте традиции их рука. Крепкая романская кровь течет в них свежо и сильно. А храм уже робок и не бережет не то что содержания, а и формы, скорее обозначая храм, чем являясь им. Арки внутри безвольны и еще больше «расшатаны» неинтересным орнаментом самого любительского свойства. Алтарь резан рукой, позабывшей простое ремесло. Евангелисты в парусах деревенски просты и вконец гонят крестоносцев из воображения. И служится здесь тверже, без волнения. И только разогревшись молебном, вдруг вспоминаешь, что ты не дома, что за дверью шести тысячелетний основанный Сарданапалом город пророков, поэтов, полководцев, апостолов. И поневоле думаешь, что вот ни Александра Великого, ни Марка Антония, ни Клеопатры – остались от них одни страницы учебников древнего мира. А апостол Павел в каждой литургии по всему христианскому право-

славному и католическому миру встает перед чтением Евангелия великими воротами в Него. И он спокоен и тверд, современен и молод, словно сформулировал законы мира вчера, и они еще дымятся неостывшим огнем.

Читали в этот день из «Послания к ефессянам», и сердце летело домой, потому что апостол называл в качестве условия исцеления мира (а кто более нуждается в исцелении?) – «единство духа в союзе мира». «Одно тело и один дух., один Господь, одна вера, одно крещение» (Эфес. 4;4,5). «Ведь как просто», сказал бы Толстой, но именно из-за простоты и непопулярности и навсегда впереди, потому что мир предпочитает пути полегче.

А потом мы уже без остановки летели «домой», в малый городок Кызкалеси, в отель «Барбаросса», чьи радушные хозяева встречали нас в аэропорту и вместе с нами делили первые молебны, уважительно присматриваясь к неведомым для себя обрядам. Вышел к дороге благородный, столично-торжественный, забывший в себе древний Помпейополь, Мерсин в небоскребах банков и «хилтонов», в белизне молодых кварталов, в щегольском карауле голых пальм с киверами крон по вершинам, во всей обычной для южных городов праздничной легкости и вызвал в памяти летучую бунинскую строчку «О, этот юг! О, эта Ницца!» Значит, наверно, и там, в Ницце, так же сияет день и так же сверкает вдоль шоссе море.

И вдоль всего побережья полуторочки-полусела в отелях, кемпингах, ресторанчиках, в диких пустырях, обнажающих скудную плоть этой пероначально голой земли, в выбегающих к дороге лавочках, вываливающих свои пестрые внутренности, свой жалкий цветистый «ливер». И олеандры, закумы, магнолии, акации в привычном, каком-то «рабочем», не удивляющем цветении, хотя на дворе ноябрь. Наш неблагодарный взгляд привыкает скоро и уж чуть не устает, забыв, что еще утром зяб от ледяных порывов какого-то одушевленно враждебного московского ветра.

Приехали «домой» затемно. Расходился дождь, чтобы все-таки не делать переход от Москвы слишком резким. Но нельзя было утерпеть, чтобы не выбежать к морю и не искупаться. Молнии безмолвно кроили небо за стоящей в полукилометре от берега Девичьей крепостью, давшей название месту, борясь с ночной подсветкой ее величавых руин и озаряя мгновенным белым огнем волны, мокрую зелень пальм и капители колонн, расставленные на газонах перед отелем.

Говорят, когда отель был завершен, директор послал два самосвала, и они через несколько часов привезли эти антики с окрестных гор. Осталось их только пронумеровать и поставить под охрану. Мы убеждались в правоте подобного фантастического рассказа в прошлые приезды, убедимся и теперь. Никого не беспокоит, что камень потерял «прописку» и теперь будет маяться в бездомности и глядеть нарядным беспризорником. Где-то теперь уже навсегда покалечен храм, поврежден мавзолеем, погибла центурия, потому что пересаженные органы в архитектуре приживаются так же тяжело, как в человеческом теле. Когда этих камней много, об этом не думаешь. А здесь подлинно, кажется, нет камня, не знавшего руки римлянина или грека. Господь передал землю в руки человека, а оттого, что здесь этой землей был камень, человек благодарно вырастил из него сад великой архитектуры,

восславившей Творца в лесах колоннад, и целое человечество скульптуры.

Фигус под окном номера уходил в небо, и глянцевае листья его сверкали от дождя и гремели под каплями, как хорошая кровля. Для фикусов была весна, и они выбрасывали малиновые копыя свернутых листьев с какой-то бесстыдной энергией и жадной силой.

Открытие Киликии

А на следующий день мы увидели эту Девичью крепость поближе. Она была украшена нехитрым мифом о несчастном короле, узнавшем из предсказания гадателя о смерти дочери в день совершеннолетия от укуса змеи. Потрясенный отец выстроил дочери этот замкнутый морем и башнями мир, напрасно надеясь провести судьбу. Змея в день рождения была нечаянно принесена кем-то из гостей в корзине с виноградом (поневоле вспомнишь родную детскую хрестоматию: «и вскрикнул внезапно ужаленный князь»), и крепость осталась подтверждением бессилия человека перед всевластием рока.

Но если вспомнить живую реальность древней истории этой земли, слышавшей колыбелью морского и сухопутного пиратства, с которым потом будет много хлопот у римлян, то вернее будет предположить, что тут легко было укрыться в случае опасности равно и от горных, и от морских набегов. Цистерны для воды были вместительны, храмы прекрасны (их мозаические, едва открытые археологами полы, если плеснуть из ведра, вспыхивают молодой чистотой вчерашних красок), башни надежны, гарнизон храбр. Глухой стеной выходя к морю, крепость оглядывается на берег прекрасными арками – прямо на город Корикос и стоящую на берегу величавую старшую сестру – береговую крепость. Арки полны небесами и чистотою форм напоминают так любимые Возрождением в живописи арки Леонардо и Фра Анжелико, Большаффио и Джотто, Пьетро делла Франческо и Джентиле да Фабриано.

А крепость Корикос глядит с берега на Девичью крепость и чувствует себя защищеннее и может позволить себе роскошные морские ворота в полнеба, в которые, как в раму, торопятся вписаться облака и птицы и рано в ноябре восходящая луна. Не раз поверженная землетрясением, крепость воскресала снова, мало церемонясь с замыслами предшественников, используя руины дивных колонн в кладке в качестве простой арматуры, так что только чистота срезов в циркульной легкости или зубцах каннелюров выдает их прежнюю колонность. Так использовались молодыми христианами колонны храмов Артемид и Аполлонов, так возвращающиеся с Юлианом Отступником (он проходил здесь походом на Персию) язычники мстительно загоняли в стены крепости камень христианских церквей.

В самых неожиданных местах найдешь вдруг великолепную менору – чистый семисвечник ветхозаветной церкви – или все те же, уже привычные, вычерченные упорной рукой кресты всех форм и стилей. И в этом взаимном произволе и тайном соперничестве отчужденнее всего почувствуешь голос борьбы сменяющих друг друга вер и династий, равнодушные и горячность мерно шедших этой землей веков.

Нет уже ни храмов, от которых сохранились

только имя императора, при котором они были ставлены в крепости (Анастасий 491-518), ни следов перестройки при «крестоносном» адмирале Евгении (1103-1104). Можно было бы не знать и этих подробностей (здешняя история почти бессловесна), камни все равно проговорились бы о своем беспокойном прошедшем. Пылкая жизнь за стенами крепости, неуступчивое соревнование честолюбий азиархов, властителей провинций, полководцев, подражателей имперской славы не могло не отразиться и в лице оберегающей империю крепости.

Когда бы мы еще умели читать речь камня, мы могли бы извлечь хороший урок, что нельзя считать прошедшее только выжившим из ума основанием своего высокого «прогрессивного» миропонимания, иначе история найдет случай посмеяться и в свой черед определить в безумцы тебя самого.

А через дорогу от крепости вырастет каменный город усыпальниц этого много повидавшего места. Тут впервые, как нигде, видно, что великолепные саркофаги греческих, римских, византийских насельников этой земли иссекались благодарными потомками, а то и самими предусмотрительными, не надеющимися на потомков гражданами, не из отдельных блоков, а прямо из скал, извлекая из них как будто до времени таящуюся, но вполне готовую, самим Творцом заложенную красоту высокой символики.

Каменный воин, возрастом в двадцать четыре столетия, воздевает меч при входе в этот город мертвых с его приземистой, не умеющей оторваться от скал архитектурой, но охранять ему уже некого. Крышки саркофагов сдвинуты или разбиты, закрывающие вход камни повержены, гробницы пусты. Мертвое человечество, как и по всей этой земле, ушло в небеса, не оставив следа, словно и не имело плоти, а было только великим духом, строившим этот и в поверженном виде все великий мир.

Слава Богу, для этого прибрежного города суровой Киликии нашлось доброе слово у Теодора Моммзена, а уже одно это можно считать пропиской в бессмертии. Великий историк, прибегая к исследованиям Ланглуа и Дюшена, напоминает, что по гробницам Корикоса древники восстанавливали «социальный срез» римского города. По латыни сохранившихся надписей нашли здесь виноторговцев и гончаров, медников и ткачей, башмачников и скорняков, садовников и мянял, повивальных бабок и пресвитеров. А ведь это значит, что город мог жить полно и самостоятельно, не беспокоясь, что войны или недостаток дорог могут лишить его связи с миром. Он сам мог быть здоровым, ни в ком не нуждающимся государством. И Моммзен, не пряча любви к этому малоазиатскому переводу Рима в его лучшие дни, чудесно пишет, что «здесь меньше, чем в Элладе бесполезные воспоминания и неясные надежды манили людей за пределы... родного города, и в жизни граждан было мало событий, которые могли бы препятствовать мирному наслаждению счастьем».

Рай и ад

Но настоящее чудо ждало нас назавтра в окрестностях Корикоса. Чудо было сотворено Господней рукой в младенческую пору движения земли, ее укладывания и становления. Горы низвергались в пропасти, реки промывали страшные каньоны, скалы рас-

ступались, чтобы поглотить день. А уж человек потом только приручал непостижимое, одомашнивал его мифологией. Теперь один из таких гибельных провалов звался «Ад». И, конечно, именно сюда греки на заре освоения этой земли определили на жительство огнедышащую Химеру, рожденную Ехидной и Тифоном, пока мифический герой Беллерофонт на Пегасе не поразил ее и не заточил на Олимпосе, где мы навещали ее в первый приезд. Безобидная, она теплила там в скалах вполне кухонные огоньки, и ученые туристы, дети своего века, рассудительно говорили о газовой природе явления и не слушали упрямого экскурсовода, устало повторявшего им в ответ на вопрос о природе огня: «Когда Беллерофонт на крылатом Пегасе...».

– Да, да, мы это знаем, а что говорит наука?

– Она говорит: Когда Беллерофонт на крылатом Пегасе...

– Ну да, это миф. А в действительности?

Но экскурсовод был молодец и не уступал правды: «Когда Беллерофонт...».

А здесь был страшный «дом» Химеры в кратере двадцатиметровой глубины, куда и при ограждении было боязно взглянуть и куда долго летит, испуганно вращаясь малый лист, брошенный чьей-то рукой, не может долететь до конца, теряясь во мраке. Только сунется заполосный воробей и тотчас пулей вылетит с взорвавшимся от страха сердцем. Подлинно туда можно, как в настоящий «ад» только «попасть» – никакие деятельные глаголы не подойдут – ни «спуститься», ни «подняться».

А в сотне метров – «Рай», долгая глубокая долина, в которую надо сходить каменными ступенями мимо измученных вековым возрастом, тьмой и камнем деревьев, колючих кустарников, одетых в лоскуты всех расцветок и стран, мимо малого храма Девы Марии, в чьих погибших фресках уже не прочтешь – Рождества Ее или Успения. И по скользким, источенным подошвами камням – ниже, ниже – в тяжкую тьму, которую насилу одолевают прожекторы подсветки.

Страшная сфера каменной ночи над головой, кажется, уходит в бездну. Сохрани Бог погаснет свет, и тогда этот «Рай» зашевелится летучими гадами, и душа сама собою вскрикнет: «Покаяния отверзи ми двери, Жизнодавче...».

Но сверху от только что оставленного храма Девы Марии уже звало спасительное пение. Отец Виталий уже расставлял в нишах иконы, готовясь к Богородичному канону. И пока поднимаешься к свечам, к пению и легкокрылому храму, чьи прекрасные окна полны напросвет горнего солнца, к птичьему гомону и особенно чистой после тьмы зелени, душа начинает постигать правоту названия. Это отсюда, из холода преисподней оставленная тобой наверху в каньоне земля и церковь названы «раем». И только что казавшиеся бедными кусты и старые деревья, и многоголосая птичья мелочь, открываются с прекрасной небесной стороны.

Храм благодарно ожил навстречу молитве, и сделалась понятна и его символика тут на краю пещеры, на границе тьмы и света. Умный архитектор стал 1600 лет назад перед престолом обычным прихожанином, и увидел в левые окна небеса и спасение жизни, а в правые – тьму и погибель смерти. В храме можно было не совершать молитвы, он сам был молитвой

и проповедью. И нам хорошо было послужить здесь и заупокойную литию, потому что эта граница открывала нам путь, которым идут наши ушедшие предки в ожидании суда, и побуждала помочь им на дороге света.

Лица учителей были особенно собраны здесь и полны глубокой мысли и тишины. И поднимались они потом из каньона медленнее не оттого, что вверх, а оттого, что берегли покой согретого особенно слышной здесь молитвой сердца.

Добрый владелец верблюда напрасно искушал сфотографироваться на его бедно украшенном, равнодушном к миру дромадере. Было как-то не до «туризма». И, кажется, никто не повернулся к руинам огромного храма Зевса, который, видно, тоже в свой час повергли христиане, чтобы из его камней собрать свой храм, нарочно положив исчерченные строгой латынью плиты и боком, и вверх ногами, ибо говорили другую правду, которая писалась той же азбукой но другими словами. Шел третий день нашего паломничества, а уж «Зевсы» были привычны и скучны.

А автобус торопился в Канителис, бывший. Неополитис, к «Кровавому дивану», к каньону, где местные иринархи и всадники, подражая императору травили христиан зверями. Вырезанные в красном песчанике каньона фигуры местных «районных» властителей все остаются зрителями давно отошедших казней. Гиды зовут их императорской семьей и императорской стражей, но навряд императоры поспевали во все концы своей великой державы на все христианские казни. Им довольно было метрополии, потому что по выражению Сульпиция Севера, первые христиане «искали мученичества с большей настойчивостью, чем поздние их потомки епископских должностей». Это скорее торопились в мрачное бессмертие сами властители провинций, как мрачное зеркало навсегда отпечатавшегося в мировой истории пятого прокуратора Иудеи всадника Понтия Пилата. А если эти изображения все-таки были императорскими, то тоже больше как разрешительный документ, как подтверждение правоты совершающегося, как знак единства политики.

И как все повторяется. У нас в тяжкие тридцатые годы часто корыстный донос (из-за квартиры, работы) привычно уносил человеческие жизни. А тогда, в начале времен, человеческая низость только разведывала пути такого способа «самообеспечения». Читаешь «Апологию» Мелитона Сардийского по поводу преследования христиан в Галлии, посланную благородному императору-философу Марку Аврелию в 170 г. н.э. и только бессильно бледнеешь от сознания недвижности истории: «бесстыжие доносчики и искатели чужого явно разбойничают днем и ночью... Если это делается по твоему повелению, пусть делается так, если же это определение вышло не от тебя, то мы просим не презирать нас среди столь явного грабительства» (как тут замечательно и должно быть невыносимо для Марка Аврелия с его великим умом и душой «если это делается по твоему повелению, пусть делается так»). Впрочем, тогда, такой умышленный тонко обдуманный выпад, кажется, мог и не задеть слуха императора, ибо мучительство христиан было делом повседневным. У другого великого историка Рима Эдварда Гиббона можно прочитать почти без иронии сказанное: «Почти через восемьдесят лет

после смерти Христа его невинных последователей казнили по приговору проконсула, отличавшегося самым любезным и философским нравом, и в силу законов, установленных императором, отмеченным мудростью и справедливостью общей системы своего правления».

Были еще в соседстве с Неполисом «скальные люди» – родственники «императору и страже» «Кровавого дивана» и, может, той же руки. Иначе и вернее они зовутся в путеводителях «Скалы Адама». «И создал Бог человека (адам) из праха земного (адама) и вдунул в лице его дыхание жизни» (Бытие 2;7). Эти «адамы» созданы рукою Адама, бессильного вдохнуть «в лице их» дыхание жизни, и они остаются прекрасным подобием, подражанием руке Создателя.

Они царственно прямилась под расходящимся ливнем и гневным Зевсовым громом. Гром, кажется, был именно Зевсовым, а не Ильиным, потому что про каньон «Рая» было мимолетно сказано, что он промыт Стиксом и не желал бы слышать христианской молитвы. Копья молний жалили вдали море и неожиданно живо озаряли мертвое человечество возлежащих, проповедующих, воинствующих героев, напрасно ограждающих опустошенные могилы. И вдруг вспомнилось, что Христос по шествии Своим в ад и воскресении извел из ада всех его обитателей. Всех! А могилы-то здешние еще дальних, дохристовых веков. И не потому ли они пусты, что освобождены Им, для Кого нет мертвых?

Во всяком случае эта мысль примиряла сердце с всеобщей пустотой заселивших эту землю кладбищ всех мировых цивилизаций.

Выше орлиных гнезд

А на следующий день мы ехали в высокогорный монастырь Алахан, о котором сведения по-прежнему ограничивались высотой над уровнем моря, описанием рельефов и символики капителей. Год после нашего предыдущего приезда не прибавил знаний ни нам, ни туркам – документы унесены временем.

Монастырь Алахан

Опять пленяла дорога. Опять была прекрасная Гексу, и опять на нее нельзя было наглядеться. Дорога искушала вспомнить о крестоносцах третьего Крестового похода, шедших этим путем освобождать Гроб Господень, о несчастном герое и инициаторе этого похода 67-летнем Фридрихе Первом Барбаросса, который утонул здесь, уступив славу освободителя

Гроба Господня в этом походе Ричарду Львиное Сердце, о чем извещала памятная доска на площадке под высокими соснами.

Одним из участников поездки был извлечен на свет Божий сентиментальный немецкий панегирик отважному Фридриху, чье пламенное сердце навсегда остудила эта река. Мы уже говорили, проезжая здесь в первый раз, о странной привычке великих полководцев покорять сильные реки. Александр простужается в водопаде Тарса, Фридрих тонет в Гексу. Господь враждует своих слишком удачливых до времени детей, что их власть не беспредельна и что как только они посягнут на Господне творение, им возвращается вся человеческая малость.

Высокие разговоры, затеянные было о благородстве порыва крестоносцев к освобождению от «неверных» христианских святынь, скоро прервались воспоминанием о том, что хорошо бы о величии духовных устремлений крестоносцев спросить у Александра Ярославича Невского. Он предмет знал и встречал «благородных гостей», облаченных в белые одежды, уверенной силой меча и простого нательного креста, который не выставлялся в демонстративные символы. И поневоле припоминалась узкая и злая терминология советских энциклопедий, которые спрямляли свои суждения до грубости, называя крестовые походы переодетой формой захватничества. Грубо-то грубо, но как вспомнишь, что четвертый поход заканчивается не у Гроба Господня, а прямо в Константинополе, так и поймешь, что сентиментальные гимны поэтов таят на глубине сухие расчеты властителей. За три дня грабежей были уничтожены и похищены сокровища, составлявшие славу мира. Империя была разделена, как лакомый кусок, не имеющий к Европе никакого отношения. Терновый венец Спасителя венечанцы, похитившие бронзовую квадригу, которая и теперь венчает главный портал собора св. Марка, продают (продают!) Людовику Святому. Поневоле перестанешь понимать и значение слова святость и слова «благородство». Церковь Христова грабит Христову церковь и не слышит в себе горя гражданской войны, прикрываясь разностью языков и окончательно разрывая церковную завесу, как в час распятия Христова. Впрочем, об этом еще придется разговаривать, если судьба приведет в Константинополь, а пока мы только препирались у памятной доски Барбароссы и никто не вспомнил, что Фридрих шел со своими воинами против вот этих самых «неверных», которые теперь владеют страной и исповедуют враждебную полководцу веру.

А, однако, вот и памятная доска, и наш отель все чтят Барбароссу, которого мы-то уже более помним по имени гитлеровского плана нападения на Россию. И нам уже эти «рыцарские одежды» не отмыть. Да и Турция, наши гостеприимные хозяева разве любовью движимы? Нет, просто эта земля, предпочитаема и давно обжита немецкими туристами, а тут уж кто платит, тот и заказывает музыку. Вот и Барбаросса вынырнул из Гексу и, побросав крестоносные идеи, занялся экономикой.

А дорога торопится показать все свои чудеса. Нежная, почти русская осень сменится седыми оливковыми рощами, которые кажутся издали бедны и сухи и совсем не похожи для глаза на полное музыкальное сочетание «оливковые рощи». Апельсиновые сады

сменяются опустевшими виноградниками. Замаячат на горизонте голые скалы, как величавые престолы для циклопических жертвоприношений, или постаменты под незримые, еще не рожденные слабым человечеством поднебесные статуи.

Последняя сухая, выжженная долина осталась позади, и автобус напрягся, так что усилие передалось и нам, и по сторонам стало страшно смотреть. Дорога оказалась вычерчена прямо под колеса, без запаса, и на бесконечных поворотах, когда отрезка дороги хватает только на длину автобуса, он все время висел над бездной под съезжившееся молчание женщин и слишком бодрые голоса мужчин. Наш киргизский гид изо всех сил отвлекал внимание от окон рассказами о милой Киргизии, о паломничествах в Мекку, о побратимстве турецких и немецких семейств. Каждая семья учится у другой лучшему, и тем растет душой и постигает законы взаимного терпения и понимания.

Так и добрались. И увидели далеко внизу, где летали ласточки, свою дорогу в долине и крошечные села, покрытые облаками, и тусклую в синей дымке нитку Гексу. И сразу озябли. После почти летнего зноя внизу – здесь было градусов 12. Мы скоро забываем школьную географию, даже учителя этого предмета, и вспоминаем, что в горах холодно, только когда уже ничего нельзя исправить.

И хоть монастырь был перед нами, мы еще долго, как и тогда в первый раз, глядели назад – в оставленную даль облаков, птиц, тех скал, которые только что высились на горизонте, а теперь с вершины были домашне малы. И все не оставляло чувство полета. Наверно, всякая высота и неожиданно птичья точка зрения напоминает, что наши острые лопатки – только след ангельских крыл, и они не зря в народе зовутся «крыльца». Глаз никак не может насытиться этой непривычной широтой и ангельским воспоминанием о временах, когда небеса были нам роднее земли. Но Шерик-бей уже рассказывает о временах короля Тарасиса, при котором ставлен монастырь, и о том, что Павел и Варнава, проходя эти места, оставляли здесь храмы, и не смущается, что тот V век, которым определяется рождение монастыря, не знал никаких королей на этой уже давно даже не римской провинциальной, а византийской земле, для которой провинцией был сам Рим, и что церкви Павла и Варнавы не знали стен, ибо были собранием верных, и их храмами могли быть гостеприимный дом, вечерний сад или городская площадь.

А этот «Тарасис» действительно мелькает в каменных надписях монастыря и может быть равно властителем провинции и архитектором, славящим в своем храме первоапостольский подвиг Варнавы и Павла, которые и впрямь могли подниматься в эту пастушескую высь. И сейчас еще выгоревшие до черноты пастухи спокойными глазами вечности смотрят на козы стада, рассыпанные в кустарниках и на голых камнях, где кажется и есть-то нечего, и иногда используют ниши опустевших гробниц для того, чтобы собирать стада в непогоду.

Вечность здесь так властна, что душа просит живых мелочей, подробностей человеческого быта и готова обмануться выдумкой, но гиды и сами мучаются от недостатка этого живого тепла. Очевидно, в здешней археологии не осталось людей, сделанных из этой земли и ее великой истории, чтобы воспроти-

виться забвению и допросить камни об их прошлом. А они еще терпеливо ждут, и своды собора часто держат уже одну только небесную синеву усилием замковых камней, а колонны – силой креста, виноградных ветвей, рыб и овнов – нестареющих символов, глядящих из камня с живостью вчерашнего рождения. И весь храм, кажется, не строен, а иссечен в скале, как прекрасная скульптура, и его крещальная купель уходит ступенями в глубину камня, зримо напоминая человеку, что он в крещении погребает в себе ветхого человека, чтобы воскреснуть новым. Молитва умолкла столетия назад, а камни все берегут символ веры и ждут готового к прочтению сердца. Как и в высоко летящем над Антиохийской долиной храме Симеона Столпника, здесь остро видно, как человек уходит выше к небесам, оставляя изнеженное и вместе ожесточенное человеческое сообщество, уже к четвертому веку забывающее из-за восславленного Моммзеном благополучия строгую красоту Христова учения. Евсевий Кесарийский не зря жаловался, что к этому четвертому веку «от излишней свободы (христиан только перестали гнать, как гнали столетия перед этим – В.К.) епископы уже начали друг другу завидовать и сильно домогались первенства». Глубокий христианский человек уходит от растлевающего города в горы и первая его молитва – сам поднебесный храм. Он так прекрасен, так вымолен у Бога и человека, что нам сразу хорошо служится здесь. И сами ступени горного места радуются свечам и иконам, как капитель колонны в латеранских царственных крестах, используемая нами в качестве престола, благодарно несет Евангелие. И священник потом украдкой гладит ее или тайно благословляет, чтобы еще поберечь и подольше хранила память.

Здесь должны были сиять светильники веры. Непрочитываемая, выветренная до каменной ряби латынь надгробий все неразличимее дошептывает их дороге имени. Время не погасило их подвига. Оно только сделало их свет просто белым светом, в котором высится и не переходит этот царственный монастырь. Опять невольно подумаешь, какое великое православие мы приняли. Какой осанки и мощи!

Жалко графики наши тесны, и здесь нельзя провести ночь. Боязно и представить, как обнимает эти остывающие к ночи камни тьма и возгораются звезды, перемигиваясь с огоньками сел внизу, пока не потеряешь границы неба и земли и не почувствуешь себя малой пылинкой мира, потерянной в вечности, и не онемеешь от внезапно стеснившегося сердце впервое понятого слова «бесконечность».

...Чтобы спускаться, храбрости оказалось надо побольше, но шоферы собранно спокойны. Да и самый страшный серпантин все-таки недолог, и скоро автобус выкатывается на простор и только по тому, как закладывает уши и надо постоянно сглатывать, узнаешь, на какую высоту мы забрались. А на полдороге еще один привет от Теодора Моммзена. Историк напоминает об императорском обыкновении отмечать царствование городами своего имени, и говорит, что едва вступивший на престол за Августом Клавдий поторопился построить свой Клавдиополь, обременив его функцией защиты от горских грабителей, которые зорили благословенное Приморье.

От этого Клавдиополя, который теперь звался Мут, осталась малая часть крепости с высшейся

над городом слоноподобной башней, конечно, занятой туристическими службами и «общепитом», да имя в путеводителях. Тут бы очень пригодилась хоть школьная латынь, что-нибудь общеизвестное вроде «sic transit gloria mundi», звоном и мерой так мало похожая на тусклый перевод «так проходит слава мирская». Империи надо оплакивать латынью.

Но городку внизу, кажется, до этих печалей нет никакого дела. Нынешний Мут вполне современен и мало озабочен своим звонким прошедшим, рана русского сердца только тем, как он муравьино деятелен, хлопотлив и как-то всеобщее занят. Сверху кажется, что он весь едет, бежит, торопится, стучит, гудит, что-то забывает, сваливает, поднимает, катит, и всякая эпоха в нем при деле. Чувство это ныне невольное бездеятельному, лишенному работы русскому человеку так отвычно, что на минуту забываешь о древности, восхищаясь горячей силой жизни и торопя время, когда эта жизнь наполнит и города твоего Отечества.

Урожай забвения

Перед новой поездкой взглянешь на карту Малой Азии времен ее римской славы и улыбнешься похожести имперских повадок. Вспомните недавнюю нашу карту: Ленинград, Сталинград, Ворошиловград, Свердловск, Брежнев – великая идея, как враждебная ей монархия, торопилась прописаться в вечности. Вот и тут Траянополь, Тибериополь, Клавдиополь, Помейополь, большие и малые Кесарии и Неокесарии, которым не хватало имен собственных. Нам предстоял путь в Диокесарию, ставшую поселком Узунджабурч. Опять автобус карабкался вверх, на этот раз пустынной и бедной землей, хотя вчерашняя дорога от нынешней была не более чем километрах в тридцати. Деревни были нищими даже на взгляд. Каждый клочок земли приходилось вырывать у камня. Да и землей это назвать было нельзя – просто мелкие красные камешки были окружены крупными, и это были огород и ограда. Участки немногим превосходили одеяла, но я еще в прошлом году был потрясен в Селевкии-Пиерии, как пшеница росла из голого камня, и была сильна и вполне по русской присказке «колосиста-ядрениста – зерно в ведро, колос в бревно». Так что и тут воевать, вероятно, стоило, и эта красная «арена» вознаграждала Адама за волю и любовь. Копшились куры, взлаивали безродные собачонки, нет-нет краснел или жался к дому малый виноградник. Одни вездесущие козы с ушами спаниелей, ухватив «руками» кусты, рвали даже на взгляд колючие листья. Попалась у одного из домов и корова, но показалась так неуместна среди камня, где травинки не сыщешь, что поневоле подумалось: не примерещилась ли затосковавшему деревенскому сердцу. Но мелькающие на улицах женщины в своих необъятных шароварах были спокойны и не видели бедности, уверенные в справедливости Аллаха, определившего им это место. Эти шаровары и низко повязанные платки делали их одинаково коренастыми и некрасивыми, и поневоле думалось, куда деваются стройные пэри, нет-нет мелькающие на городских, да и сельских улицах, о которых Соломон в «Песни Песней» с изумлением вопрошал: «Кто эта, блистающая как заря, прекрасная, как луна, светлая, как солнце».

Да ведь и у нас по деревням посмотреть: куда де-

ваются прелестные девочки, украшающие летние сельские улицы свежестью лиц, легконогой стремительностью, горячим нетерпением взгляда? Тяжелая жизнь скоро «вытирает» человеческое лицо и надсаживает тело. А здесь женщины еще и много рожают, и дети по деревням взлетают из-под автобуса как воробьи. А кончатся деревни, – пойдут сходиться к дороге надгробия киликийской древности, фрагменты порталов, упругие дуги высоких арок, абсиды затонувших в пучине времен храмов. Спросишь гида, что за развалины, а он только рукой махнет: здесь этого добра на столетия. И это почему-то опечалит. Подлинно, Либатина – древнеримская богиня смерти и погребения – собирала здесь пышный урожай.

Мы так много говорим о культуре, насоздавали в мире море защитных организаций, убеждающих человека, что чужой культуры не бывает, что вся она – дитя благодарности Богу, каменная, словесная, живописная молитва и славословие. А вот уходят в землю километры великих развалин, затягивается пылью и травой история хеттской, персидской, эллинской, римской цивилизаций, и некому не то, что прочитать, а хоть смахнуть пыль с этой «книги» и до времени поставить ее «на полку». Человечество все не осознает себя семьей, где каждый ребенок свой. А осознано бы, так, верно, побудило бы Турцию не к созданию военных баз, не к погоне за тяжелым вооружением и ухватистым рынком на полсвета, а накормило, одело и даже вооружило бы ее, только бы она вернула миру принадлежащие ему сокровища трех цивилизаций. А то вот взять-то она на исторических дорогах взяла а освоить богатства не в силах. Рук и памяти не хватает.

Страна пятисот великих городов, как ее звали в древности, стала бы археологической державой, стягивающей лучшие мировые силы и на них строящей свою экономику. И державой паломнической. Культура умирает от невнимания к ней больше, чем от прямым уничтожения. Археология в союзе с паломничеством способствовала бы вызволению памяти и красоты из стремящегося поглотить эту культуру забвения. А с красотой – вызволению и очищению начал веры, строившей и возвышающей человечество, ибо и вера, как старые камни, осыпаясь, оставляет на месте целого все больше зияний, которые затягиваются суевериями и новыми ересями.

...Руины выветривались, становились неотличимыми от мертвого камня, возвращались в плоть земли, как возвращается в нее человек. Прекрасные «декорации» скал и страшных каньонов делали эту смерть величавой, так что мы даже пропустили то мгновение, когда в эту оперную вечность старой земли вошли издали торжественные и мрачные силуэты эллинского храма Зевса и мощной римской башни. По дороге к этой башне проскочили мимо «правления» (более высокие определения к этой местной администрации не подходили), где сидели на ступеньках и за столами, играя в карты и попивая чай, как у нас где-нибудь в Дербенте на городском годекане, вероятно, все мужчины поселка. Перед «правлением» теснился небольшой сад скульптуры, свезенной с окрестностей. Она стояла на земле и казалась слишком нагой и не очень уместной в чужой среде. Нас дружно проводили взглядами и потянулись за нами к старому римскому театру, понемногу растаскиваемому на ограды виноградников, на сараи и хлевы. И пока

мы рассаживались для общей фотографии, встали на верхних ступенях, по-детски радуясь новым людям и дивясь неслышанной тут русской речи.

Была поздняя осень. И это опять были скоро выстывающие горы. Мы, верно, казались им легкомысленными в своих беспечных и неподходящих одеждах, и они дружно манили нас стаканами с чаем. А дети, как все деревенские дети, глядели прямо и самозабвенно, боясь пропустить каждое движение. Ограды садов были составлены из роскошных баз и капителей колонн, из фриз и архитравов, поставленных, как хватило сил, и затянутых сорной травой и кустарником. Виноград норовил обвить латынь и узорочье камня и одухотворить это домашнее варварство. А все-таки на сердце было тяжело от этой душевной простоты обращения с великой историей.

Прекрасная арка с роскошными колоннами времен Веспасиана, переименовавшего эллинскую Олбу в римскую Диокесарию, перегораживала улицу, обнимая уходящую вдаль сельскую дорогу, чье-то бедное жилище, сложенное с барачной жалкостью из камня все того же униженного римского театра, молодую мечеть и холодную синеву неба. На карнизах еще были видны свирепые, но уже никого не пугавшие львы. Постаменты на колоннах для статуй императоров и героев были пусты – мраморные «останки» героев, видно, и делили в саду при «правлении» долгие мужские разговоры. Еще хороша была арка северных ворот города, но стоящий рядом ржавый разбитый «форд» 30-х годов, пестрое бедное белье на длинных веревках и внутренности нищей жизни соседних домов уже заслоняли ее красоту. Как и красоту чудесных пропорций эллинского храма Тихе – упрямой богини случайности, которая явилась в греческой мифологии, чтобы поколебать неуклонность и неотменимость судьбы. Воспетая Гомером, Архилохом и Пиндаром, отсылающих ее в соответствии с именем к разным родителям от Посейдона до Зевса, она была символом переменчивости мира, и уж тут, в этом позабывшем себя веспасиановом городе, была как нельзя более кстати, каждым камнем подтверждая женскую неустойчивость истории. Садящееся солнце короткого дня пыталось скрасить ее разрушение и вызвать в памяти благородные колоннады таких же древних, но более сохранных городов Сиде и Перге, но обступающая бедность не давала воображению обмануть себя.

И только могучая колоннада храма Зевса (по утверждению путеводителей, самого старого в Малой Азии – 2 век до н.э.) по-прежнему не сдавалась суете мира и была подлинно Зевсова – божественна, неодолима. Колонны уже были обезглавлены, словно срезанный страшной грозой лес. Капители валялись внизу с превосходно не вырезанными даже, а словно извлеченными из камня силой умного ветра головами тигров, овнов, тавров как и фрагменты фриз с чудесными женскими и в обезглавленности прекрасными фигурами а низкое солнце грело их и делало совершенно живыми. Человеку с воображением хорошего историка легко было представить их, как в обратной съемке, возвращенными на места, и восхититься силой и величием мастера или мастеров, одухотворивших камень. Но и нам было хорошо слушать немую двухтысячелетнюю речь, оглаживая пальцами

темную поверхность, и в осязании чувствуя напряжения их ртов, выразительность глаз, легкие складки туника и изящные пальцы не касающихся камня ног. А когда двор потемнел из-за того, что солнце склонилось к самому горизонту, выступила эта самая тяжкая когорта зевсовых колонн. Шаг их был так страшен, что уже слышен был не Рим, не Эллада, а какая-то египетская даль и величие. Небо, исчерченное натовскими или турецкими реактивными самолетами, казалось шелково-легким рядом с этим властительным маршем. И особенно видна была тщетность христианского усилия приручить этот храм, заставить его услышать тихое Христово слово. Абсида, пристроенная в свой час к этому чуждому телу молодым христианством, глядела чужой неуверенной и напрасной – тут жил ритм иных небес, иного понимания Бога.

Пора было уезжать. И я все оборачивался, оборачивался на этот черный лес словно обугленных безглавых стволов на фоне горячего неба и понимал восхищение Момзена (да и не его одного – но и Флавия, Тацита, Гиббона) Римом, умевшим поглотить чужое величие своим и устоять посреди всех неслышанных бедствий и войн во всевластной неизменности и по-прежнему потрясающей силе. И понимал его печаль и невольное чувство стыда, потому что эту силу в глубине сердца уже не жаль.

Храм на глазах обращался в величавое и мрачное надгробие самому себе, такое же опустелое, как несчетные некрополи этой страны, тщетно охраняемые каменными привратниками. Время медленно теряет реальность, история становится мифологией и потрясает в камнях, как нечаянно сбывшийся сон. Впрочем, что сетовать по поводу этого бедного угла Малой Азии, когда еще в 15 веке, итальянский ученый Поджио, оглядывая Рим, РИМ (!) писал: «Путь, по которому шли победители, зарос виноградниками, там, где прежде стояли скамьи сенаторов, лежат кучи навоза...Форум, на котором римский народ собирался для того, чтобы издавать свои законы, частью обнесен загородкой для разведения овощей, частью служил пастбищем для свиней...».

И делается понятно, почему так отчужденно воспринимается здешняя нынешняя жизнь с ее мужчинами у «правления», хлевами из храмовых камней и внимательными детьми. Она не может совладать с соседством слишком реальной мифологии и сама на фоне ее теряет реальность и делается поверхностной и ненадежной. Человек рядом с немым «эдиповым хором», если он не прививается к нему и не включает его в порядок жизни, не выдерживает соседства и становится случайным и неуместным, занявшим чужое историческое жилище, которым не умеют распорядиться. Это говорится не в обиду человеку и стране, а только в напоминание, что история слишком тверда в своих законах и слишком жива, чтобы постоять за себя перед человеком. Ты можешь не видеть ее, но она видит тебя и указывает тебе подобающее, достойное твоего духовного роста место, и рано или поздно будит для правильного миропонимания. Изюм всех сил хотелось, чтобы великие камни Диокесарии достояли до этого миропонимания, не растворившись без следа в цепкой, но без чувства истории, случайной и напрасной перед Богом и людьми жизни.

По первому слову

А нас ждала великая святыня – церковь первомученицы Феклы. Жизнь ее, до того как стать житием, была высока с небесной точки зрения и страшна с человеческой. Кажется, именно на ней – молодой девушке, прекрасной лицом и душой – испытывал Рим казни, которыми будет подвергать христиан в последующие времена. Не могу не процитировать, к месту, одно из примечаний Э. Гиббона, чтобы разделить с читателями изумление тем, как могут употребляться человеческие слова: «Среди лионских мучеников раба Бландина была отличена самыми изысканными истязаниями» – так понимает изысканность мир, называющий себя христианским.

Фекла ушла за Христом накануне свадьбы по первому, проникшему в сердце слову. Когда мы говорим о благодати и даре, то из прагматического времени уже и их понимаем следствием труда и вознаграждения. А нужна только открытая, готовая душа, чтобы Слово вошло, не оцарапываясь о своеволие или житейскую рассудительность, которые умеют охладить и самое горячее сердце.

Она услышала в Иконии апостола Павла. Подозреваемое в сочиненности житие простодушно говорит, что услышала случайно, через открытое окно, даже скорее невольно подслушала чужой разговор, но, закрыв окно, была уже только невестой Христовой – прообразом великого женского монашества. Но вот это и означает, что «пути Господни неисповедимы». Когда сердце готово, оно услышит весть и в дыхании ветра. И с той поры, что бы ни делали жених, мать, властители Иконии и Антиохии, куда она ушла следом за апостолом Павлом, ее нельзя было остановить. Костры, на которые она восходила, гасли от внезапного ливня, голодные звери опускали головы перед ее наготой, являя пример целомудрия бесстыдству римской черни, пришедшей поглазеть на чужое страдание. Змеи, к которым ее бросали, забывали смертельное жало, а разъяренные быки вместо того, чтобы разорвать ее, рвали связывающие ее веревки. Она старалась разделить миссионерские труды Павла, но он знал, что у всякого разные пути свидетельства и борьбы за Господне слово, и оставил ей труд молитвы. Вот тогда она и нашла эту пещеру близ Селевкии и стала служить людям богомыслием и любовью, спасая несчастных, исцеляя больных и тем лишая заработка «профессионалов» от заговоров и волхования. Так что и они, в конце концов, стали умышлять на нее вполне человеческое и в человечестве бесстыдное зло, и Господь принял ее в расступившуюся гору на глазах потрясенных преследователей.

Константин Великий в знак благодарности святой и в ее имени подвигу многих мучеников христианства через три столетия воздвигнет над пещерою царственный храм, в котором позднее молился, поклоняясь памяти св. Феклы, один из великих отцов церкви – св. Григорий Богослов. Он тоже уходил от мирской, а там и церковной славы, ища пустыни и подкрепляясь великим примером первомученицы.

Теперь этого верхнего храма нет. Только остаток циклопической абсиды сопротивляется смерти, высясь над сбегавшей к Селевкии долиной. Дождик делает руину особенно мрачной, потерявший последние признаки благородного происхождения. Но нижний пещерный храм, в котором молилась

св. Фекла, опять восхищает живой древностью и простотой. Очевидно, пещеру крепили в пору строительства верхнего храма, чтобы она могла удержать на себе великолепный Константинов корабль, – ставили умные, не нарушающие живого пространства пещеры, колонны, поддерживали своды. И вот там наверху один ветер в мокрых камнях и забывшее себя безличное время, а тут внизу горячее чувство подлинности и еще не истаявшей в воздухе молитвы, которую мы подхватываем с неожиданно сильным чувством радости и поддержки. Сколько раз русский прихожанин, даже недавнего воцерковления, поет за священником в молебне «Царю небесный» и как привыкает! Порой и не слышит. Поет, а мысль далеко. А тут будто поет с тобой некто, знающий небесного царя прямее и лучше тебя, и пробуждает и в тебе чувство подлинности и живого волнения. Не смеешь думать, что это сама св. Фекла или Григорий Богослов, но уж точно их со-молитвенники, чей безмолвный хор все держит этот малый храм. И я по себе, по отцу Виталию, по тесно стоящим в мокрой духоте учителям (то ли от дождя наверху, то ли от нашего многолюдья – душно) вижу, что тут нет никакой экзальтации, а именно неслышная, но явственная, узнаваемая сердцем радость и подлинность.

Паломники унесут по только что освященному образу Феклы, и храм опустеет. Останешься на минуту один, выключишь свет, оставив одну свечу, чтобы не потеряться во тьме, и вздрогнешь – значит, вот где она слепа телесным зрением и все ярче видела духом! Тишина так плотна, что раздвинуть ее можно только Господним словом. Тьма уничтожает пространство, и пещера словно проваливается в бесконечную ночь. Время, только что летевшее, разом останавливается, и ты чувствуешь испуганным, не вооруженным крепким духовным опытом сердцем пугающее прикосновение слова «вечность». А ее это слово держало и давало силы переносить преследования при Тиберии и Калигуле, Клавдии и Нероне, Веспасиане и Домициане. Императоры могли быть жесточе или равнодушнее и христианству, а она горела ровной свечой, подтверждая, что со Христом человек живет в другом времени, где кесарево остается кесарю, а Богово сияет у Бога непреходящей юностью. И, как Павел в Тарсе спокойно переживает Цезарей и Антониев, так его ученица проходит сквозь историю, оставаясь молодым примером и для святых Варвары и Параскевы Пятницы, для святых Татьяны и Екатерины, а через них – золотым образом для девушек святой Руси.

Серенький карандашный дождь все затушевывал дальнюю Селевкию, морской порт, откуда уходил на Кипр Павел, величавую крепость на горе, бедные селенья, но что-то в нем неуловимо переменилось. Он наполнился тишиной и светлой печалью, которая так и осталась теперь при воспоминании о поездке, словно этот тихий дождь шел в душе, не переставая, чтобы наша душа дольше была собранной и покойной перед прощанием.

В последний день дорога разворачивалась вспять. И снова были Корикос, Мерсин, Адана, чтобы можно было пролистнуть дни обратно и получше понять, чем стали эти места для нашего сердца. Дорога жадно торопилась показать новому взгляду свои затягиваемые пылью времени сокровища. Отпылал семисвечник Корикоса, напомнив о крепости еврей-

ских общин Киликии. Вставали на этой земле молодые кресты. Но приходили январские календы и, по слову епископа Северина, уже в четвертом веке, после как будто окончательного торжества Константина «опять выступала вся галерея идолов и святотатцев древних времен, и опять приносилась в жертву христианская новизна».

И наша старая, казавшаяся нам усталой, а советскому человеку – архаической и чуть не мертвой – вера обнаруживала свои горячие истоки и загоралась в сердце молодостью и силой. Мы узнавали ее в непривычных, оставленных ею по дороге в Россию тогах статуях и понимали ироническую сентенцию И. Бродского, что «нет большего противоречия, чем торжествующая церковь». Здесь, на камнях, омытых кровью несчетных мучеников, лучше слышно, как мы далеко от неустранимости древних. Мы нажили слишком много расслабляющих комплексов, чтобы помнить, что свободная душа предполагает готовность к страданию, мужество и ясность сердца.

Оставались позади римские дороги, колодец апостола Павла и тень несчастливца Барбароссы, не знавшего, что климат Селевкии отличается от климата Германии и что горные реки в июне холоднее и жесточе равнинных. Отходили в прошлое Зевсы Диокесарии и апостольские храмы Алахана и Неополиса.

Но по опыту прежних поездок душа уже знала, что настоящее осмысление увиденного начнется потом, в самые неожиданные минуты, когда «приключение» казалось давно изжито и заслонено другими впечатлениями. Понемногу проступит и станет навсегда ясно, что каждое слово молитвы – своей ли, чужой, храмовой или домашней – будет полниться жизнью и памятью о трудном рождении Слова, о его великом детстве, которое странным образом хранит в себе вечность. И будет опять ясно, что Церковь – это не прошедшее, а всегда матерински ожидающее человека будущее. И что позади у нас не лета жизни, а вековая история, каждое событие которой направлено к тому, чтобы сложить именно нашу единственно бессмертную жизнь.

Возвращение Чудотворца

Вот и в третий приезд мы добирались из Стамбула до Мир Ликийских через всю Турцию, и, зная историю родной Церкви и географию чужой страны получше, мы не устали бы так за 16 часов автобусного пути.

Это потом, когда уже вернемся домой, уткнемся в книги и старые карты, мы узнаем, что мы миновали, иногда проезжая прямо посередине города Халкидон с его памятью о 4-м Вселенском Соборе, который разделил христианство на две первые, до сих пор противостоящие друг другу ветви. А за ним – Никомидию с двадцатью тысячами мучеников при Диоклетиане, город юности Константина Великого, где император крестился на смертном одре (мечтал креститься в Иордане и вот не успел).

Города эти давно живут с другими именами и гордятся другими святынями, но старые-то карты в историях Моммзена и Гибона еще напоминают, что было чем гордиться в дни греческой и римской славы. Это уж мы народ такой порывистый – хочется увидеть скорее, чем узнать.

Да, признаться, и на хозяев страны надеялись, что они, взявшись за туризм, создав Фонд Санта-Клауса, знают своих «кормильцев» получше. Но было в этом и то простое, но здоровое преимущество, что знание не гнало нас искать материального подтверждения в камнях и проверять «показания» источников, позволяя вере встать во всей простоте и любви. И, слава Богу, нам было дано увидеть, как ярко еще горит звезда Византии в нашем сознании и на русском небе. Вероятно, яснее, чем над самой своей бывшей Родиной. Это чувствовали уже славянофилы.

Это знали Данилевский и Леонтьев.

Об этом русские люди думали в первую мировую, когда Греция горела святым национальным огнем, вырываясь из оттоманских пределов, когда Сербия вспоминала свои византийские корни и искала возвращения своих древних святынь, а русские юноши вроде тонкого символиста Бориса Садовского, мечтали о «всеславянской империи Александра Сербского со столицей Царьградом».

Это давнее пламя теперь перегорело, но свет праротеческой небесной Византии все долетает до нас. Так бывает, когда звезда умирает и ее уже нет, но свет все пробивается сквозь время, все живит сердца тех, кто не потерял духовного зрения, и кажется жив и прекрасен.

Да и не кажется, а подлинно жив и крепит нашу Церковь.

До успения Святителя было еще два дня. И я тропился перечитать старый дневник и вспомнить первую поездку.

...Дорога играла в прятки с морем, убегая и возвращаясь к нему. Тавры сияли белизной вершин. Апельсиновые рощи Финикии сияли золотом плодов, несметных, как желтые одуванчики молодой русской весны.

Не потому ли, что эта всегда цветущая земля не знает смены времен года, наших снегов и зябких синих осенних вод и не замечает, как летит время и уходит жизнь. Или эта неторопливость только мнилась нам, потому что сердце-то все-таки летело и летело в Миры.

Пятидесяти метров прямой дороги было не сыскать. Она лепилась к скалам и висела над морем, огибая несчетные бухты, сияющие нежным акваарином, – прозрачные, уютные, манящие, безлюдные. Ниже нас ясно читалась в береговых скалах каменная тропа, выбитая за столетия пастухами и апостолами, помнившая, очевидно, и твердый шаг Святителя, торопившегося утешить страждущего, ободрить невзванного, удерживать неправого.

Миры выглядывали с каждым поворотом все ближе и наконец раскатились в малой долине.

Собор таился рядом с центром, с живой торговлей, но увидеть его без вожатого было невозможно.

За полторы тысячи лет паломники наносили на своих греческих сандалиях, римских башмаках, турецких туфлях и русских сапогах столько земли, что в союзе с илистой рекой Мирос почти засыпали древний храм. Теперь к нему надо было спускаться на несколько метров. А когда немного оглядишься и обойдешь храм со стороны бедного, примыкающего к нему базара, увидишь, что стоишь на уровне его кровли. Храм необычайно сложен – столетия любят делать свои архитектурные примечания и дополне-

ния на полях основного «текста». Сейчас уже не найдешь ясных границ того древнего храма Святого Сиона, в который Святитель вошел молодым человеком, надеясь провести жизнь в монашеском уединении, и в который спустя годы вошел епископом, чтобы прославиться и оставить храму уже свое имя.

Храм св. Николая в Мирах

Века здесь обнимаются друг с другом в служении единому Богу и постепенно делаются одним телом. Во всяком случае, для верующего человека, которому неведомы, да в сущности и не очень важны тонкости археологии, ибо в вечности, чьим сыном является человек, нет времени и тщеславия столетий. Довольно поглядеть даже и сегодняшний китайский, еврейский, мусульманский и европейский календари, чтобы убедиться, что мы живем в разных столетиях.

Да и знали бы мы тонкости-то, так все равно забыли – так остро было чувство нетерпения, неверия (неужели мы в Мирах?), так жадно желание обежать поскорее все, обнять, «присвоить», пасть лицом на эти святые плиты (благо никого не было – сказывались будни и окончание сезона), помолиться первыми сбивчивыми словами за Родину свою несчастную, за близких, за счастье видеть эти дорогие камни. А уж потом открывать, не торопясь, и хоры, где по римской традиции стояли в базиликах женщины (эти вторые этажи звались «геникеи»), и скрытую галерею под амфитеатром горнего места, и сам этот амфитеатр, смущающий неуместной мыслью, что верховные «зрители» за каждой литургией глядели с высоты на бескровную жертву, как некогда их языческие предшественники глядели с таких же высоких скамей римских театров на жертву кровавую, на скармливаемых диким зверям исповедников Христова имени.

Неожиданно смутиться, увидев на Престоле предупреждающую надпись по-английски и по-русски, что это место святое и на него нельзя ставить сумки, садиться и становиться ногами. Значит, сядишь и ставишь не турки, а мы – образованные европейцы христианской традиции.

Поневеле отведешь глаза и кинешься искать спасение во фресках. И как они еще хороши! И что за лики! И тоже все смешано временем и живой церковной историей – где доиконоборческие, а где уж после, где IV–V веков, а где XII–XIII. Время, забвение, стихии, казалось, должны были все извести. А вот

нет. Постирались Джоханнес, Джезус и Мерид (как зовут турецкие путеводители Иоанна Предтечу, Деву Марию и Спасителя), но все горят так ясно узнаваемые Иоанн Златоуст и Никола. И сколько неведомых старцев и юношей, пророков и мучеников, чьи имена унесены дождями и зноем, но чьи глаза ясны и спокойны, лики тверды и прекрасны и доносят до нас свидетельство молодой веры, которая своей прямо-той и силой складывала такие возвышенные черты, такие небесные лики. По ним одним можно увидеть, как мы ослабли духом и как засорили Господни посевы, затмили в себе Трисиятельный Свет Невечерний.

А зажжет оператор лампочку на камере во тьме левого придела, и ты увидишь в парусе свода такую прекрасную Евхаристию, что тотчас вспомнишь и лучшие родные русские Евхаристии Новгорода и Пскова. Здесь их первообраз. Фрески тоже недавно поновлены хорошими мастерами Каппадокии, но легучий рисунок одежд, но дивный ритм неостановимого движения – все тот. Апостолы идут слева и справа от входа, так что ты тотчас чувствуешь себя последним в череде этой «Поздней вечери» (как зовет фреску здешний путеводитель) и волен идти вправо, чтобы причаститься с Петром тела Христова, или влево, чтобы принять с Павлом кровь Христову.

Фигуры рядом с тобой склонены и печальны, но, приближаясь к Спасителю, словно выпрямляются и светают от Его света.

Как же, верно, прекрасен был прежде храм в ликовании таких фресок, обнимающих все стены! Но и сейчас открытый в небеса, трудно читаемый в плане, осыпающийся, в сваленных, как строевой лес, колоннах, теплый от золотого здешнего камня, прохладный от мрамора, он ненагляден.

И мы кружим, смотрим, снимаем, читаем, заговариваем себя, чтобы не выговорить главного, не устремиться тотчас к сердцу храма, приготовить душу и только тогда спросить о гробнице Святителя. И подойти уже по одному.

Гробница пуста. Тяжкий пролом, описанный Муравьевым, напоминает рассказ о барийских купцах, которые в 1087 году торопились вывезти мощи от возможного поругания наступающих сарацин (во всяком случае они предлагали эту мотивировку), и о «смелом юноше Матфие», который, преодолев робость перед священной гробницей, разбил ее, чтобы извлечь мощи.

В подробностях эту историю пересказывать трудно. Она мало героична. Монахов, охраняющих мощи, сначала хотят подкупить, а когда те бросаются в город просить о защите и помощи, связывают. Часть мощей теряют, и теперь эти святые косточки экспонируются в Анталийском музее, и им можно поклониться.

И я уже не знаю, одна ли научная добросовестность побуждает авторов нового турецкого путеводителя подвергать сомнению и саму гробницу, которой кланялись и к которой тянулись православные греки и русские не одно столетие, предполагая, что, скорее всего, мощи находились в другом саркофаге, который стоит чрез две стены от первого в юго-западном приделе. Смущенный ум теряется между двумя святынями, а душа, которая могла бы указать подлинную гробницу вернее всяких путеводителей, давно утратила чувствительность, ведомую прежним молитвен-

никам. Мы склоняемся перед обеими, утешая себя тем, что в этих святых стенах так или иначе не мог покоиться случайный для христианства человек.

Отец Валентин просит у местных властей разрешения помолиться в храме ночью без любопытствующих туристов и получает на это разрешение.

Было в этой ночной молитве что-то древнее, естественное, напоминающее о первохристианских временах и молитвах первых общин «идеже прилучится». Между русским батюшкой и греками без всяких усилий и разговоров сразу установилась явственная связь, приносимая совместной молитвой.

Так что когда наутро 6 декабря мы снова приехали в Миры и увидели готовый к службе собор, священство в простых и нарядных белых ризах, вчерашнего вечернего Николу на аналое и теснящуюся к алтарю греческую общину, мы уже чувствовали себя «дома», и литургия на языке евангельского оригинала и древнее, с тенью гортанного Востока пение открывали наше сердце как в родной церкви.

Не мешало даже безумие телевизионщиков и фоторепортеров, которые (благо алтарь без ограждения) теснились к самому Престолу и на пресуществлении Даров готовы были залезть под «воздух» и подглядеть саму тайну пресуществления. Стало понятно предупреждение, виденное накануне, – не садиться и не становиться ногами на Престол – этим дай волю, они ради эффектной «точки» и Чашу столкнут, и епископа на горнем месте потеснят.

Отец Валентин мучился без облачения, не зная, возможно ли ему сослужить грекам, но скоро, согретый душой, молился, забыв о бессонной ночи, проведенной в храме, в свете и радости. А я, как дитя неразумное, испросив его благословения, дерзнул причаститься, потому что не мог уйти из этого великого храма, из-под Никольского небесного покровительства, вечного его здешнего епископства, не приобщившись Тайн с пронзительным чувством присутствия Святителя.

Священник с совершенно русским прекрасным лицом, с русской бородою лопатой и небесными глазами наших батюшек, отец Мелетиос, переспросив имя, радостно причастил меня и сказал по-русски: «С праздником!». И видно было, как хотел бы сказать и еще что-то, да не знал, как и я не знал по-гречески, чтобы потом высказать ему всю полноту благодарности. И во всю службу, до молебна у гробницы Святителя, молились около нее люди, теплили свои свечи и на саркофаге, и внутри него. Больше, конечно, как всегда, женщины. Поддержаннее наших – ни слез, ни коленопреклонений: подойдут, коснутся ладонью саркофага, прошепчут заветное и отойдут, уступая другим. Стоят в сторонке, читают акафисты, а то Никольские образки (бумажные, бедные) приложат и унесут или оставят в гробнице. Не кончаются на земле печали, не молкнут горячие молитвы, и Святитель полторы тысячи лет врачует и слушает, хлопочет и исцеляет.

...И теперь он уже так и будет сопровождать нас во всю поездку в утренних молитвах, в разговорах, в неожиданных окликах, которые могли бы вызвать улыбку, когда бы не были так пронзительны. На машине нашей, взятой у турецкого фонда, будет нарисован Санта-Клаус, которого теперь вслед за Штатами и Европой с легкой руки Хаддона Сандлума, путившего

в 1931 году Санта-Клауса на рекламу «Кока-колы», послушно расселили по рекламным щитам России и мы.

Отличие было только то, что на груди нашего Санта-Клауса была нарисована епископская панагия с вполне родным образом Святителя с «малым числом кудерец». Бедные устроители Фонда хотели согласить два эти образа, а добились только того, что побеждал неизменно не Санта-Клаус, и не святой Николай, и не Баба Ноель, как зовут Николая Чудотворца в Турции, а Дед Мороз, и, конечно, этот Дед Мороз был русским...

...Мы еще и думать не думали о памятнике, а разве о том, как вновь привиться к византийской лозе Николая Чудотворца, призвать его в переломный наш час в научение любви и твердости веры, которых нам так недостает (на словах-то этой веры, может, и больше, чем прежде, да молчаливой-то простоты сердца где взять?). Но, видно, на глубине узелок завязался, и мы эту землю в душе держали крепче, чем нам самим казалось в те нетерпеливые дни. Скоро этот росток должен был проклонуться...

...Борьба церковей за покровительство Святителя все длится. Я не спрашивал, но уверен, что католики здесь уже служили, как служили и служат они в Эфесе, в храме Девы Марии, и в Антиохии, в храме апостола Петра.

И Святитель все меняет на иконах кардинальскую тиару на православную митру и посох епископа на Евангелие и меч, а апостолы Андрей и Петр, обнявшиеся на образах в константинопольских храмах, все не могут обняться ни в Риме, ни у нас, хотя они родные братья и Господь не зря позвал их обоих: «...идите за Мною, и Я сделаю вас ловцами человеков» (Мф. 4, 19), чтобы они теперь собрали в единство тысячу лет назад разошедшиеся братские церкви, которые они возглавляют. Вот и Святитель все делится церквями ревниво и осторожно, хотя тоже приходит во все страны не к одним детям и творит чудеса на воде и суше, не разбирая границ, чтобы мы вспомнили Миры поры нашего единства. И разбитая гробница все взывает к нам своей пустотой, все требует прозрения души, все смотрит в сердце с явным вопросом, ответ на который только в преображении себя и в очищении нашей замутненной политикой и историей, слишком умной и слишком расчетливой и слишком паспортно прописанной веры. Христианство вообще есть непрерывное движение, становление, диалог с недремлющей философией, а не самодовольство готовых ответов, иначе из веры сильных оно становится религией немощных.

Именно в этот третий, на этот раз майский приезд руководитель нашей экспедиции Б.И. Царев предложил Фонду Санта-Клауса установить в Мирах через полгода, а именно 6 декабря 2000 года, на стыке тысячелетий и в день памяти Святителя по старому стилю новый памятник – Николаю Чудотворцу, победителю народов, небесному заступнику России.

И это решение было именно знаком преобразования сердца, порывом веры, которая не задумывалась о богословии и конфессиональных расхождениях, а искала поступка любви.

Обе стороны не думали о церкви, о том, решится ли православная сторона поставить памятник Святителю в мусульманской стране и решится ли мусуль-

манская этот памятник принять, потому что политологи все чаще цитируют Хасана Джаляля Гюзеля, председателя партии Возрождения, что XXI век будет «тюркским веком», лидера партии «Рефах» Неджметтина Эрбакана, что пришла пора «тюркско-исламского синтеза», и многих других турецких политиков. И все как будто против нашего дела.

Было отчетливо видно, что все поступало в волю Святителя.

И уже все лето 2000 года только и было разговора о том, кто будет эту работу делать, как поглядят на светскую инициативу официальные лица церкви. Покойный митрополит Питирим, посетив мастерскую скульптора Григория Потоцкого, работавшего над образом, одобрил и благословил бронзовый образ Святителя, но попросил на него не ссылаться.

Наконец глубокой осенью скульптура была отлита. Для отправки монумента в Анталию уже был готов ящик-саркофаг, перегородивший мастерскую. И написан адрес, когда Фонд «Синергия» устроил представление собирающегося в дорогу памятника. Днем его освятил духовник русской армии, прошедший первую чеченскую войну с наперсным крестом на георгиевской ленте и автоматом, знавший плен и страдание игумен Киприан, которого и теперь еще товарищи по боям зовут Пересветом. А вечером сошлись друзья Фонда и галереи, знатоки истории культуры Малой Азии и Византии, писатели и журналисты. Московскую патриархию, Отдел внешних сношений представлял отец Дионисий Поздняев, направленный с нашей делегацией в Турцию по благословению Святейшего Патриарха.

Никола стоял на низком постаменте на полу чуть повыше нас и был спокоен и внимателен, благословляя нас и поднимая вместо Евангелия Владимирскую икону Божьей Матери как знак России и знак любви и мира. Это было немного своевольно, но духовно верно. В крестчатой фелони, которые так любят на святителях древние иконописцы, с простым, без «тонкого шитья» омофором, он был беден и в этой бедности близок и понятен. Кажется, его приняли все.

Через несколько дней – пораньше нас, Святитель отправлялся в Миры, и дорога его была легка, несмотря на таможни, тяжесть груза, «цветной металл». Казалось, все службы спешили навстречу, под благословляющую руку Чудотворца, и это было очередным «обыкновенным чудом» Мирликийского архиепископа и русского заступника. Скульптор отправлялся вместе с работой – предстояла разработка постамента, подготовка монтажа, планировка площади.

Мы – несколькими днями позже.

С нами ехали дети Московского Южного образовательного округа, чтобы выступить среди других детей на международных Никольских торжествах уходящего тысячелетия. На этот раз мы не без основания надеялись, что они будут подлинно Никольскими и дети соберутся не к одному Санта-Клаусу.

...вот тут-то нам и выпала дорога мимо Халкидона и Никомидии... Дети ликовали, торопились перепеть

Памятник
св. Николаю Чудотворцу

весь репертуар, все старые и нынешние русские песни, и их нельзя было наслушаться и нельзя было надивиться в обычных московских девочках чудной точности этого пения, ноте страдания и удали.

А утром мы, конечно, спешили в Миры – что там? Не поставили ли без нас?

...У храма кипела работа, мостились пешеходная зона, сажались цветы. Постамент под Николу уже плыл тяжелым трехпалубным кораблем и ожидал «капитана». Прошли с батюшкой, с прежним близким отцом Валентином, в храм. Пол вымыт. Свежо, чисто, тихо. Хорошо было помолчать о своем, постоять на коленях в молитве о дне и доме, о совершающемся деле, о нашем общем взраумлении. И опять, не заслу-

ненные толпой, выступили со стен лики мучеников и святителей с вопрошающе ясным взглядом, как глядят из вечности. Юноши, средовеки, старцы вышли навстречу, чтобы побыть с тобой вместе.

А когда вышли на улицу, памятник уже подвезли. Святитель лежал в деревянном своем саркофаге, опутанный веревкой, и глядел в небо, пока турки заглядывали через край и рассматривали его. Скоро его начали поднимать. Батюшка слетал в машину и принес Евангелие, которое и положил между статуей и постаментом, в «духовное основание».

Кран подхватил и понес статую в небеса. И тут батюшка заметался: «Покропить-то!». Опустили. Опять к машине.

Я за ним. Он скорее на себя облачение, епитрахиль, я – воду с кропилом.

– Освящается монумент батюшки нашего Святителя Николая кроплением воды сия священной от истока Волги во имя Отца и Сына и Святаго Духа...

И опять Святитель в небеса, к уже темнеющему небу и простирающему месяцу. Батюшка осенил памятник крестом и запел величание.

Памятник, как и было задумано, начал медленно поворачиваться (надо было проверить механизм), освящая все стороны света, и батюшка пошел за ним, провожая его в это плавание тропарем и величанием. Слезы заторопились сами собой. И пока я обнимал скульптора, отца Валентина, Бориса Ивановича, надо было прятать глаза у них на плече, успевая отметить, что и они задерживались на твоём плече дольше простого знака.

Месяц засветил ярче, ревниво напоминая о вере страны, избравшей его своим символом. С ближнего минарета грянул призыв к последнему дневному намазу...

...И ночи как будто не было. Была мысль, как бы все обошлось. Утро сияло. Горы синели. «Море смеялось».

Опять их хотелось описывать. Опять казалось, что видишь впервые. И опять слово было бессильно.

Город уже был возбужден, праздничен. Флаги кипели. Святитель все в черном, но днем уже не так тревожен, как вчера, хотя в этой монашеской спеленутости все равно слышалось беспокойство. Греки уже служили утрению. Свечи пылали, ветви мирта

устилали пол. Владыка Хризостом, митрополит Мир Ликийских, на горнем месте, на верхней ступени амфитеатра, казался репетицией статуи. Канонарх пел со сладостной восточностью. Слепили белые ризы священства – летуче легкие, всех делавшие молодыми. Отец Валентин стоял в их очереди у жертвенника чуть смущенно, но твердо, а скоро уже гонял ретивых телевизионщиков, залезавших далее должного. Отец Дионисий слился с греками неразлично. Наш вчерашний «иконостас» был на месте. Хоругви, привезенные отцом Валентином, собирали алтарь воедино. Привезенные греками образа горели любимыми их карминами. Было немного восточно, шумно, текуче, улично, хотя никто особенно не ходил. Скоро, впрочем, я ушел в службу, в свою молитву. Свеча наплавала и горячо капала на пальцы, на минуту сбивая мысль... Хризостом вышел после Евангелия со словом о Николае, и можно было по частоте поминания слова «Николаос» догадаться, что он говорит о его нынешней борьбе в мире, и говорит с поэтической ритмичностью, нанизывая эпитеты.

К причастию, как водится, пришлось потолкаться – греки шли, как и наши бабушки, стеной, норовя все к Хризостому. В тесноте свет причастия скомкался, как часто бывает в праздничных службах. Батюшки раздавали артос, как у нас на Пасху.

Наши дети из ансамбля «Камертон» нежно и взволнованно запели «Единородный Сыне» и «Отче наш». Как всегда меняются дети в храме! Как проступает в их лицах и голосах то дорогое, что Христос звал постоянно помнить в себе – «аще не будете как дети». И как сразу стихает и все вокруг – туристы, зеваки. Греческое священство оставляет свои послеслужебные заботы и с любовью слушает, ловя в чужой мелодии молитвенное единство слова и смысла.

А улица уже кипит, микрофон считает потурецки, флаги плещут. Святитель уже переоделся в белое и летит в вышине ослепительным ангелом над площадью, флагами, греками, разгоревшейся торговлей.

...Я не буду описывать открытие. Оно неизбежно должно было быть трудно, потому что слишком различны были задачи участников события. Греки держались в стороне, потому что инициатива была московская, а отношения Патриархов Варфоломея и Алексия II напряжены из-за приходов Эстонии и Украины, устремившихся под омофор Константинополя. Фонд Санта-Клауса хотел, чтобы по возможности открытие не включало религиозной терминологии.

Мы должны были отстоять Святителя и в то же время не зайти дальше должного в отношениях с Фондом и греческой метрополией, на чьей канонической территории ставился памятник. А оттого, что это совершалось без официальных правительственных и церковных делегаций, все приобретало особенное напряжение. Может быть, со временем, когда мы поймем, что дело человечества – литургия, общее делание перед Богом, мы улыбнемся этим трудностям детской духом истории и вспомним все подробно без досады...

...Переводчица Фонда пошептала с демократическим ведущим в легкой рубашке и джинсах. Он опытно и осторожно взглянул из-под тонких очков на нашу делегацию, на хоругви, которые мы принес-

ли из храма, и праздник открылся.

Скульптор Григорий Потоцкий восславил Турцию и Россию, Миры и Москву, дело духовного образования и единства.

Отец Дионисий поблагодарил владыку Мир Ликийских от лица Московской Патриархии и напомнил, что Николай не зря по-гречески Николаос – победитель народов, что он за века христианской истории победил своим милосердием многие народы, и сейчас этим памятником опять напоминает им, что мир стоит любовью.

Я сказал, что по русским меркам совсем недалеко от Мир в Вифлееме 2000 лет назад родился Спаситель мира, научивший, что в Боге нет ни еврея, ни турка, ни русского, ни немца, а все мы братья и сестры и что вернее всего этот урок усвоил и передал Мирам и миру Святитель Николай, который ныне возвращается домой не Санта-Клаусом и Дедом Морозом, а тем, кем был и кем служил народам вернее всего – Николаем Чудотворцем. Руководитель Южного окружного управления образования Москвы тронула, наверное, каждое сердце, рассказав, что на этот памятник собирали деньги 15 тысяч московских школьных учителей, кому дорого дело любви и кто верит в высокую воспитательную роль милосердия.

И наконец, наконец...

Часы на городской площади Мир показывали, что до конца тысячелетия остается 25 дней 10 часов 54 минуты. Покрывало пошло, потекло белейшим млечным потоком. Казалось, оно было бесконечно и текло медленно, стремительно, долго и легко, струясь и низвергаясь. Сверкнул нимб, и Святитель медленно двинулся посолонь, как шли, бывало, крестные ходы, благословляя свой постаревший неузнаваемый храм, соседнюю мечеть, чьего назначения он не знал, новую площадь, все свои родные неузнаваемые Миры, корреспондентов, прохожих, губернаторов и детей, мусульман, православных и протестантов. Наш знакомый Мелетиос улыбался из толпы. Добрый болгарский пастор Илия, с которым мы познакомились накануне, подошел поблагодарить нас за памятник, за то, что возвысили посреди чужой веры, но тех же Господних людей, имя Иисусово, которое, кому надо, непременно услышит даже без перевода – самим сердцем. Лицо Илии светилось, ему было искренне хорошо...

...А у памятника снимался на память с нашим отцом Валентином константинопольский отец Мелетиос, и подтягивались понемногу другие греческие отцы, потому что политика была там, наверху, а здесь – Николай Чудотворец и общность Христова дела.

А потом наши дети пели для хозяев и гостей вместе с детьми Пакистана, Болгарии, Польши, Грузии, Турции в двухтысячелетнем театре города Миры, и неизбежный детский дух соревнования скоро вытеснялся духом радости и общего счастья. И на фотографии на память они уже слились в райский сад, где не было ни зла, ни недоверия, так что, когда пришел час расставания, на них уже больно было смотреть. Они обнимались и плакали так горько, словно это была их первая разлука и они теряли самых близких людей, припадая к стеклам автобуса, плакали недавно такие отчаянные в ликующих народных танцах турецкие ребята, как, обнявшись, поддерживали друг друга, спрятав лица на плечах друг у друга, болгар-

ские и наши девочки. Гремел барабан. Плакала зурна, дети не могли разнять рук. Святитель глядел сверху на светлое детское горе и благословлял каждого и всех. Это и было Господне «аще не будете как дети», которое все не может услышать мир, не умея учиться у этих вечных вестников бессмертия. А они слышали и понимали происшедшее глубже и искреннее нас. Мы убедились в этом, когда через два дня отдыха приехали с нашими детьми проститься с Николой.

Мы идем вокруг памятника бедным, но твердым крестным ходом – дети, учителя, наша группа, и под грянувший с минарета призыв к намазу возвышаем голоса в тропаре и величании, и два параллельных, не сходящихся призыва к единому Богу уходят в небеса Мир, чтобы разрешиться там неведомой нам до времени гармонией или диссонансом.

Потом батюшка раздает детям иконки, и дети выходят к Николе по одному и строго и чисто крестятся по получении дара, как присягают, и бережно целуют крест. Только две девочки делают это робко, и видно, что впервые. Батюшка бережно поправляет их, и дети волнуются за подружек и торопятся «подсказать». Подходят и учителя.

И нет ничего дороже такого совместного схождения у креста, ничего доверчивее и соединительнее.

Благословляет батюшка, благословляет Святитель, благословляют солнце и горы, день и небеса.

На минуту мелькает в этом что-то родное, старинно русское, как в воспоминании. От народных ли костюмов на девочках и мальчиках, от самих ли светлых лиц (отец Сергей Булгаков говорил, что девичьи лица красит Святой Дух), от радующегося ли батюшки. Что-то именно родное, никольское. И Николы самого русского – Угодника и Чудотворца. Отчего-то кажется, что дети запомнят это надолго. А кто-то, Бог даст, навсегда.

И вот теперь я думаю о случившемся как о чуде. Мы вышли в эту дорогу с истока Волги, а оказались у истока более древнего, у истока не церкви только, но самого человечества, ибо у одного из древних богословов справедливо сказано, что всякое существование и все безмерное движение жизни и любви обретает свой исток в Отце и только потом, проникаясь Духом Святым, становится лицом в Сыне. И настоящее богословие не в толковании учения, а в приведении к этому великому истоку жизнью и милостью, что, как никто, умел делать Святитель Николай.

Он, как Иаков в романе Т. Манна «Иосиф и его братья», служил Богу, далекому от покоя и житейских удобств, Богу помыслов о грядущем, и потому сам находился в непрестанном движении, чтобы успеть туда, где человек устал и ничего не может без Бога, но в отчаянии забывает о Нем.

Оказалось, что это не мы открыли памятник, а он открыл нас, стал нашим путеводным указанием, что-

бы нам быть начеку, лучше слышать глубину своего сердца и понимать, что христианская история это не то, что было, а то, что вечно есть и что только ждет нашей готовности выйти в дорогу этого есть и уже не останавливаться...

Может быть, Василий Васильевич Розанов был прав, когда говорил, что Блок просто не различил в метели, что впереди Двенадцати шел не Христос, а Никола Угодник?

Мы все уезжаем в чужую страну из своего времени и привозим с собой свою суету, часто оскорбляя руины празднословием и надменностью живых перед мертвыми. Но возвращаемся мы все-таки немного другими, узнавшими если не всю тайну времени, то его настоящую длительность. Возвращаемся, словно коснувшись тени древа жизни, побывав минуту в этой тени, где нет вчера и завтра, нет человеческих границ, а есть таинственное чувство сверстничества со всеми событиями мира, словно ты сам их отец и сын, и внук, и они приручены твоим сердцем и являются частью тебя и только в тебе и живут. На одной из дорог ты непременно догадаешься, что все, что случилось в мире, – случилось с тобой и ради тебя, и живо только в тебе. Этим чувством нельзя жить долго, но, однажды коснувшись его, уже не вернешься в оставленный день, потому что над ним будет Господня рука, короткое касание вечности, которое просветит этот день вечностью и покажет его настоящую длительность, потому что этот день стоит всегда. И все рождения и смерти цивилизаций короче одной человеческой жизни, короче одного правильно понятого дня, которому нет конца. Но чтобы понять это, надо отправиться в путь и пройти эти дороги, коснуться этих камней, согретых руками человека, Бога и времени. Там чувствуешь, что плоти нет и вместе – все плоть, нет времени и вместе – все время, там нет мужского и женского, и все – слишком мужское и женское. Там вытекают из рая реки Тигр и Евфрат, и не заходит месяц, а снесенный историей крест напечатлен на небесах и благословляет твои дороги. Там вечный прибой сменяющихся цивилизаций спокоен и ровен, как мощное врачующее дыхание «Срединного моря всея земли», ставшего колыбелью нашей религии и хранящего в своем мерном дыхании молодое чувство вечно дрящейся жизни, смерти и воскресения.

Там остро понимаешь, что конец мира – это или затмение нашего разума, не увидевшего колыбели вечности, для которой нас надо разбудить силой. Или общее радостное сотворчество с Богом и вечная радость, оправдывающая собой и воскрешающая всех мертвецов, кто в слепоте слишком тесного времени, в страдании или эгоизме дня не успел узнать навсегда освободившей нас Истины христианства.

Мария РАСТОРГУЕВА

ИЗ КЛАДОВОЙ ПАМЯТИ

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ ОТЦЕ – СЯЩЕННИКЕ АНДРЕЕ РАСТОРГУЕВЕ

О своей родословной отец рассказывал так (записано моим братом Кириллом в 1955 году):

Отец – Расторгуев Иван Иванович (1861 – 1915), житель г. Сенгилея Симбирской губернии. Торговец зерном и мукой, владелец небольшой гостиницы с трактиром, агент страхового общества «Россия», домовладелец, директор городского банка, член уездной Земской управы и церковный соборный староста. В малолетстве остался круглым сиротой, воспитывался в семье родственников Меркуловых. Жена его Мария Андреевна, урожденная Кашенцева (1867 – 1950).

Дед – Расторгуев Иван Яковлевич (1830 – 1862). Хлебный торговец. Жена его Прасковья Кузьминична, урожденная Меркулова.

Прадед – Яков Осипович, жена его Параскева. Единственный крепостной своего барина (боярина Дмитрия), переселившийся в Сенгилей со своим хозяином из северных краев, «с верхов». Барин не имел детей и, умирая, дал Якову Осиповичу вольную, оставил свое небольшое имущество, велел после его смерти заняться торговлей, и в вольной дал ему новую фамилию – Расторгуев, хотя до этого Яков Осипович был Сыромятников.

Родители Якова Осиповича известны только по именам из старинного семейного поминания. Имена их Иосиф и Ирина.

Мой отец был не первым ребенком в семье, однако из оставшихся в живых был старшим. До него у родителей была девочка, которая, будучи совсем крошкой, любила танцевать. Родителям это нравилось, и малышка танцевала и перед родителями, и перед гостями, показывая свой «талант». Случилось так, что девочка умерла, родители решили, что Господь наказал их за эти танцы и дали обещание, что, если у них родится еще ребенок – они посвятят его Богу. И 14 июля 1893 у них родился сын Андрей, день Ангела – 17 июля в день памяти святителя Андрея Критского.

В нашей семье передается такая история: нянька с маленьким Андрюшей на руках стояла у ворот. Мимо шел странствующий монах, остановился, разговорился с нянькой и сказал: «Этот мальчик, когда вырастет, станет священником, и первая его самостоятельная служба будет в храме великомученика Дмитрия Солунского». И в знак этого благословил младенца небольшой иконкой святого, которая потом долгие годы стояла в киоте в доме Расторгуевых в Сенгилее, а в революцию пропала.

Рукоположили Андрея Ивановича в августе 1917 года, и он был направлен полковым священником в 106-й Уфимский полк. Далее передаю словами отца Андрея: «Схожу с поезда, встречает солдатик на телеге. Сели, поехали. Еду и думаю – первая часть предсказания сбылась. Спрашиваю солдата: «Братец, а когда у вас Престол бывает?». Он отвечает: «На Митрия Солунского».

Дмитрия Солунского отец Андрей считал своим небесным покровителем, тем более что храм в селе

Родители Андрея Расторгуева - Иван Иванович и Мария Андреевна

Горюшка, в котором он был настоятелем в 20-е годы, также был посвящен Дмитрию Солунскому.

Над детской кроваткой маленького Рюши (так его ласково называли близкие) находилась икона преподобного Сергия Радонежского с житием, и малыш, когда его спрашивали, где и что делает преподобный, всегда правильно показывал пальчиком, еще не умея говорить.

Мальчик рано научился самостоятельно молиться, в церковь ходил с охотой. Его мать, Мария Андреевна, вспоминала, что собирались утром идти к причастию и она решила его пораньше разбудить. Заходит в его комнату, а он уже стоит, читает Правило к Святому причащению.

В комнате его всегда было очень чисто и аккуратно, он сам убирал постель.

Многие молитвы в раннем возрасте знал наизусть. Даже игры были связаны с церковью: Андрей

произносит ектинью, а младший брат Женя поет: «Господи, помилуй!».

А ведь семья была купеческая, откуда бы такая любовь к церковной службе?

Фруктовый сад у Расторгуевых был на берегу Волги, довольно далеко. Как-то поехали туда на свежем воздухе отметить какой-то праздник, а когда ехали обратно через город, веселились, пели песни. Мальчик Андрюша соскочил с телеги и пошел домой пешком. А потом сказал своей матери такие слова: «Ты – мать будущего священника – вина напилась и песни пела. Неужели тебе не стыдно?». Было очень стыдно – такими словами заканчивала этот рассказ моя бабушка Мария Андреевна, уже будучи глубокой старушкой.

Любил выпить мой дедушка Иван Иванович. Когда в доме ждали гостей и накрывали столы, бабушка закрывала его в кабинете на втором этаже, чтобы до прихода гостей он не «напробовался» разных напитков. Это не всегда помогало – дедушка спускал из окна на веревке корзину и дворник Прокофий клал в нее заветную бутылочку.

Возможно, насмотревшись на своего отца, папа в молодости дал зарок, что до сорока лет рюмку в руки не возьмет. Свое обещание он выполнил, но и после 40 лет не имел склонности к вину. Моя мама вспоминала, что свадьба их была безалкогольной, на столе не было даже слабых напитков.

Иван Иванович, будучи по сенгилейским меркам человеком очень зажиточным, настаивал на том, чтоб сын сначала получил достойное светское образование, но Андрей Иванович все же поступил в Симбирскую духовную семинарию. Жил и кормился у священника Прозорова. Семинаристы Андрея недолюбливали и не упускали возможности его поколотить – их раздражало, что он, имея материальную возможность учиться где угодно, поступил в семинарию, в которой они, дети церковнослужителей, учились по необходимости, не имея средств учиться в другом месте.

Дедушка Иван Иванович в 1914 году умер от заражения крови, ему неудачно вскрыли нарыв. Бабушка, овдовев, все хозяйство взяла в свои руки, незадолго до революции даже собиралась пустить по Волге собственный пароход, но после октябрьского переворота у нее все отобрали, последними деньгами Мария Андреевна откупила из большевистской тюрьмы сына Андрея, осталась нищей. Детей у нее после многочисленных родов в живых осталось шестеро – четыре сына и две дочери, но два сына трагически погибли в первые годы революции. Жила она, после того как большевики ее выгнали из дома, в нашей семье, деля с невесткой и внуками все невзгоды. Умерла в 1950 году, в Москве, похоронена на Преображенском кладбище. Отец Андрей очень любил свою мать, несмотря на ее суровый нрав, и пока он имел возможность иметь письменный стол, на нем

находилась ее фотография в серо-синей рамке на витиеватой золотистой подставке.

В учебе отец всегда был вторым по успеваемости. Он говорил, что Господь никогда не давал ему быть первым, чтобы он не зазнавался.

В 1914 году он поступил в Московскую духовную академию, где удивлял преподавателей своей феноменальной памятью – он обладал способностью, прочитав, точно запомнить текст, и в своих ответах и работах приводил цитаты, которые преподаватели сверяли с печатными текстами, но никогда не находили неточности.

Преподаватель по гомилетике – науке о христианской церковной проповеди – был очень строг, получить хорошую оценку у него было трудно, отличные у него имели только Андрей Расторгуев и Николай Колчицкий, который поступил в Академию годом ранее. Оба они, будучи впоследствии настоятелями один Сокольнического, другой Елоховского Богоявленского собора, славились в Москве своим талантом произносить проповеди.

В связи с тяжелым положением на фронте – шла 1-я Мировая война, в начале 1917 года из Академии призвали в армию студентов, не имеющих жен и не принявших иночество или монашество. Отец попал в школу прапорщиков в Петергофе под Петербургом.

Окончив ее, он отказался брать в руки оружие, а просил отправить его на фронт священником, в чем ему упорно отказывали. Со своим прошением он дошел до высших чинов Священного синода. Просьба его была удовлетворена и ему дали отпуск для вступления в брак (священником мог стать только женатый человек).

Еще будучи семинаристом, Андрей сдружился с мужем своей родственницы священником Сергеем Петровичем Петровским. Сестры Сергея Петровича, приезжая в Сенгилей, останавливались в доме Расторгуевых, стали почти своими, но, как вспоминала мама, ей и в голову никогда не приходило, что красивый, высокообразованный Андрей Иванович, завидный жених для многих богатых сенгилеевских невест, может обратить внимание на нее, простую сельскую учительницу, дочь бедного сельского дьякона из Репьевки-Космынки. Никогда он за ней не ухаживал, никаких знаков внимания не проявлял, но очень ему нравилось, что его младшие братья и сестры нежно любят Катеньку.

Андрей Расторгуев в юности

Мама вспоминала, что летом 1917 года ей дали место учительницы в каком-то дальнем селе Симбирской губернии. Она отправилась в путь. Ехали уже не первый день, когда их нагнало известие от брата Сергея Петровича: «Срочно возвращайся, тебе сделано интересное предложение». Мама обрадовалась, она решила, что ей предложили место учительницы ближе к родительскому дому. Но предложение было не об учительстве

1 августа 1917 года Андрей Иванович Расторгуев обвенчался с девицей Екатериной Петровной Петровской.

Папина мать – Мария Андреевна (я названа в ее честь) была недовольна выбором сына – мезальянс, но всю свою жизнь прожила не с другими своими детьми, а в нашей семье и уже перед смертью как-то сказала: «Катя, какая же ты хорошая», на что находившийся рядом папа ответил: «Сколько же лет тебе понадобилось, мама, чтобы это осознать!».

Отец брал благословение на брак у своего духовника старца Алексея в Тёфсиманском скиту при Троице-Сергиевой лавре. Старец благословил и сказал: «Недавно у меня был Коля Колчицкий со своей невестой. Такая красавица. У него будет Варвара прекрасная, а у тебя Екатерина вечно чистая».

В середине августа папа принял священнический сан и отправился на фронт священником 106-го Уфимского пехотного полка. Началось его служение Богу.

Как-то отец сказал мне: «Если бы я был так же богат, как и до революции, то не брал, а сам отдавал бы в церковь деньги за то, что мне позволено служить».

Но на долгие послереволюционные годы уделом нашей семьи стала нищета.

Первый раз отца арестовали 18 марта 1918 года за «отказ содействовать советской власти» – он вместе с настоятелем Покровской церкви в Сенгилее спрятал на колокольне ценные церковные предметы, необходимые для богослужения, которые новая власть решила национализировать.

Второй раз его арестовали так же в Сенгилее за то, что во время белочешского восстания он для чехов прочел лекцию о их национальном герое Яне Гусе. Красные, взявши власть в городе, забрали отца в числе других именитых горожан в заложники и долго не отпускали.

За освобождение с его матери потребовали 75 тысяч рублей, которые она отдала, но проявила благоразумие и попросила расписку. Отца освободили, а через некоторое время снова потребовали 75 тысяч, говоря, что есть решение на взыскание денег. Вот здесь и пригодились расписки. Оказалось, что чекист, получив

деньги, сбежал.

После этого в семье денег не осталось.

Гражданская война, аресты, тиф, смерть двух сыновей сразу после родов, зверское убийство большевиками отца моей матери – дьякона Петра Григорьевича Петровского, конфискация всего имущества Расторгуевых и выселение их из дома – такими были первые годы совместной жизни моих родителей. Но

была и большая радость – появление на свет 13 августа 1921 года сына Кирилла.

Семья переезжает под Сызрань в село Горюшка. Здесь отца ждет еще один арест за то, что собирал у себя дома детей и учил их Закону Божию.

В Горюшке у них рождается дочь Мария, которая умерла в возрасте около двух лет в Сызрани, куда отец получил назначение настоятелем Покровской церкви.

Здесь же, в Сызрани, 14 марта 1928 года родилась я. Назвать меня собирались Антониной или Александрой, но мой брат Кирилл думал, что снова родилась его сестричка, которая умерла, и всем радостно сообщал: «А у нас Манечка родилась». Так я стала Марией.

Первые мои детские воспоминания – ожидание праздника: по вечерам в доме собирались женщины и делали искусственные цветы для украшения церкви. Всюду стружки, цветная бумага, листочки. Мама с прихожанками делают цветы, папа читает из отцов церкви или ведутся беседы на религиозные темы. Перед праздником все несли в храм, украшали иконы.

И первая Пасха, которую я помню: утро первого дня Пасхи, папа в белой рубашке сидит на крыльце, брат и я сидим чуть пониже. Папа объясняет мне, что сегодня здороваются не так, как всегда, сегодня надо сказать «Христос Воскресе!» и ответить «Воистину Воскресе!». На душе у меня так хорошо! Такое ощущение праздника, радости, света! Во двор захо-

дит сосед, христосует с отцом. Следом за ним под забором пролезает его большая черная собака. Той радостью, которая переполняет меня, я готова поделиться с кем угодно. Я обнимаю собаку, целую ее в мокрый нос: «Собачка, собачка, Христос Воскресе!». «Папа, какая Манька глупая, она с собакой христосует»

Покровский собор в г. Сенгилее - взорван и затоплен в советское время

СЕНГИЛЕЙ

Сен-ги-лей – это звон колокольчика.

Сен-ги-лей – это песнь ручейка.

Это маленький город на Волге,

Где отец мой на свет родился -

У ничем не приметных родителей,

В старобрядческом строгом быту.

Он с младенческих лет был воителем

За свою принадлежность Христу.

Он тяжелый свой крест нес без ропота

И в советском безбожном аду,

Иногда повторяя, лишь шепотом,

Как заветную песню свою:

Сенгилей – это звон колокольчика,

Сенгилей – это песнь ручейка,

Там впервые предстал я пред Господом

В храме, где был престол Покрова.

ся», – смеется мой брат Кирилл. «Не смейся, она права – сегодня вся тварь радуется».

Еще запомнились постоянные переезды. На квартиру пускать не хотели, боялись. Какая-нибудь сердобольная женщина пустит к себе, потом: «Батюшка, съезжайте, меня дети ругают, что я вас поселила». Помню голод и холод. У папы не было пальто. У мамы с братом были одни ботинки на двоих, так что на улицу выходили по очереди.

Помню, как у нас забирали имущество за неуплату налогов. Отбирали все, до последней чашки-ложки. Когда стали выносить мой матрасик, я горько заплакала и все просила его не забирать. Не выдержал возница: «Да оставьте вы ребенку матрасик – и в сердцах добавил инспектору – сам вещи выноси, сам лошадь веди». Матрасик оставили. Самую необходимую вещь, самовар, прятали у хозяев. Потом добрые люди принесли нам кто что мог.

Надо сказать, что выжили мы в это тяжелое время только благодаря людской доброте, ведь карточек на продукты нам не давали – как члены семьи священнослужителя, мы были «лишенцами», то есть людьми, лишенными всех гражданских прав.

Мама попала в больницу с сильным кровотечением, нужно было как можно быстрее делать операцию. Перед операционной она провела почти весь день – подойдут, посмотрят: «Жена священника?! Пусть лежит». Никто не хотел оперировать. Наконец, подошел врач, осмотрел, скомандовал: «В операционную». Мама ему: «Я ведь жена священника». Прооперировал. Мама до самой своей смерти поминала его, так как считала, что он спас ее от смерти, не оставив умирать у дверей операционной.

В начале 1935 года переезд в г. Александров. В Сызрани на вокзале провожающие нас женщины плачут. Я про себя удивляюсь: слезы у них льются из глаз, а вытирают они почему-то носы.

В Александрове папа служил в кладбищенской церкви, жили мы в половине кладбищенской сторожки. В школе я еще не училась, ни подруг, ни игрушек у меня не было. Придумала себе занятие – убирать заброшенные могилы. Из другого города приехала женщина, удивилась, что могила сына, на которой давно никто не был, прибрана. Расспросила людей, ей рассказали, кто убирает, и она принесла мне игрушки.

Но, несмотря на нашу бедность, к каждой Пасхе и к каждому Рождеству мама шила мне платье. Не из нового – люди отдавали старые вещи и мама перешивала, перекраивала, перелицовывала. Папа говорил, что в годы нищеты не только все его вещи – от церковного облачения до нижнего белья были сшиты руками его жены, но даже и тряпичные ботинки на толстой тряпичной подошве, правда, на них были надеты калоши.

Мама в храме делала все: пела на клиросе, читала, пекла просфоры, убирала, мыла полы, чистила снег. И никогда не упрекнула своего мужа ни за голод, ни за нищенство. А ведь было и такое, что ей приходилось просить у людей хоть что-нибудь, чтобы накормить детей. Она вспоминала, как одна женщина, к которой она пришла домой с такой просьбой, ответила: «Никогда не поверю, матушка, что у вас детей кормить нечем. Если хотите, возьмите картофельные очистки, вон для свиньи лежат». Мама взяла, промыла, сварила. И к свекрови она относилась с любовью. Другая бы

сказала: «Пусть едет к своим дочерям». Нет, никогда она такого не произнесла.

В конце 1935 года папа получил место настоятеля в соборе г. Орехово-Зуево. Жизнь наконец-то изменилась в лучшую сторону, главное, мы перестали голодать.

В Орехово-Зуеве мы с братом очень тяжело болели скарлатиной. Тогда от этой болезни часто умирали. Папа не спал, целыми ночами молился в алтаре. Вымолил.

Через год мы переехали в Калугу.

Папина церковь находилась недалеко от базарной площади. Пошел он как-то в соседний храм в рясе, с крестом и меня ведет за руку. Идем мы с ним через площадь, а навстречу нам пионер в галстук, на голове шапочка-«испанка», остановился, подбоченился и с ухмылкой произнес: «Пошел поп по базару поискать кой-какого товару...», а папа продолжил: «...а навстречу ему Балда, идет сам не зная куда». По-моему, пионер был поражен, что поп знает Пушкина.

В Калуге я пошла в школу. Когда пришло время вступать в пионеры, отобрали четырех лучших учеников, в том числе и меня, нам раздали листочки – торжественное обещание пионера и велели выучить наизусть. Слов нет, как я обрадовалась, очень мне хотелось стать пионеркой и ходить строем под стук барабана. Дома я показала листочек отцу и поделилась радостной новостью. Он сказал, что ничего против пионеров не имеет и я могу вступить в пионерскую организацию, если мне так хочется, но я должна знать, что если стану пионеркой, то в семье как и прежде будут заботиться обо мне, кормить, одевать, но благословить меня отец не сможет никогда, и в церковь я ходить не смогу, и праздники церковные отмечать не буду – ведь пионеры в Бога не верят и борются с церковью. «Так что решай сама, что для тебя важнее – Бог и мое благословение или пионерская организация», – закончил наш разговор отец. Честно сказать, очень непросто далось мне это решение, уж очень мне хотелось в пионеры. Но тем не менее я перед всем классом сказала, что отказываюсь от этого, так как я дочь священника и верю в Бога, а пионер в Бога верить не должен.

Похожая история произошла с моей младшей дочерью Наташей, когда она училась в 10 классе, значит, в 1975 году. На одном из уроков она отвечала на тему, связанную с религией. В процессе ответа учительница спросила ее: «А ты в Бога веришь?». Со слов дочери знаю, что была мучительная для нее пауза, когда она колебалась и не знала, что ответить, но все же сказала: «Да. Верю». Что тут началось... Ее прорабатывали на собраниях, вызывали в школу и прорабатывали меня.

На последней встрече с директрисой, когда она кричала на меня, что это позор, что современная комсомолка не может верить в Бога – это мракобесие, я ответила: «Да, наша семья верующая, но моя дочь десять лет ходит в вашу школу, и вы ее десять лет пичкаете атеистической пропагандой. Разве я виновата, что влияние дедушки, который умер несколько лет назад, сильнее, чем весь ваш атеизм?!». В ответ я уже ничего не услышала.

Папа был разносторонне образованным человеком. Хорошо знал философию, необычайно высоко ценил философа Соловьева. В одном из интервью известный священник Александр Мень сказал, что в его

жизни было четыре учителя, и одним из них он назвал моего отца. Также он говорил, что в его жизни был период увлечения философией Соловьева, думаю, что это было влияние отца Андрея.

О пьесе Гоголя «Ревизор» отец говорил, что эта пьеса о Боге, о том, что не перед теми мы себя показываем, а Судья придет неожиданно, когда мы не ждем.

Прекрасно отец знал литературу, и русскую, и зарубежную, любил поэзию, помнил наизусть великое множество стихов и часто цитировал их в беседах. Говорил так: «Стихов не пишу, но очень люблю и понимаю». Из прозаиков любимым его писателем был Николай Лесков, нравилась ему новелла Мопассана «Лунный свет». Любимые его поэты – Пушкин и Лермонтов.

Мне было лет восемь или девять, и папа мне рассказывал, что Михаил Юрьевич Лермонтов в стихотворении «В минуту жизни трудную...» не назвал, какую «молитву чудную» твердит он, а вот Александр Сергеевич Пушкин в стихотворении «Отцы пустынноики и жены непорочны» передает в стихотворном изложении молитву, которая ему «всех чаще... приходит на уста», а потом спросил, какая молитва больше всего нравится мне.

– Христос Воскресе из мертвых... – ответила я. – А тебе, папа?

– Господи, помилуй мя грешного.

В 1939 году отца арестовали за неуплату налогов, он был приговорен к «принудительным работам» и его отправили на строительство железной дороги под Воркуту. Помню, как мы с мамой через весь город ходили к мужчине, который приехал из места, где отец находился в заключении. Кем он там был – охранником или заключенным – не знаю. Он сказал: «Мертвым я отца Андрея не видел, но вы его живым не ждите. Он весь черный, опух, завшивел, сидит с уголовниками, они его бьют, спит он на полу». На обратном пути мама горько плакала и все повторяла: «Ну, вот я и вдова...».

После окончания школы брат Кирилл устроился актером в Калужский драмтеатр.

Профессии актера, а впоследствии режиссера он посвятил всю свою жизнь.

В октябре 1940 года брата призвали на срочную службу в армию и отправили служить на Западную Украину, где он и встретил начало войны.

Немцы вошли в Калугу 14 октября 1941 года, на Покров. Папа в лагере, брат на фронте, мама, бабушка и я – в оккупации. Каждый из нас был уверен в гибели остальных. То, что папа в лагере погиб – мы не сомневались; с тем, что Кирилл погиб на Западной Украине в первые же дни войны мы смирились и оплакали его; а папа и брат думали, что нам не выжить в оккупации.

Было мне в то время 13 лет. При немцах мы голодали жутко. Пошел слух, что открыли овощной склад возле рынка и разрешили брать овощи. Народ туда побежал. Мама не хотела меня пускать, но я не послушалась, взяла маленький холщовый мешочек и пошла. Толпа там была такая, что подступиться к овощам я не смогла, тут раздалась автоматные очереди, началась паника, люди побежали, и я бегу в этой толпе и вдруг понимаю, что одной калоши у меня на валенке нет. А валенки с калошами у нас с мамой были одни на двоих, без калош на улицу не выйти. Делать нечего – развернулась и с опаской поплелась на склад. Смотрю –

калоша моя лежит, кругом морковь разбросана.

Набрала я в свой мешочек моркови и пошла обратно, а мне навстречу вся в слезах мама бежит, на ногах летние туфли. Немцы стреляли не на складе, а на базарной площади подпольщиков расстреливали.

Были они в Калуге недолго – два с половиной месяца, в последних числах декабря 1941 года город освободили.

Летом сорок второго года в отпуск после контузии приехал брат Кирилл, пришла весточка от отца, что он прячется у добрых людей в Кирове, где он сошел с поезда по дороге из лагеря в Свердловск (теперь Екатеринбург), куда его направили на поселение.

В Свердловск он не поехал потому, что муж его младшей сестры Елены, кстати, сын того самого дворника Прокопия, который отправлял своему хозяину на второй этаж бутылку в корзине, был там одним из секретарей обкома партии, и отец боялся своим появлением навредить их семье.

Хозяйка, у которой мы жили в Калуге, решила продать свой дом и попросила нас съехать. Маме очень хотелось уехать в Ульяновск, где у нее была вся родня.

Брат Кирилл сначала съездил в Киров, встретился с отцом. То письмо – поздравление с серебряной свадьбой – брат привез из Кирова. Рассказывал, что отец был одет в какие-то обноски, а вместо обуви у него подошвы от калош, привязанные к ногам веревками.

Письмо написано в лагере под Воркутой летом 1942 года. (Орфография письма сохраняется).

Милая и безценная, дорогая супруга моя Екатерина Петровна!

В знаменательные дни пишу я настоящие строки. 25 лет тому назад в это время я имел счастье получить Твое драгоценное согласие быть моею подругой жизни. Целую четверть века я имел в лице Тебя доброго Ангела Хранителя нашей семьи, верного и неизменного друга, смелого спутника на своей жизненной дороге, вдохновителя моего пастырского служения, идеальную мать наших детей, любящую и любимую дочь нашей милой мамочки и нежную сестру моих родных братьев и сестер.

Оглядываясь назад, на пройденный нами 25-летний путь нашей супружеской жизни, я могу смело и открыто пред всеми свидетельствовать, что я был безмерно счастлив, имея Тебя, моя дорогая, своею женою.

Благодарю Господа Бога за Его безценный дар, ниспосланный Им мне в лице Тебя. Земным поклоном, мысленно целуя не только Твои уста, но и руки и ноги Твои, я благодарю Тебя за четверть века Твоего совместного служения со мной Богу и Его святой Церкви, за Твою безпредельную любовь ко мне и за счастье, которое Ты мне дала, за все, что можно высказать словами, и что нельзя высказать на человеческом языке. И я верю и надеюсь, что настоящие годы вынужденной разлуки с Тобой, если они и еще продолжатся, они не поколеблют твердости Твоего духа, стойкости наших общих убеждений, нашей супружеского союза, основанного «не от крови, ни от хотения плоти, ни от хотения мужа, но от Бога» (Иоан.1,13). Можно ли наши тесный союз жизненным грозам порвать? Нет, нельзя!

Итак, крепко обнимаю и горячо Тебя целую

мысленно вместе с дорогой мамочкой, Кирочкой и Марусенькой, предпразднуя и поздравляя Вас всех с наступающим днем (1 августа) нашей серебряной свадьбы.

Твой неизменно любящий Андрей.

Потом Кирилл, пользуясь своими документами фронтовика, повез бабушку, маму и меня в Ульяновск. Там нас приютила младшая мамина сестра тетя Варя, учительница, муж ее был на фронте. Жили мы все в одной крошечной комнате в коммунальной квартире. На жизнь и в Калуге, и в Ульяновске зарабатывали рукоделием. Бабушка вязала кружевные воротнички и салфетки. А мы с мамой делали тряпичных кукол, а по воскресеньям продавали все это на рынке.

В конце сорок второго года в один из дней в дверь тети Вариной комнаты раздался стук:

– Кто там? – спросила мама.

– Андрей.

– Какой еще Андрей?

– Ваш Андрей...

Оказалось, что отец в Кирове попал в облаву, сказал следователю, что при переезде к месту поселения отстал от поезда, а обратиться в органы не решился. Ему повезло, что появилось решение Сталина отпустить из заключения священнослужителей, поэтому его отправили к месту нахождения его семьи. То, что семья в Ульяновске, он знал, так как мы писали на адрес женщины, у которой он ночевал в бане и которая его подкармливала.

В Ульяновске в то время находилось в эвакуации все высшее церковное духовенство и среди них соученик отца по Духовной академии Николай Федорович Колчицкий, о котором я знала из рассказов отца и талантами которого отец восхищался.

В январе 1943 года отец уехал в Москву, в храм Воскресения Христова в Сокольниках, настоятелем которого он был до самой смерти.

Летом 1944 года в Москву переехали мама, бабушка и я. Брата к тому времени демобилизовали по состоянию здоровья и он поступил в ГИТИС. Вся семья поселилась на Преображенке, на Страховской улице, в небольшом домике, который отец купил к нашему приезду.

Как-то, гуляя в Сокольническом парке, папа познакомился с Леонидом Ильичом Колтуновым, который тоже жил в Сокольниках. Он стал приходить в храм, крестился и через некоторое время стал работать водителем на церковной машине. Очень быстро Леонид Ильич стал незаменимым

помощником отца Андрея по всем хозяйственным вопросам и в храме, и в нашей семье, позднее он перешел на работу в хозяйственный отдел Патриархии.

Сокольнический храм был сложен из красного кирпича и при всей красоте своих форм не выглядел так нарядно, как сейчас. Стараниями отца Андрея и при непосредственном участии Леонида Ильича в конце сороковых годов произошло изменение внешнего облика церкви, был сделан большой внутренний ремонт.

Снаружи храм изменился полностью: светло-голубые стены с нежным оттенком в светлейшую зелень, белые кокошники и белые же окаймления окон и фрагментов стен, серебристо-серые купола и чуть более темный, немного в зелень, главный шатровый купол с золотыми гранями, увенчанный золотой главой, приковывали взгляд и радовали своей красотой. Были заменены кресты на всех главах. Храм сиял над Сокольниками, вселяя в людей веру и надежду, которые так были нужны в тяжелые послевоенные годы. К сожалению, в советское время рядом специально были построены заслоняющие его многоэтажные дома.

Храм Воскресения Христова в Сокольниках (Москва)

ХРАМ В СОКОЛЬНИКАХ

Прекрасен храм Христова Воскресенья.

Здесь тень отца еще живет.

Здесь все полно святого вдохновенья

И от земного к горнему зовет.

Давно отец ушел в иные дали...

Сегодня я об этом не грущу.

За то, что он служил в прекрасном этом храме

И с нами был – Христа благодарю.

С самого своего основания Сокольническая церковь получила в народе имя Кедровской – по фамилии своего строителя и основателя протоиерея Иоанна Кедрова, да и сейчас можно услышать это название от старых москвичей.

Стараниями отца Андрея на могиле отца Иоанна был сооружен памятник, надпись на котором гласит: «От настоятеля и общины Воскресенского храма в Сокольниках незабвенному создателю и строителю Воскресенского храма протоиерею Иоанну Кедрову».

С уважением и почитанием относился мой отец к памяти основателя храма. В кабинете отца в Сокольниках на рабочем столе, на самом видном месте, постоянно находился портрет отца Иоанна. Поддерживал отец Андрей добрые отношения и с семьей Кедровых: матушка отца Иоанна была жива и от храма ей выделялась постоянная материальная помощь, сын отца Иоанна Георгий Иванович был врачом, и когда кто-то в нашей семье болел, его просили приехать, посмотреть больного, визиты его щедро оплачивались.

Папа использовал этот прием – щедро оплачивал работу тем людям, кому он хотел помочь материально, но кто просто так денег не взял бы.

Не забывал отец Андрей и тех, кто помогал нашей

семье выжить в тяжелые годы бедствований. Материальная поддержка оказывалась многим, знаю, например, что наша квартирная хозяйка в Калуге получала содержание до самой своей кончины.

Помогал отец Андрей людям много и безотказно.

С глубоким почтением и сыновней любовью относился отец Андрей к почетному настоятелю Сокольнического храма архиепископу Дмитровскому Виталию (Введенскому).

Жил владыка в храме, в комнате, где сейчас находится церковная лавка, только вход в нее в то время был из притвора.

Умер владыка Виталий в 1950 году, на пятой неделе Великого Поста, во время службы, при чтении Великого канона, похоронен на Пятницком кладбище, у стены храма. На могиле стараниями отца Андрея был поставлен памятник, сделана ограда. Все это сохранилось до сих пор.

Существовал при храме бездомный, безногий монах. Из какого он был монастыря, где потерял ноги, в какие годы появился в Сокольнической церкви – я не знаю, но хорошо помню его. Каждое утро он появлялся к открытию храма, пристраивался у стены напротив Чудотворной Иверской Иконы Божией Матери, целый день проводил в молитве, а вечером, после службы, покидал церковь. И так многие годы, каждый день. Ночевал он, где придется.

Папа порой подолгу с ним беседовал. Как-то этот иеромонах Уалент обратился к нему с такими словами: «Я бездомный, близких у меня никого нет, умру – похоронить некому будет. Прошу Вас: когда умру, похороните меня по-христиански. Тут вот деньги – люди мне давали, я не просил – шапка моя лежит рядом, люди деньги и кладут. Все это я отдаю на церковь, а вы уж выполните мою просьбу».

Умер он в конце пятидесятых или в начале шестидесятых годов – не помню. Папа его просьбу выполнил, похоронил на Преображенском кладбище... Теперь они лежат рядом, в полуметре друг от друга, в соседних оградках.

В той же оградке, где и иеромонах Уалент, похоронены еще две женщины из Сокольнического храма, к сожалению, имен их я не помню.

Совсем молодым помню известного протоиерея Сергия Вишневого – во время учебы в семинарии он был алтарником, жил со своей женой Алечкой в полуподвальной комнатке под церковью. Отец Сергей начал свой путь в Сокольническом храме, служил рядом с отцом Андреем долгие годы, потом был на-

стоятелем Храма Иконы Божией Матери Знамение на Рижской, Храма Воскресения Словущего в Брюсовом переулке. Именно он поддерживал отца Андрея в последние годы жизни во время болезни, соборовал и причащал его перед кончиной. Ныне отец Сергей – старейший из священнослужителей Русской православной церкви – настоятель храма Флора и Лавра, стоящего где-то в лесах под Ярославлем, и широко известный своей отшельнической жизнью.

После переезда в Москву у папы наконец-то появилась возможность обеспечить семью всем необходимым, но сам он при этом оставался совершенно безразличным к материальным благам. Отец любил добротные вещи, но считал, что ему достаточно необходимого минимума.

Семья увеличилась: вышла замуж я, женился брат, появились дети – дом расширили и обустроили.

И здесь к нам приходили фининспекторы. Правда, только описывали вещи, но ничего не забирали. Помню такой эпизод: инспектор составляет опись и при этом извиняется за то, что он это делает, поясняет – такая уж у меня работа. Папа ему отвечает: «Делайте свое дело. Я делаю свое дело и не стыжусь своей работы – могу сказать с гордостью везде и всегда – я православный священник».

В мае 1963 года дом пошел под снос. Как же плакала

мама – ведь это было первое за всю ее жизнь собственное жилье. Сейчас в этом квартале находится медицинский центр «Пангея», но непосредственно то место, где стоял наш дом, – заасфальтированная площадка во дворе клиники.

Нам дали две двухкомнатные квартиры в пятиэтажке в Измайлово, в одном подъезде: одну на первом этаже – в ней поселились Андрей Иванович и Екатерина Петровна с внучкой и сыном, другую на пятом – для моей семьи.

Домой папа приезжал ежедневно обедать, а ночевал он в своем кабинете при храме. Когда заходишь в ограду Сокольнической церкви, сразу же можно увидеть два полуподвальных окошка, за углом вход в бывший папин кабинет. Сначала при церкви была легковая машина, был водитель, но в середине 60-х годов храмам запретили иметь транспорт. Папа ежедневно ездил из Сокольников в Измайлово на автобусе.

Как-то приезжает домой вечером, объясняет, что к нему обратились мужчина и женщина с просьбой где-нибудь переночевать. Он пустил их в свой кабинет, а сам поехал домой. Мы забеспокоились, что это могут быть воры, ведь в его кабинете находились

Андрей Иванович с внучкой Машей

ценные вещи, но он пожал плечами: «Как Богу будет угодно, я не мог им отказать». Все обошлось. Вообще, фраза «как Богу будет угодно» была одной из наиболее часто повторяемых отцом.

И в пожилые годы папа обладал прекрасной памятью, к примеру, без затруднения называл день и месяц Пасхи за любой год своего служения.

В последние два года жизни память стала изменять ему, он уже не служил и все время находился дома. Негативную роль в ухудшении его здоровья сыграли кляузы, которые сочиняли и направляли в разные инстанции две работницы церкви.

До самой смерти отец числился настоятелем Сокольнического храма, а действующим настоятелем во время его болезни был протоиерей Павел Соколовский.

В конце жизни родителей снова настигла теснота – квартира состояла из двух тринадцатиметровых комнат, хорошо, что изолированных, в одной жили они с шестнадцатилетней внучкой Машей – дочерью Кирилла от первого брака, а в другой – мой брат с новой женой и дочерью.

Накопительство отец считал одним из самых больших грехов. После своей смерти он не оставил денег, ценные вещи – подарки, которые отец получал на именины, очень быстро распродал мой брат, и мама осталась с тридцатирублевой пенсией, которую ей назначила Патриархия.

Пережила она своего мужа на 3 года и очень сильно по нему горевала. «Как не плакать, как не горевать, – говорила она, – ведь за всю жизнь он на меня голоса не повысил, душой никогда не назвал, а все только Катенька, Катенька...».

О жизни и смерти отец говорил так: «Я живу, несу

Священник Андрей Расторгуев

свой крест, который мне Бог дал, несу с терпением и любовью, но если мне Господь пошлет смерть, то я приму ее как Божий дар, с радостью».

В нашем доме иногда останавливался иногородний дальний родственник, адвентист, который начал страдать отца тем, что за неправильную веру тот попадет в ад, на что папа отвечал: «Ну что же, если так-то будет Божья воля... Но и в аду я буду славить Господа».

В течение нескольких лет – с 1951 по 1954 годы – отец Андрей нес послушание в Берлинской епархии, являясь сначала проповедником, а затем настоятелем Кафедрального собора Воскресения Христова в Западном Берлине.

В 2012 году моя дочь была в Берлине, пришла в этот храм, подошла к настоятелю, сказала, что она внучка когда-то служившего здесь отца Андрея.

«Мы знаем, что отец Андрей здесь служил, помним о нем. Посмотрите, какую память он нам о себе оставил». – И отец настоятель подвел ее к Голгофе. На оборотной стороне креста прикреплена табличка: «Дар Храму Воскресения Христова в Берлине от Сокольнического Храма Воскресения Христова в Москве».

Отца Андрея помнят в далеком Берлине, его помнят в московском Сокольническом храме – спасибо настоятелю отцу Александру, и дай Бог, чтобы мы, его потомки, не забывали о нем и рассказывали своим детям о замечательных людях – протоиерее Андрее и его супруге Екатерине Петровне.

Вот, мои дорогие, и все, что я с любовью ко всем вам, живущим ныне, и тем, кто появится потом, хотела рассказать о самых дорогих моему сердцу людях. А записала мои воспоминания племянница, дочь моего брата Кирилла, Мария.

Редакция журнала «Симбирскъ» благодарит Марию Кирилловну Расторгуеву за предоставленные для публикации материалы.

В тексте воспоминаний приводятся стихи Марии Андреевны Расторгуевой.

Мария РАСТОРГУЕВА родилась 14 марта 1928 года в волжском городе Сызрани. Стихи начала писать подростком. Тонкое поэтическое видение мира, которое не покидает ее в течение всей жизни, и внутренний поэтический ритм, который подчиняет себе ее эмоции и превращает их в стихи. Умерла Мария Андреевна в 2016 году.

«Маленькие молитвы, облеченные в стихотворную форму, не сочиненные, а рожденные в таинственной глубине души, – так я воспринимаю творчество Марии Андреевны». (Племянница Мария Кирилловна Расторгужева.)

ЗАВЕТ ОТЦОВСКИЙ ИСПОЛНЯЯ...

ОТЦУ

Ты во Христа меня крестил,
Когда на свет я появилась.
Христовой истине учил,
Когда толпа над ней глумилась.

Тебя давно на свете нет,
Но если мне еще поется –
Лишь потому, что твой завет
В душе навечно остается.

1977 г.

ЛАМПАДА

Вот я опять перед иконой
Лампаду яркую зажгла,
И будто чудо совершилось, –
Я словно в детство возвратилась
И в отчий дом опять вошла.

Какой дом ветхий, бедный, старый,
Но сколько света и тепла.
Какою нежною отрадой
Здесь наполняются сердца...

Отец вошел, благославляя,
На стол просфирку положил.
Какая простота святая,
И сколько непомерных сил.

Благодарю безмерно Бога
За этот яркий огонек,
Что перед смертью, у порога,
Увидеть прошлое помог.

1978 г.

ЗАПРЕЩЕННАЯ ЕЛКА – 1931 ГОД

(В эти годы украшение елки было запрещено, как «пережиток прошлого»)

Плотно окна занавешены,
И задраены все щелки,
Чтоб соседи не заметили
Огоньки зажженной елки.

Трепетало сердце детское,
Когда елку украшали.

Да не елку – просто веточки
К длинной палке привязали.

Эти ветки очень тайно
Одна добрая душа
Под покровом темной ночи
Нам из лесу принесла.

В табуретку ель воткнули,
Низ закрыли простыней.
Сверху елка засветилась
Вифлеемскую звездой.

К веточкам огарки малые
Прилепили, как смогли.
Хором все Христа прославили,
Сели кушать пироги.
(Чья-то добрая душа
Помануть своих родителей
На канун их принесла).

Господи! Прими в селение –
В светло Царствие Твое
Всех, кто нам помог в веселии
Встретить это Рождество.

МОЛИТВА

О, Господи, прости меня, –
я мало верю.
Крещусь, целую и люблю,
и лицемерю.

О, помоги мне, помоги,
чтобы без меры
К тебе я искренне несла
свой Символ Веры.

И руку мне свою прости –
к Тебе взываю.
Я в маловерии своем
изнемогаю.

Мою ты душу воззови
из смрада-тленья.
Дай причаститься ко Христу
в день Воскресенья.

1982 г.

ПОСЛЕ ПОСЕЩЕНИЯ СКИТА

Я не достойна радости такой –
Чтоб наяву увидеть рай земной.
Средь вечных сосен, цветников и роз
Невидимо присутствует Христос.

Какая благодать вокруг и тишина,
И к горным небесам возносится душа,
И церковь белою невестою стоит,
И колокол в тиши лесной звучит.

Бывает миг, когда Господь, по милости своей,
Хоть под конец, хоть при закате дней
Покажет рая светлого лучи,
Чтоб было легче крест к могиле донести.

Так и со мной случилось наяву
В полуразрушенном святом скиту.

2005 г.

Года за два до своей смерти, значит, в 1968 году, отец сказал мне: «Когда ты будешь в Италии, в Риме»... Я с недоумением и испугом посмотрела на него, решив, что он начал заговариваться – в те годы мы жили за «железным занавесом». Он понял мой взгляд, но продолжил: «Ты обязательно будешь в Риме. Прошу тебя – поклонись от меня собору Святого Петра».

В РИМЕ У СОБОРА СВЯТОГО ПЕТРА

Завет отцовский исполняя,
Стою, дыханье затая,
Живая или неживая
Перед святыней Божества.

Апостол Петр протягивает руки,
Меня зовет войти в свой храм,
Забыть свои земные муки,
Вкусить небесный фимиам.

И я за дверью оставляю
Весь груз моих прошедших лет,
К ногам святого припадаю,
И голубиный вижу свет.

Здесь всех любовь соединила
Рукою гения творца.
И руку ту благословила
Святая сила Божества.

Декабрь, 2010 год

ПОСВЯЩАЕТСЯ МОЕМУ ОТЦУ

Ты ушел в воспоминанье
Преисполненный страданья,
Весь из света и сиянья,
Полон Веры и Любви.

Ты ушел не побежденный
Веком подлости и лжи.
Бескорыстный, обновленный,
Был примером доброты.

Ты ушел благославляя,
Должникам долги прощая,
Завещая нам в наследство
Только Веру и Любовь.

И для нас придет прощанье
С этой жизнью земной.
Мы в надежде упования
Снова встретиться с тобой.

Ноябрь, 2009 год

ВЕСНА В СТАРОСТИ

Вот пришла весна.
После зимних бурь
Бьет в мое окно
Вешняя лазурь.

Вот и месяц май
К нам стучит в окно.
На душе моей
Тихо и светло.

И на склоне лет
Любишь все сильнее
Этот шум листвы,
Эту тишь полей.

В старческой крови
Вешнее тепло.
Музыка стихов
Льется так легко.

И мои стихи,
Словно ветерок,
Словно жизни всей
Пройденный итог.

Весна 2010 год

БОГУ БЛАГОДАРЕНИЕ ЗА МОЕ ВЫЗДОРОВЛЕНИЕ

Благодарю Тебя, Господь, за чудо мироздания,
Что в этом мире я живу,
что я Твое создание.

За каждый миг, за сердца стук, за легкое дыхание...
Благодарю Тебя, Господь,
что я Твое создание.

За день и ночь благодарю и за стихов звучание,
За всех людей Тебя молю -
все мы Твое создание.

И если скоро я уйду в загробное слияние,
Возьми, Господь, меня к Себе,
ведь я Твое создание.

Февраль, 2014 год

ОТЦУ

Лампада горит пред иконой святой
И в душу снисходят любовь и покой.
И верится – жизнь ненапрасной была,
Коль с детства лампада была зажжена.

Ноябрь, 2014 год

ГЛУБИНКА

Виктор СЕРГЕЕВ, прозаик, член Союза писателей России, родился 27 июня 1943 года в селе Чуфарово Майнского района Ульяновской области в крестьянской семье. Автор книг: «Первый круг», «Родственники», «Рыжие берега», «Синее небо с белыми облаками», «Свидетельницы». Живет в Ульяновске.

ГУСИ НА КРЫЛО

ПОВЕСТЬ

Если серьезно, то нынешний календарь путает наше мироощущение: сначала встречаем Новый год, то есть подчиняемся карнавальному настроению и блеску фонарей, а затем, искушенные праздничным соблазном, приглядываемся к скоромной пище и сладостям, прерываем долгий пост, а Рождество ожидаем с грехом.

Невообразимая людская толчея не только на базаре-рынке, но и на подступах к нему.

У входа, чуть в сторонке, мужчина средних лет, какой уж день, буднично и просто – почти по-домашнему, торгует огромными упитанными гусиными тушками, на коих ярко и навязчиво синеют штампики ветеринарной службы.

– К праздничному столу эдакого бы гуся, – сказал я, жалея про себя, что покупка не по карману. – С гусятинки-то и на ядреном морозе жарко. А то зябну не знай как, – добавил жалобно.

– К столу гуся нельзя. Вдруг встанет на крыло? И прощай ваши денежки. За полтысячу рублей предлагаю. Через год-другой – на тысячу потянет, – ответил продавец, аппетитно прихлебывая горячий чай из одноразового стакана.

Странный продавец: другой бы уговаривал купить, нахваливал тушки, а он выдал шуточку, похожую на аллегорию – не каждый человек и поймет. Ему, наверное, нравится сидеть на морозе и смотреть на базарную сутолоку, общаться с незна-

комыми людьми, чем распродавать домашние продукты.

...Спустя полгода, то есть летом, мне пришлось снова столкнуться с ним. Я пристрастился к бутербродам из дешевой колбасы, зачастил в соседний магазин, заметив в нем немало изменений: стал чище, светлее, и просторнее. В тот раз пристроился к очереди за ливерной колбасой (редко бывает на прилавке, особенно печеночная). Впереди меня перетаптывался и слегка нервничал мужчина с розовым мотоциклетным шлемом в руке... Он ворчал себе под нос: «Товар ходовой, но продавщица отпускает вяло и неторопливо. Видать, не выпалась. Может, детки хворают? Дело молодое...».

Магазин находился на бойком месте, выбор колбас, если судить по меркам той поры (после отмены талонов), был весьма широк... Правда, настоящей колбасой, то есть мясной, там и не пахло. Но вот ливерной, оказывается, захотелось не мне одному.

Подошедшая новенькая продавщица, симпатичная, румянощекая женщина лет тридцати, не оживила людскую очередь.

Первая спросила ее:

– Погодка не обмякла? Не потеплело? Дожди зачастили.

– Ох, Марина, погодка мерзкая. Прямо из дому не выходила бы. Спала и спала... – Она с томной нежностью повела плечом, всколыхнув под полупрозрачной тканью халата высокую и упругую грудь с густо-коричневыми сосками.

Мужики, стоявшие восьмеркой у прилавка, переглянулись со смущенными улыбками.

«Кормила ли она пышной грудью дитяти?» – подумалось.

– Погоду назвала, красавица, язык не повернется и повторить. Любая – хоть ненастная или ясная, знойная или студеная: погода прекрасна и хороша! На зорьке встаю и молюсь: слава Богу, жив и здоров. Дышу утренней прохладой полной грудью, босиком хожу и радуюсь всему живому, обмываю ноги росой, – восторженно, одновременно и буднично, вроде посемейному, словно все вокруг него стояли близкие, проговорил мужчина со шлемом, мой зимний знакомый, хозяин гусиных тушек.

– Ненастье надоело, – оправдалась молодка, не подняв глаза на мужчину, словно не ему ответила, а продолжила беседу с Мариной. – И тополиный пух застит глаза, лишний раз щуришься, морщин наживаешь... А мне это надо? – жаловалась.

– Вон какая гордая! А если и тебя, Божье создание, покрепче назвать? – придирался он с шаловливой улыбкой на губах. И что похвально: он не искал поддержки у очередников. – Вой подыметь... Денежки ловко считаешь, не уследишь. Охранник пялится в нашу сторону, думает, не грабим ли...

Марина оглядела очередь, встревожилась и заработала поживее. Локтем коснулась до молодки и шепотом попросила помолчать, не на базаре и не на танцах.

– А чо я? Профессия такая – чужие деньги ловко считать, – буркнула в ответ молодка.

– Нынешней весной, скажу вам, горожане, природа ожила в два счета, – продолжал о своем мужчина со шлемом. – Трава вымахала по колено. Корова с

луга возвращается вот с эдаким выменем. – Он развел руками с тем пристрастием, с каким рыбак-удочник хвастается упущенной рыбой. – И в вашем холодильнике, гляжу, дух коровий: молоко, маслице, сметанка в пакетиках. Но все это добро прошло через заводские машины, натуральный вкус молока утрачен. А я утром выпью литрочку парного, оближу губы и до обеда сыт.

– Эй, деревня, давай без очереди, а то все уши прожужжал, – поторопила Марина.

Она часто беспокойно поправляла полы скользкого и прозрачного, из химической ткани, синего халата. Практичным не назовешь. Перед зеркалом долго осматривала халат на себе, да и на напарнице, видно, что рабочая одежда, навязанная заведующей, для молодежьих продавщиц годна, а не для старых дев. Замечала и другую несурязицу: во многих супермаркетах продавщицы снуют-бегают не в фирменных спецовках, а кто во что горазд.

Пробежав пальцами по пуговицам халата, как гармонист по ладам, Марина прикрыла ладонью глубокий вырез в халате на груди, где белел свежайшей чистоты и опрятности край с ажурным рисунком комбинации. Волновалась! Будто не за прилавком стояла, а в своей спальне, потому и не ладилась работа, чувствовала себя скованной. Не могла понять: что же повлияло на нее, что же сбило с толку?

– Ладно, Марина, пусть мужичок балакает, а то скучища смертная, – упрасивала молодка. И вполголоса прикинула: – Видать, холостой, если с губ некому остатки молока слизывать?

– Ну, Люда, хуже горькой редьки надоели побасенки, – сказала Марина.

Чтоб не выказать горечи в глазах, опустила голову: понравилась подружкина наблюдательность.

– Где Марина, там и Мария. Разве не знаешь, от кого пошло твое имя? – с мягким укором спросил мужчина со шлемом, встретившись с ее грустным взглядом.

Согнав с лица тень досады, Марина направилась к двери подсобки. Испугал близкий, но, кажется, праздный и легковесный разговор. Не он один подступал, да напрасно: не отзывалась. Этот чем-то тронул ее сердце. Не похоже, чтоб просто так кокетничал, хотя сердцееду удается при любых случаях любезничать и заигрывать. Кто он? вдовец или закоренелый холостяк? Последние не очень-то общительны, а перед девичьей вовсе робки и стеснительны. Разведен, вот и ищет себе новую спутницу.

Деревенскому мужику, если не связан с вином, дом без хозяйки – не дом, а холодное и неуютное жилище. Не ошибается ли добрый молодец, что обхаживает городских женщин? Не лучше ли поискать подругу поближе от дома родного?

Напарница взвесила колбасы разговорчивому мужчине спокойно и молча, словно обрадовалась, что наконец-то приблизился и можно было разглядеть – какой из себя... Поглядывая на него вороватыми взглядами, она аккуратно завернула колбасу прозрачной пленкой в два слоя, подала ему с четко произнесенными словами «пожалуйста, сударь», будто осталась довольна увиденным, хотя почудился староватым, вернее – пожилым и уставшим.

– Красавица, не искушала бы перезревшими

ягодками. Вдруг деткам не достанутся. Или выкормила наследников? – сказал он с игривой настороженностью, ожидая словесного отпора или обиды. И положил на блюдечко три сотни рублей.

Напарница Люда не смутилась от похвалы, не зря догадывалась – для кого мужчина «разорядся». И все-таки поторопилась прикрыть грудь фартуком, затянув его пояском.

Зато подошедшая Марина, переодетая в плотный белый халат, про себя удивилась сравнению груди с перезревшей ягодкой. Поняла, что с нею он разговаривает совсем другим языком, пошлости не позволяет.

– В деревенском доме бычка или телочку отпаивают молоком, а замахнулся на ливерную колбасу? Беззубый, наверное? – проговорила Люда, обратившись к Марине. Чтоб замять его интерес к ним, она смело разбрасывалась броскими словами.

– Эх, напрасно упрощаете себя, – заметил он с улыбкой на губах и в глазах. Возле глаз по тонкой коже веером разбежались морщинки. – На вашу фамильярность не обижаюсь. Вы же с людьми работаете, – добавил. Любопытно было, что обеих легко втянул в водоворот своего любезного разговора.

В поредевшей очереди не ворчали, как обычно, полуслушную перепалку слушали по-разному: кто внимательно, кто рассеянно...

– Не волнуйтесь, зубы пока целы, ни одной пломбочки, – похвастался. – Маме моей пожелалось ливерной колбаски. И родных теток угощу. В молодости привыкли к ней, а другую не признают. На дорогиюто – денежек не нашли, трудились за палочки, назывались трудоднями.

– Маменькин сынок, значит, – благодушно отозвалась Марина. Крылышки ее ноздрей заходили ходуном. Глаза затуманились от набежавших скупых слез: представила свою маму в деревне, будто давно не была у нее.

– Мы все от матери: и вы, и я, и... – Он показал на очередников. Столкнувшись с моим взглядом, протянул руку для приветствия. – Что, зимой купишь гуся? – спросил.

– Накоплю денег, куплю. Если Бог даст, – ответил я.

– Эх, три гусыни дружно насидели племя, всю луговину заняли, щиплют и щиплют траву-мураву. Год удачный! – поделился он громким голосом, чтоб слышали продавщицы.

– То-то барышень веселишь, – не промолчал я.

– Слушай, Марина, молодница озабоченная, – подал голос за моей спиной беззубый старичок с небритым подбородком. – Бабье ли дело, скажи на милость (слово «милость» произнес без буквы «т»), с мужичкиным умом тягаться? – Он вышел из цепочки очереди. – Селянин подбивается к вам не с праздным умыслом. Не будьте дурами, не упускайте шанс. Или и вы загляделись на смуглых да на чернявых, что при дармовых деньгах?..

Чем свои, белобрысые, хуже? И фонаря не надо.

– Может быть, и дура, но счастливить бычка с голубыми глазами не собираюсь. С чего вы взяли? – возмутилась молодка Люда, разобравшись, что ухоженному и справному мужчине со шлемом приглянулась Марина. Не случайно зачистил в их магазин.

– Дед, благодарю за помощь, – сказал мужчина со шлемом. – Зимой подойдешь к мясному ряду,

уступлю гуся подешевле. Добрых людей не забываю. А на дамочек не в обиду. Они живут одним днем. И только о себе пекутся! Потому и постоянные капризы: погода, дескать, наводит тоску, печаль и уныние... Вот последнее-то ни к чему.

– Вроде не старый, а прежнюю жизнь ворошишь, как вчерашний день, – то ли погадала, то ли просто спросила Марина. Оттеснила напарницу от кассового аппарата, строго наказала прибраться в холодильнике.

– Не в оправдание будет сказано, Марина: без прошлого как прожить? Приятно общаться с людьми, на коих можно положиться. И равняться тоже, – сказал мужчина со шлемом. От прилавка не отходил, ждал угасания очереди, чтоб поговорить с нею наедине.

– Это вы о себе? Разве не своим умом живете? – спросила Марина, уткнувшись в свою руку выше локтя, чтоб спрятать благодушную улыбку на губах.

– Хвастаться не умею. Весь на виду.

– Ну и мы: как умеем, так и живем. Из общего потока не выскочить бы, – ответила Марина, понявшая, что отвлеченными признаниями узнавали друг друга. И скрытно просияла.

– Умница, умница, Марина. И в кого? – похвалил шутливо, будто знал ее близких и родных. – Не верится, что боишься жить наособицу. Выделиться многим хочется, но удастся избранным, – рассудил сдержанно.

– Чем ваша жизнь разнится с моей? – с упрямым холодком спросила она.

– Жить с любовью ко всему живому на света не каждому суждено. В нашей жизни трудно избежать дурных, злых и завистливых мыслей. У тех, у кого получается, под лопатками вырастают крылья, – уклончиво и замысловато ответил, надеясь, что мудреной речью не отпугнет красавицу со жгучими глазами.

Марина улыбнулась и стала заниматься своим делом ровнее и спокойнее, чем полчаса назад. Умышленно молчала, чтоб успокоиться и на ходу взвесить свои думы, будто с неба упавшие, и его словесные кружева в том числе, похожие на признание близкого человека, виноватого перед ней.

– Гляжу, огорчена? Или мои слова неверны? И не коснулись твоего сердца? – настаивал высказаться, понимая, что от понуждения слова неискренни.

– Занял душу на скаку. Работа не ладится. Заведующую позвать, что ли, чтоб отошли, – пострашала Марина, обращаясь к нему то на «вы», то на «ты».

– Да ни к селу ни к городу ваша хозяйка, – тихо вымолвил он с жесткой обидой. В его приглушенном голосе Марина уловила нотки твердого характера.

Чуть не зарывав от досады, что его рассуждения запутали ее, Марина аккуратно положила связку сосисок в коробку, стоявшую поодаль, и, уронив с прилавка блюдечко с монетами, убежала. Себе под нос пробормотала: «Вот привязался. Как лист осенний прилип».

В очереди заговорили:

– Мужик задел в ее сердце ослабшую струну, фальшиво зазвучала.

– Вы правы: как только мужик взялся за настройку, так баба сразу занервничала.

– Старая дева, видать, привыкла к одиночеству, боится сбиться с ритма. И хочется и колется... Есть

опасность остаться вечной бобылкой. Не склонится сейчас к кавалеру, то – прощай молодость...

Напарница Люда собрала с полу монеты и заняла место Марины. Будто бы безучастная к тому, что только услышала о Марине (хотя сравнение с ослабшей струной задело до боли), ей не удалось уйти в себя и замкнуться: лицо побелело, почувствовала себя устыженной, будто позавидовала, что не в ее душе буря зародилась. И самой хоть убегай от оценок неизвестных мужчин, никогда не слышала подобной правды.

– Ничего, солнышко выглянет, тогда настроение смягчится и у самого угрюмого человека. Нынешняя погода и вправду наводит тоску да печаль. Не каждому понять и осмыслить ненастье природное. А житейское ненастье не каждый претерпевает без срыва, – проговорил мужчина со шлемом. Лицо его широко-скулое, напротив, побагровело то ли от смущения, то ли от стыда, что Марина убежала из-за него.

– Эй, мужик, растолкуй, какая из них понравилась? Или обе? – спросил беззубый старичок. Вроде отоварился колбасой ливерной, но задержался послушать молодых.

– Мужики, любезный, на нарах, а не в магазине с миллионным доходом, – съязвил в ответ мужчина со шлемом, словно позабыл, что несколько минут назад благодарил его за помощь.

– Убежавшая девица с виду замкнутая и молчаливая, но этими чертами она прикрывает свою открытость. Боязливая и робкая от природы – доверчивая среди своих, но городская жизнь научила бдительности и осторожности, – продолжал беззубый старичок без обиды. – И понять ее можно и нужно: засиделась слегка... Замужняя баба помягче и добродушней в беседе, а эта и не уступит... пока не почувствует себя полноценной женщиной, то есть семейной, с детками под крылом. У меня жена в девках была колючей ежа, а пожилы вместе с десяток годов, то куда и спесь подевалась, притихла. Оба привыкли и смирились! А кроме семьи, друзья-товарищи, ничего лучшего на свете не было, нет и не будет. Запомните и зарубите на носу.

К напарнице Людмиле подошла сорокалетняя блондинка, заведующая магазином. Назвав мужчину со шлемом Тишей, она удивилась, что он стоял в очереди, дескать, не узнает давнишнего упряма... и в одиночестве не переменялся.

Марина вернулась (успела прихорошиться, надела на тщательно прибранную прическу новый накрахмаленный чепчик) в момент шептания напарницы с заведующей.

– На минутку отошла и уже секреты, – броско сказала Марина. – Ольга Николаевна, вы с ним знакомы? – кивнула на Тишу.

– С Тишей-то? – нарочно переспросила заведующая, чтоб показаться незнающей.

Марина с тревожным любопытством в серых глазах оглянулась на открытую дверь кабинета начальницы, будто намеревалась снова убежать туда и запереться. Но остановило безлюдье: очередь исчезла, они вчетвером остались.

– Как его не узнать, если целый год кружится возле нашего магазина? Охранник недоброе заподозрил, но однажды поздоровалась с Тишей, и охранник успокоился. Он и сейчас вышел на крылечко поку-

пить. Марина, не догадываешься, почему Тиша торит-ся? О таком и помечтать не грех. Пусть постарше лет на двенадцать, зато... как видишь, мужчина видный и порядочный. Не курит и не пьет, – последние слова заведующая произнесла с усмешкой, зная, как он не любит похвалу.

– Ольга, вспугнешь девку, – заметил Тихон.

«Чтоб отвлечь от себя внимание, Марина намеренно показала себя вздорной и вспылчивой. Она совершенно другая! Не обманешь, наблюдаю больше года. Да и хозяйка набирала продавщиц по рекомендации», – подумал он.

– Здесь что происходит? Заговор какой-то... Я вам не ливерная колбаса, – повышенным голосом произнесла Марина. От волнения в груди скопился непривычный жар, даже поморщилась от жжения. Невольное сватовство приняла за розыгрыш. Заведующая любит устраивать смешные спектакли. Хотя и без намеков проявилась будущая судьба – со дня на день магазин закроется, а другого места не подыскала.

– Ну, дорогая, познакомься поближе: мой любезный землячок и школьный товарищ, за одной партией сидели с третьего класса. Тиша считался тихоней! С годами посмелее стал, порою непредсказуемым. Видимо, я руку приложила! Похожих мужиков ныне не так просто сыскать. А тут, смотри-ка, сам пришел. Зов сердца не обманешь. Упустишь человека, поплачешь после... А тебе пора оформляться, время не терпит пустой суеты. Сама видишь, что творится вокруг. Гляди в оба, иначе запросто сомнут и затопчут, без защиты-то...

– Имя-то у тебя какое, женишок? – недослушав, спросила Марина, протянув через прилавок белую ладошку ребром.

– Зовут зовуткой, а величают уткой, – простовато ответил он. Поймал ее ладонь и «утопил» в своей ладони. Тут о сжал и потряс ее руку, обрадовавшись близкому знакомству.

Марина высвободила свою ладонь и усталилась на его ладони, кои Тихон развернул вверх и положил на прилавок. «Настоящие сковороды», – оценила она, не почувствовав тяжести и боли в пальцах после пожатия, догадываясь, что он пощадил ее. Где-то вычитала: человека выдают не только глаза, но и руки. Хорошие они у него, показалось ей.

– Мать родная зовет Тишей. Дома Ольга скликала по отчеству – Михалычем, а при людях – тоже Тишей, как сегодня (ваша начальница в свое время числилась моей супружницей, четыре года помаяли друг друга и разбежались по своим норам, вернее – убежала она), близкие и знакомые зовут Тихоном. Заглазно кличут и Гусаком. Увы... от гусей отказываюсь потихоньку, не до них...

– Ольга Николаевна, насказали-то сколько!.. Мне в обморок упасть или погодить? – с насмешкой произнесла Марина, туго сжав на впалом животе разошедшиеся полы накрахмаленного халата.

– Сама и решай, не маленькая. Халатик поберегла бы, – строго ответила Ольга Николаевна. По сдержанному вниманию Марины почувствовала, что она не против познакомиться с ним поближе. И лукаво-хитрые изломы от усмешек на устах девицы – лишь отвлекающие жесты, чтоб не разгадали причину ее бодрых усмешек.

– Коль так серьезно (она нарочно произнесла слово «серьезно» в простонародном варианте), то попробуем порешать задачку, – задумчиво заявила Марина.

– Послушайте, соработницы мои, – обратилась заведующая. – Старшая моя дочь, вот Михалыч не даст ошибиться, наша, совместная, – не без гордости добавила.

– Что же вас заставило сбежать от хорошего да пригожего? До упаду ревновал? – озорно играя голосом, допытывалась Марина, мысленно одернув себя за вольный тон и за любопытство, словно не видела смысла подстраховывать себя, догадываясь, что спор не только намечен, но и решен. Потому ей не хотелось давать повода, чтоб заведующая – женщина бывалая, прошедшая огни и воды, – не обгорев и не намокнув, мало того, давно убежавшая от Тихона, который с той поры, возможно, сильно изменился, наговорит о нем охапку ненужных вещей. Сама же поставит себя в лучшем виде. Марине не хотелось узнавать о нем со слов бывшей жены, если нужно, сам расскажет о себе.

Марину настораживали его прямодушные вопросы, похожие на вопросы при допросе нашалившегося дитяти, потому и откликалась невпопад либо с усмешкой, а то и вовсе трунила, боясь отпугнуть мужика. И рассуждения его носили общий характер – значит, не кокетничал и не любезничал, чтоб просто время провести, и вроде бы не касались собеседницы, ради которой, думалось ей, он часто заглядывал в магазин.

Она не замечала, чтоб он навещал свою бывшую жену. Бывали моменты, он поучал обеих продавщиц либо делал замечание, точно был близким или знакомым человеком, вроде по-братски остерегал от промашек и ошибок в работе: в любое время дня, независимо от настроения, общались бы с покупателем вежливо и обходительно. Но чаще всего он обращался к Марине, правда, всегда что-то недоговаривал, хотя и видела – навязчивостью давал знать о своем желании услышать от нее хотя бы не прямой ответ, пусть и в шутивно-насмешливом тоне, как любила она делать: напрасно-де притоптал дорожку к прилавку.

Она иногда фантазировала и представляла, что если между ними что-то и произойдет, то он даст ей столько свободы и власти в доме, что некоторое время спустя может и не вынести тяжести домашней власти и вынуждена будет прибегнуть к капризам со слезами, ведь жить-поживать в одиночестве – это одно, а с мужем – другое. Теплилась надежда на прощение всех-всех ее слабостей (с кем не бывает?), хотя он может и не заметить за нею ничего худого и предосудительного, скорее всего – бабьи капризы и слабости примет за отзвуки ее девичьих страданий, потому смирится с ними либо вовсе не обратит внимание, как не обижается и не сердится на нынешние ворчливые ответы. Возможно, замечает – и остро, но прощает великодушно? Она боялась его опыта, опыта разведенного человека. Вдруг вздумает лепить из нее послушную дуру, чтоб после узнавал в ней черты характера и привычек первой жены.

– Грязи и навоза испугалась ваша Ольга Николаевна, – не утаил Тихон обиды на бывшую жену.

Марина не сразу осмыслила его оценку, больно размечталась...

– Ой, где ты, голубушка? – тормошила Марину Ольга Николаевна, выводя из забытья. – Наоборот, изводила ревность к его полной власти надо мной: ни копейки не давал в руки. Знаете же, каково мне без денег, даже без чужих. Тиша строг с расходами, скуповат. Нижнее белье для меня покупал сам, – открыла давнишнюю семейную тайну.

«Вот как! – чуть не вскрикнула Марина. – Взаимными упреками не выказывают ли заговор против меня? Между нами полоса отчуждения быстро сузилась, ну и... И верно: прежде числила его совсем незнакомым, почти чужим, а теперь... издалека нужно здороваться».

– Ладно, девоньки, мне пора, – засобирился Тихон, подавленный худым настроением Марины. Он даже постучал шлемом по прилавку. – Ольга, Марина, Людмила, приезжайте в гости, будем очень рады. Ольга, привози дочь. Свою к Бирючу, возможно, по берегам уродится луговая ягода.

Оставшись одни, женщины посудачили о Тихоне. Ольга Николаевна сокрушалась, что не передала поклон свекровушке.

– Вы серьезно прочтите мне своего бывшего муженька? – спросила Марина с цепким вниманием на лице. – И считаете, будто должна осчастливить старика? – спросила с оглядкой на напарницу Людю, которой тоже, судя по ее скованному и напряженному состоянию, не нравилась затея со сватовством.

– В сорок лет мужик не может быть стариком. Тем более Тихон. Что уж ты, Марина, или слепая? – примирительно проговорила Ольга Николаевна. Глазами искала поддержки у притихшей Людю. Но та молчала. И у нее судьба ничем не отличается от судьбы Марины. Обе засиделись!

Марина, стыдливо опустила голову, будто догадывалась о мыслях начальницы. Задумалась, выпятив губы дудочкой.

Заведующая озорно позавидовала: эти сочные губы скоро будет целовать Тихон.

– Неужели и меня считаете старухой? Я ведь сватаю от души. Люблю вас! – проговорила она, будто отчитала.

Марина, не подняв головы, нежно обняла Ольгу Николаевну и залепетала над ухом: она-де имела виду не возраст, а широкую практичность, неженскую ловкость, сноровку и смелость в делах. А уставший мужчина с темно-коричневым загаром показался пожилым и недоступным. И не знала о нем ничего (за день промелькнет покупателей – не счесть). Она подхватила заведующую под руку, подмигнула заговорщицки Людмиле, даже хохотнула с приседанием и отвела начальницу в кабинет с открытой дверью. Вполголоса спросила:

– Скажите, были бы свободны, так сказать, по старой памяти, вернулись бы к нему? Гляжу, разведены, а по-родственному близки в общении?

– В жизни всякое бывает. Но наивной быть не хочется. Не зря ты назвала меня ловкой да сноровистой, – ответила заведующая, не удивившись вопросу. Она потрогала покрасневшие мочки ушей, будто засомневалась – на месте ли золотые сережки с благородным камнем.

– В наивности и простоте ничего плохого не вижу. У меня же не праздное любопытство, – нерешительно

тельно возразила Марина, встав в позу обиженной. И руки подняла к груди. Надо бы похвалить ее новые золотые сережки, но сделала вид, что не заметила. По этой причине, наверное, заведующая и понервничала.

– Тогда послушай: год назад Тихон овдовел. Дочка и сынок учатся в старших классах. А совместная дочь, как знаешь, заканчивает университет. С него алименты не взыскивала и не беру.

– Да-а... богатенький, – нараспев произнесла Марина. Постоянная и привычная мысль, что ей не уйти от счастливого материнства, пусть дети будут и не свои, всегда радовала и уводила от уныния.

Сейчас задумалась о неизбежном: «Сначала с заведующей погорюю о несчастье чужого человека, а вскоре – придется горевать одной или вместе с Тихоном».

Забывать бы нынешний день, не похожий на недавние, но Тихон напомнит о себе и вспомнит именно этот день. Боялась оставаться в магазине наедине с неожиданным и разговорчивым покупателем со шлемом в руке. Он, точно нарочно, подбирал редкие минуты, чтоб в опустевшем и безлюдном магазине повести серьезный разговор, к которому она не была готова. Тут уж шуточками не отделаешься. Чтоб он не причислил себе причину ее волнения и изменения цвета лица, она переставляла коробки под прилавком либо низко наклонялась над открытым холодильником и перекладывала продукты и без того аккуратно уложенные для обзора.

Настроение уравнивалось не без помощи изменившейся напарницы Люды. Прежде подруга с холодком посматривала на Тихона, но в последнее время настороженно и изучающе поглядывала на него, вроде ставила рядом с ним своих многочисленных поклонников, сравнивала и оценивала. Хотя не замечала в ней тревоги за женское будущее, будто была уверена, что по-прежнему бодрая, веселая и цветущая, вроде не изматывала работа. Однажды проговорилась: не удастся, мол, найти спутника по сердцу, так сестрины детки пожалеют и окружают заботой... сухарик с водицей подадут. Тут же оговорилась: пока не подсластишь им ручки, то вряд ли подадут напиток, своих забот полно.

– Тиша – мужик, скажу тебе по секрету, хорош по всем статьям, – улыбочиво начала Ольга Николаевна. – Не из последних, но общая беда всех одинаково ломает. У него и своя... – отмахнулась. – Мы редко встречаемся. При общении, как ты думаешь, никакой странной или порочной мысли не всплывает. На наших устах: дальнейшая судьба дочери.

– О чем вы? Откуда вы взяли? Я так не думаю, – с испугом сказала Марина, тронув собеседницу за руку. «Надо же, заподозрила в ревности», – подумала.

– Да все о Тише! Ему тревожнее и труднее сейчас, чем нам. Но жалости к себе не любит, пусть и не гордый. Его не жалеть надо, а поскорее идти на помощь: мать старенькая и немощная, дети – отроки, материнской ласки лишены. Недалеко то время – Тихона подкараулит одиночество. Не привык бы ко вдовству, да и сам опасается, тогда и жена не нужна. Очерствеет. Вот и торопится со знакомством, потому кажется навязчивым и скучным. И веселиться-то некогда! Дела, дела...

– Он чем занимается? – сухо спросила Марина.

– Сначала в совхозе в главных экономистах

ходил, а затем поработал главным бухгалтером. У нынешнего-то хозяйства и название другое, а все равно лежкой лежит. Поля зарастают кустарником, осиной, березой... лес наступает. Там грибы ищут и находят. А раньше над ними жаворонки пели песни...

– Он такой грамотный, а не боролся? – прервала Марина.

– Тихон пытался сохранить производство, брал на себя непосильные заботы, но всеобщий разор давил все его чаяния и намерения. Пропало желание сопротивляться. И в один момент пустился в одиночное плавание, хотя лодочка с дырявым дном. Крестьянствует с грехом пополам. Видимо, нужна заставила продать легковушку, на мотоцикле гоняет. Погребика двумя веслами в шторм.

– Ольга Николаевна, у вас все морские термины? – спросила Марина, кротко улыбнувшись.

– Муж-то у меня флотский человек, – ответила она с чувством гордости. И примолкла, словно прислушиваясь к только что сказанным словам. «Неужели такая скрытная, что сотрудницы ничего не знают?» – удивилась про себя.

– Сразу заметила в Тихоне деревенского, – сказала Марина. Чтоб уловить – искренние ли ответы, она разными вопросами рассеивала внимание начальницы.

– Да-да... У него дело новое, хлопотное. На Ваньку-Маньку не кивнешь, самому приходится все делать, – поживее продолжила заведующая, довольная, что Марина назвала бывшего мужа по имени. – Занимался зерном и сахарной свеклой, а недавно закупил десяток красных телочек и бычков. Говорит, за живностью будущее... Сама видишь: колбасы вдоволь, а мясных – раз-два и обчелся. Не с чего взять. С чужого бережка не навозишься, – досказала с подъемом в голосе, будто о своем и близком. «Что с нею? Точно с трибуны», – заметила Марина.

– С вами он не очень учтив, – сказала Марина. Час назад хотела сделать похожее замечание и Тихону, но промолчала, иначе бы попала впросак, то есть подтолкнула обоих к хитрой ухмылке, так как не знала об их давнишней совместной жизни.

– Ох, до тебя пока дойдет... С простотой и чистотой пропадешь ведь. У безобидного ежа и то иголки.

– Похвалой пугаете, Ольга Николаевна. Не боюсь.

– Знаешь, по-моему, у Тихона не загладилась временем старая обида на меня. То ли в шутку, то ли всерьез, может, от отчаяния, просит вернуться. На днях встретились на рынке, познакомила его с мужем.

– Флотский муж второй или третий? – осмелилась спросить Марина, зная, что знакомство, похожее на шуточный сговор или на невольное сватовство, понравилось заведующей, потому ответит на любой вопрос.

– И со вторым мужем – флотским человеком живу законно. Венчались в деревенской церкви. А те, что мелькали между Тихоном и флотским, просто пробные шары, – призналась Ольга Николаевна без тени смущения, словно речь шла о спектакле.

Она с мужем, но чаще одна, не пропускала ни одной премьеры в местном драмтеатре. Людмиле и Марине пересказывала содержание пьес, большей частью – из жизни королевского двора какой-нибудь страны Европы; мало того, говорила о тех, с кем виделась и с кем познакомилась.

О молодом таксисте, подвозившем ее к театру, она умалчивала. От Люды слышала: по его вызову – днем или глубокой ночью – она срывалась к нему. Или сама разыскивала таксиста, если он долго не давал о себе знать.

После очередной встречи с молодым полуболювником Ольга Николаевна приходила на работу румяная и уставшая. Но глаза прятала: либо голову клонила понизу, либо в сторону отводила, чтоб с Марии не встречаться взглядом.

Однажды пришла возбужденная и подавленная. Свой гнев распушила непотребными для чистого уха Марины подробностями мужской силы и слабости, мол, ни в коем случае не заводите ухажера моложе на десять-пятнадцать лет, так как кроме материального расчета никакое чувство не просматривается. Если не выгорит выгода в общении с пожилой женщиной, то назовет ее порочной и бросит.

Марина закрыла ладонями уши и убежала в кладовую. Не отпросившись, ушла с работы. Заведующая с опозданием поняла, что пересолила с подробностями, весь день вместо нее простояла за прилавком. Смиловилась, не наказала работницу.

«У нее, по словам Люды, так называемых «пробных шаров» и ныне не счесть. Муж догадывается о странных деловых встречах жены, но... смирился с мыслью: побегаешь да перестанет. Увядание не за горами.

Осудить бы начальницу, да у самой в душе грехи толпятся... Если вдуматься хорошенько, то что бы делали без ее «туманного» опыта? Во всей округе не сыщешь магазина лучше и богаче нашего», – подумала Марина с опаской, не проговориться бы вслух.

– Пятый или седьмой муженек – дело десятое, – вполголоса откровенничала Ольга Николаевна. – В обострении болезни мужа виновата сама. Ни врача малоопытного, ни мужа тихого и смиренного не виню. В свое время свою работу вознесла выше здоровья близкого человека. Хотела побольше заработать, а средства потратить на поправку нашего самочувствия. В работе расширился круг знакомых. Как говорится: не имей сто рублей, а окружи себя толпами друзей. Правда, иногда ни то, ни другое не помогает. Не учла одного: время калечит, но оно и лечит. Мужу полегче стало, воспрянул.

«Опасается за нас, не сорвались бы с Людой следом за ней. Не дай Бог, – помолилась про себя Марина. – Может, деревенский мужик ко времени? Всем существом привязан к гнезду, потому во сто крат надежней городского», – прикинула, хотя покоя на душе не ощущала.

– Мужу нужен постоянный уход, теплое и близкое внимание. Обнять и прильнуть всем телом, согреть, приласкать... Не удастся: все завтра да завтра... Пойти бы в продавцы-кассиры, чтоб подольше дома жить, а не в машинах мотаться и не в кабинетной клетке верещать, – раскаивалась Ольга Николаевна в какой уж раз.

– Значит, и Тихон оставался в одиночестве? – вслух предположила Марина.

– Нет-нет!.. – резко отозвалась заведующая. Коротким взмахом оголенной до локтя руки показала в окно. Поморщилась с огорчением в глазах, вроде не хотела вспоминать. – Пусть жизнь моя с Тишей – сладкая память юности беспечной, но на малую роди-

ну мне путь заказан. Могла бы и магазин там открыть не хуже городского. И Тиша в доме создал весьма сносные бытовые условия. Так что, милая, мой поезд ушел, а твой паровоз, оглянись-ка, вот-вот подкатит со свистом, дымком и паром...

В бытность моего женского расцвета Тиша давал мне столько воли, что от внимания назойливых глаз закружилась голова. Нет-нет, милая, не жмурься и не пугайся, справишься с волюшкой, ведь тебе перевалило за четверть... Не то, что я – соплюшкой выскочила. И характер у тебя – кремень! – Она примолкла. Похвала похвалой, но пора правду сказать: – Знаешь, девонька, – обратилась ласково, – Тиша нарочно будет испытывать и искушать тебя волей. Хотя ты и лидер по природе и по воспитанию, но... всякое в жизни бывает. Не выдержишь, так зла на него не держи.

– Ваша дочь общается с отцом? – спросила Марина.

– Наживешь своих, вот и узнаешь, какое бывает общение при таком раскладе.

– Почему же? У меня близкий пример есть, – тихо заявила Марина, собравшись в комок. – Мой двоюродный братец после внезапного развода сколько лет мается... Жена, с умыслом и заранее приготовившись, убежала... Дети оказались под опекой родителей и родни. Мужа дурно славил на каждом перекрестке, если случай подворачивался. Хотя дурной славы он не заслуживает. И детей настроили против отца, будто он умышленно бросил семью.

– А наяву как? – спросила Ольга Николаевна.

– До сих пор ищет причину ее бегства. Правда, догадаться не так трудно: волюшки захотелось. Но не такой, о какой вы говорили, – объяснила Марина, впервые столкнувшись с благодарной и широкой улыбкой Ольги Николаевны.

– Рада за тебя, – одобрительным тоном проговорила заведующая.

– Братцу за сорок. Серьезный и, как говорят, нормальный мужик, – не отступала Марина от своего брата. – Так и не женился. Первые годы тосковал и горевал... тяжело было глядеть на него. Ведь она – плутовка, сбежала, оставив его один на один с призрачной надеждой на возвращение. Скорее всего – испугалась его жестокого наказания, что не разрешит ей делать аборт.

Он хотел было отсудить сыночка, но родители отговорили, пусть с матерью дети подымаются. Мало того, она не подпускает его к ребятишкам, намеренно устраивает нетерпимые сценки-скандалы, часто прилюдные.

Однажды братец нечаянно повстречался с пятнадцатилетней дочкой, почти за рукав остановил. Сказал ей, что, мол, не приходишь? Она ответила: некогда. – Марина примолкла и зашмыгала носом. Заплакала. – Вот так, Ольга Николаевна, с родным отцом некогда постоять и поговорить пять-семь минут... Конечно, с бедненького взять нечего... Липнут к богатеньким.

– Тихон, скажу тебе, вспылчивый, придиричивый... Любит посудачить о пустяках, а порассуждать о высоком – хлебом не корми... А заметит неладное, тогда держись, – отвлекла заведующая.

«Дочке, видимо, нелегко дается учеба или другая причина тревожит, потому Ольга Николаевна не

жалеет, что она не бывает у отца. Интересно, а дочь хочет с ним встречаться? Не щадят ли обе отчима хворого?» – пришло на ум Марине.

Выросшая без отца, о чем сожалела, Марина не понимала детей, забывающих отцов. Поэтому отпрысков от разведенных родителей она причисляла к несчастным сиротам.

– Тихон разговорчивый, вернее – говорливый, как весенний ручеек, но болтливым не назовешь. Дела понуждают быть живым, общительным и проворным. Правда, Ольга Николаевна? – защищала Марина нового знакомого. Познакомила с радостью, а насаждала о нем столько всякого, что посредственным чудится.

– Зато лучше, чем молчун. Про него не скажешь: нашел – молчит, потерял – молчит, – ответила заведующая, рассеянно поглядывая по сторонам, точно думала о другом.

– В общем, дело за малым: дать согласие и готовиться к помолвке или к свадьбе, – с отчаянно-озорной усмешкой пролепетала Марина.

...Как-то пришлось почитать книги о жизни русской деревни, запомнилось описание русской свадьбы, до слез тронули плачи невесты и подруг... Не потому ли народные песни заунывные, грустные, печальные и протяжные, что смыслом и содержанием своим наполнены судьбой девушки-невесты, выходящей замуж за любимого парня-жениха? Почему же дом и близкие жениха казались чужими? Знала, что с первого часа жизнь с близкими жениха – испытание на стойкость. Будут зорко смотреть на умение вести домашние дела и на ее привычки; будут чутко прислушиваться к ее тихому и робкому голосу, но не скажут и не покажут – понравилось ли что невестино? Не сразу обнаружится мнение каждого – какая она в их глазах.

Если в стародавние годы девицы со слезами расставались с родным домом, то ныне ей что делать? Как поступить, коли под боком ни дома родного, ни близкой и далекой родни? Живут-поживают где-то дальние родственники, занятые своими заботами, не достучаться.

Хитрить и лукавить не станет: поплачет и порыдает наедине, ведь подбивается и сватается мужичок дважды женатый, многодетный вдовец. И одной вековать боязно: с каждым годом угасает женская свежесть, обаяние, сила... Несмотря на привлекательность, даже красоту, но все равно знакомые люди жалеют, точно несчастную, сочувствуют... В устройстве семейного гнезда, к сожалению, помощники стали лишними. Куда свахи подевались?

Не одну весну наблюдала за копошащейся парой сорок-белобок, на густой кроне высокой березы плели из гибких веточек и прутиков гнездо, похожее на корзиночку. Ключом ладят жилище, при сильном ветре не рассыпается, напротив, прутики теснее прилегают друг к другу.

В юности не вышла замуж за парня, выпускника военного училища, испугавшись частых переездов, бытовой неустроенности... Отказала в самый последний момент, незадолго до отъезда военного к месту назначения. Парень настаивать не стал, посчитав ее гордой и жестокой. Позже слышала: у военного сложилась семейная жизнь, будто бы супруженка загуляла налево-направо... хотя родила ему двух дочерей. Слухи долетали: он ушел из армии, женился на

вдове – жене друга детства, погибшего на строительстве дома, приглубил двух ее деток. И своих нажали!

– Марина, Тиша венчаный со второй, – поспешила сообщить Ольга Николаевна. – Новая свадьба ни к чему. Хватило бы небольшого застолья или вечеринки с близкими. Меня не приглашай, случись что...

«Вот. И здесь распорядилась», – подумала Марина.

– Зачем показали на меня? – с недоумением проговорила Марина, глядя начальнице в глаза. – Во второй смене, как нарочно, подобрались девицы – одна краше другой, есть и старые девы, рвущиеся замуж... И некурящие!

– Марина, хочу, чтоб Тихон не ошибся. Его захлестывают эмоции, почти в отчаянии. Устал!

– Сначала думала, ему приглянулась Люда, а заварили кашу со мной, – с грустно-печальными глазами проговорила Марина.

– Не обижайся. Произошло так, как и должно быть. Вместе и скушаете кашу, – успокаивала Ольга Николаевна.

– Прямо уж и произошло, – засомневалась Марина, удивленная уверенностью начальницы.

– А то нет. Теперь шаг за тобой. Он сначала отчаивался, а на днях поговорили о тебе... – призналась Ольга Николаевна с хмурым взглядом. – Вижу и чувствую, не одобряешь мои романтические связи с мужчинами. Маленьким язычком подгребаешь меня к сонму легкомысленных бабенок. Пойми, Маринушка, работа волчья, а будь ласковой со всеми. Ты не гляди, что тот или иной мужичок при параде: галстук под белым воротничком, роскошные штиблеты, а копни душу такого, так мерзавец и есть. Либо пустышка. Знаю, что говорю!

Она не первый раз признавалась в излишестве своих невольных общений с мужчинами (делилась тайнами с Мариной), но и раз в году исповедовалась и причащалась в деревенской церкви. И работниц, особенно угрюмых, замкнутых, послушных и исполнительных, упрашивала последовать ее примеру – наймет-де микроавтобус и отвезет к знакомому старенькому батюшке-духовнику. После встречи с ним полегчает на душе. Не русские бабы, что ли? Без Бога в душе – неизвестно, что ждет впереди.

– Что вы, Ольга Николаевна, и в мыслях не держу. В самой себе бы разобраться, – с обидой высказала Марина.

– Мимолетно встретишься с Тишей, так обязательно напомнит, что сельский дом по-прежнему без хозяйки. Не вернешься ли? Однажды решительно сказала, чтоб не приставал. Он и спроси: свободна ли Марина? Отшутилась: сотрудница не докладывает. А дальше – сама знаешь, как он обхаживал вас. Чтоб ты не догадалась и не возгордилась раньше времени, Тихон уделял внимание и Людочке.

– Случайно не перепутал нас? – спросила Марина. Заведующая приблизилась к Марине, чуть не обняла, и непривычно душевным шепотком залепетала:

– Все утро Людочка пальчиками прикрывает роток, не выпалась... Глаза красные и влажные. Не нашла ли постоянного ухажера? Так что, Марина, не ты нашла, а Тихон приглядел тебя. Учти. Взвесь хорошенько.

Марину не интересовала Людочкина бессонница. Обдумывала нынешний день, почти мигом про-

летевший, хотя торговали без напряженной суеты и беготни: «Не верится, что Тихон упрашивал бывшую жену вернуться. После стольких лет разлуки и отчуждения можно ли снова связать когда-то развалившуюся семью? Похоже, она набивает себе цену в наших глазах, пользуется именем бывшего мужа, вроде услугой хочет заглазить собственную вину перед ним. Или нарочно трунит, чтоб я поскорее склонилась к близкому знакомству с Тихоном?»

Торопиться пока некуда. Не спешит коза в огород – рога обломаешь. Правда, он весьма внимателен! В житейскую воронку попал, вот и влюблен поневоле. Пусть подольше потопчется у прилавка, покажет себя...

Вдруг получится по замыслу Тихона? – От этой догадки ей стало жарко. Мгновение спустя, зазнобило, точно от холода. Чтоб согреться, она сложила крестом руки на груди. – Тогда блондинку Ольгу Николаевну не подпущу близко к крыльцу... приревную и спущу с цепи собаку. Должен же быть в деревенском дворе песик? – Она посмеялась над своими мечтаниями.

...Недавно в сберкассе Марина невольно подслушала откровенный разговор двух молодых мужчин. Она терзалась и переживала, что оказалась свидетельницей чужих тайн. Выйти бы из цепочки очереди, но было поздно – подоспела пора обратиться в окошечко к кассирше.

Парней не назовешь простенькими: одеты и обуты добротно и дорого, аккуратно и со вкусом.

Один сказал: предлагают-де познакомиться с богатенькой невестой. Проживает одна в собственной двухкомнатной квартире. Предложение заманчивое, но зыбкое по подозрительности: наверняка, живя наособицу в отдельной квартирке, девица принимает ухажера в любое время... Одинокому человеку скучно коротать вечера, легко впасть в соблазн, искушение подстерегает каждую минуту... Потому нет желания играть роль сводного женишка, чтоб после крутиться под пятой жены с сомнительным прошлым.

Собеседник слушал товарища со снисходительной улыбкой, заметно кривил губы и теребил на своей рубашке пуговицу – готов был сорвать ее... И он не промолчал: напрасно-де, Игорек, отказался от знакомства. Драматизировать простое житейское явление в нынешнее беспокойное время не совсем практично. На худой конец, если ты такой осторожный и бдительный, то хотя бы поглядел на нее собственными глазами, а не свахиными. Прикинул, оценил... Может, квартира ни при чем? Вдруг понравилась? Ты вон какой красавчик! И она вцепится...

– Сам знаешь, при знакомстве с девушкой всегда сравниваю ее с Анютой. Пока не нахожу ей равной, – ответил Игорек.

– Алло, проснись. Анюта давно замужем, мать двоих деток. Кстати, на замужних грех поглядывать, – шуливо приструнил товарищ. – Ну и что?! Вспомнить нельзя? – тихо и сдержанно вспылит Игорек. – Ладно, не пытай, – попросил.

Вон, оказывается, как думают холостяки о девушках, прямо мурашки по коже... И сама одна проживает в отдельной квартирке, пусть и в тетушкиной. Какой год она обещает подарить квартиру, да не торопится. Наверное, ждет ее замужества?

Стыдиться ей нечего, затворницей живет, но ус-

лышанное взволновало и насторожило. Неужели и Тихон так думает? Нет, он не осмелится осудить девушку, задержавшуюся с замужеством. Во-первых, довольно старше этих парней, у коих все впереди. Во-вторых, перенес семейную трагедию, не до пересудов.

Марина решила поскорее уйти из тетушкиной квартиры, пусть делает ремонт и сдает в аренду. К ней и перейдет, вдвоем веселей.

...В начале нового столетия на окраине нашего города забрезжили кое-какие перемены, то есть спальные застройки стали приобретать черты полноценного жилого района, только кукольного театра не хватало. Появились и книжные магазины, но с очень высокими ценами на книги.

Магазин, в коем Марина и Тихон познакомились, был выкуплен местной торговой компанией. Вскоре привычный продмаг с закопченными потолками и стенами было не узнать, новые хозяева облагородили его современными материалами и назвали супермаркетом.

Сосед мой, бывалый остро слов, с усмешкой отозвался на новшество: негров пригласим и заживем не хуже американцев.

Бывшая заведующая Ольга Николаевна не вписалась в свежие веяния, потому и пропала из виду. Возможно, подыскала один из магазинчиков со старой формой работы, немало появившихся поблизости от супермаркета.

Беременную Людмилу (случайно) увидел в школьном саду. Ее высокий обнаженный живот с шоколадным загаром кожи был перехвачен широкой опушкой брюк из прозрачной белой ткани по самому темному мыску. Глубокий и с овальными краями пупок был окантован серебристыми шариками в два ряда, переливающимися на солнышке перламутровыми бликами. Попсовой начинкой она будто бы молодила себя, подражая юнцам, хотя ей она не требовалась: в свои тридцать лет выглядела молодо и свежо. Расхаживала по дорожке быстрыми шагами, а временами – ногой подавала мячи мальчишкам с края школьного футбольного поля. Бойцовский и юношеский вид придавали ей четыре косички на голове и завитые пружинками волосы над висками.

В саду Людочка прогуливалась утром и вечером, в прохладные часы. Никогда не видел рядом с нею мужчину. Видимо, замуж так и не вышла? Нагуляла живот от летчика, чтоб родить здорового ребенка. Не зря среди ее ухажеров преобладали штурманы, пилоты, моряки...

Подойти и спросить бы о судьбе Марины и Тихона, должна же знать о них что-нибудь, но праздным вопросом побоялся прервать ее бодрое и веселое настроение, ведь воспоминание может взволновать... Беременные женщины теперь – чрезвычайная редкость! Беречь и оберегать будущих мам особенно важно в нынешнее обезлюдившее время. И беречь всем миром!

...Зимой на рынке издали услышал голос Тихона. Он просил не проходить мимо гусиных тушек, словно к Рождеству собирался даром отдать. И привез продукцию не на мотоцикле «Урал», а на новенькой легковушке, в коей сидела молодая женщина, повязанная пуховым платком. Не Марина ли?

Только вот на левой щеке Тихона появилась

странная отметина. Оказывается, больше года назад тот магазин пострадал от хулиганов. (То ли конкуренты подкупили и насмутили их, то ли стихийно выступили?) После погрома поговорили, погоревали, поохали и успокоились продавцы. Но вскоре объявились двое налетчиков в масках, один из них с пистолетом в левой руке. Они думали, что девки одни, но из кабинета заведующей выскочил мужчина-увалень, знакомый нам Тихон.

По его словам, в потасовке с налетчиком он не сумел сразу выбить из его руки пистолет, прозвучал выстрел... От простреленной щеки левый глаз Тихона заволокло то ли слезами, то ли кровью... Пока справлялся с обоими молодыми парнями, не чувствовал ни саднящей боли, ни неприятного вкуса крови во рту.

Марина помогла Тихону связать храбрецов, а Людмила вызвала милицию и скорую. В общем, девки целы и денежки в сохранности. И бандиты задержаны!

Бесталанный хирург соборил и подтянул кожу на щеке Тихона с наплывом, будто рана не от пули, а от ожога. Шрам придавал прежде задумчивому лицу Тихона чуть комический вид, вроде на лице навсегда застыла лукаво-насмешливая ухмылка.

Любопытства ради хотелось узнать о судьбе Марины. Вышла ли замуж? Спрашивать не пришлось: из новенькой машины неловко вышла «тяжелая» Марина. Точно крадучись, она подошла к Тихону: левой рукой оперлась о его плечо, а правой – придерживая низко опущенный живот (девочку родит), зашептала над ухом; он поежился, повел плечом и заулыбался широко, точно щекотно стало. По моим прикидкам, не исключил и небольшой ошибки в подсчете, она доживала восьмой месяц. Беременность никак не повлияла на цвет ее лица, хотя девичий румянец, молодивший ее ярко-серые глаза, почти смешался с постоянным деревенским загаром.

Вскоре они собрались в дорогу, а проживали в сорока километрах от города.

Я купил у них меду в рамке и комочек прополиса (с детский кулачок). От гуся отказался, пожаловавшись на желудок, хотя они снизили цену. Вот крольчатинки бы...

Рад был за них, как за близких людей. Мысленно пожелал им доброго пути и успеха в семейной жизни. Вслед им послал воздушный крест.

*Редакционный совет литературного журнала «Симбирскъ»
сердечно поздравляет Виктора Николаевича Сергеева с юбилеем!
Желаем вдохновения и творческой энергии, доброго здоровья
и душевной гармонии! Благодарим за сотрудничество с журналом!*

ЮБИЛЕЙНЫЙ
КАЛЕНДАРЬ

2018
Июль

ИЮЛЬ 2018

1 июля – 205 лет назад родился историк литературы, критик, прозаик, мемуарист Павел Васильевич Анненков (1.07.1813, г. Москва – 21.03.1887, г. Дрезден, Германия). Был владельцем с. Чириково Симбирской губ. (ныне Цильнинского р-на Ульяновской обл.), жил здесь в 1848 – 1852 годах. О жизни в Симбирске и Чириково написал записки «Две зимы в провинции и деревне...». Посещал Ундоры, Акшут, Карсун. Впервые в России подготовил научное издание сочинений А.С. Пушкина и «Материалы для биографии Пушкина».

1 июля – исполняется 50 лет писателю-фантасту Олегу Владимировичу Маркелову (р. 1.07.1968, г. Мелекес, ныне г. Димитровград Ульяновской обл.). Окончил Московский лесотехнический институт. Автор изданных в Москве и Санкт-Петербурге книг в жанре фантастики: «Имперская мозаика» (2004), «Токсимерский оскал» (2004), «Адекватность» (2005), «Любимчик судьбы» (2006), «Сторожевые волки Богов» (2008), «Отставной диверсант» (2009) и др. Член Московской организации Союза писателей России (2005).

3 июля – 65-летний юбилей отмечает поэтесса Елена Александровна Яговкина (р. 3.07.1953, г. Иркутск). С 1967 года живет в Ульяновске. Публиковалась в альманахах и журналах «Истоки», «Поэзия», «Советская женщина» (Москва), «Симбирскъ», «Мономах», «Литературный Ульяновск» (Ульяновск), «Волга» (Саратов). Автор книг «Дуэт для скрипки и альта» (1998), «Я родилась» (2008), «Начало» (2008), «Школьная тетрадка» (2008), «Душа и ветер» (2009), «Имена» (2010), «Игра» (2014) и др. Член Союза писателей России (2005).

4 июля – 100 лет со дня рождения поэта Павла Давидовича Когана (4.07.1918, г. Киев – 23.09.1942, сопка Сахарная Голова близ г. Новороссийска Краснодарского края). Учился в Литературном институте им. Горького. Во время войны, по пути в г. Ставрополь-на-Волге (ныне Тольятти), был проездом на станциях Инза, Базарный Сызган, Барыш, Кузоватово. Погиб в бою. Стихи публиковались в книге «Гроза» (1960), в коллективных сборниках «Имена на поверке» (1963), «Сквозь время» (1964), «До последнего дыхания» (1985) и др.

5 июля – 160 лет назад родилась революционерка, литератор Ольга Константиновна Буланова (5.07.1858, г. С.-Петербург – 1942, там же). Внучка декабриста В.П. Ивашева, дочь М.В. Трубниковой. В 1870 году гостила в с. Архангельское под Симбирском. Была членом народнической организации «Черный Передел». После революции жила литературным трудом. Автор книги воспоминаний «Три поколения» (1928), первого биографического издания о В.П. Ивашеве «Роман декабриста» (1933). Умерла в блокадном Ленинграде.

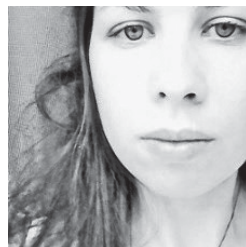
5 июля – 60-летний юбилей отмечает детский писатель, поэт и драматург Андрей Алексеевич Усачев (р. 5.07.1958, г. Москва). Член Союза писателей России (1991). Книги переведены на иврит, молдавский, польский, сербский, украинский языки. Был в Ульяновске на Неделе детской книги 27 марта 2012 года (встретился с читателями областной библиотеки им. С.Т. Аксакова), а также в рамках проекта «Академия литературы» 15–16 апреля 2015 года (провел творческие встречи в Большеключищенской средней школе и ДК «Киндяковка»).

6 июля – 170 лет со дня рождения историка, археолога и литератора Владимира Николаевича Поливанова (6.07.1848, г. Симбирск – 7.05.1915, г. Петроград, похоронен в Симбирске). В 1898 – 1915 годах был предводителем дворянства Симбирской губернии. Инициатор создания Симбирской ученой архивной комиссии, основал в Акшуте первый в губернии частный музей. Автор многих трудов, в т.ч. «Материалы к истории Симбирского дворянства» (1900), очерков о земляках Д.В. Давыдове, А.И. Тургеневе, Н.М. Карамзине.

7 июля – 125 лет назад родился краевед Владимир Иванович Апраксин (7.07.1893, с. Мордово Сенгилеевского у. Симбирской губ., ныне Сенгилеевского р-на Ульяновской обл. – 27.10.1958, г. Ульяновск). Окончил Симбирскую гимназию (1912), Казанский университет (1917). Работал учителем в школах №1, 3, 6 и 7 города Ульяновска. Более 35 лет посвятил исследованию местной природы, публиковал в газетах и журналах статьи на краеведческую тематику. Автор книги «Природа и естественные богатства Средневожского края» (1931).

7 июля – 35 лет исполняется писателю Гале Александровне Узрютовой, (р. 7.07.1983, г. Ульяновск). Лауреат областного литературного конкурса «Первая роса» (2014). Дипломант международного Волошинского конкурса. Стихи переводились на немецкий и английский языки, проза – на итальянский. Автор книги «Обернулся, а там – лес» (2015). Лауреат поэтической премии им. Н.Н. Благова (2016). Лауреат конкурса Европейской сети театрального перевода (2018), финалист российско-итальянской литпремии «Радуга» и др. Пьесы были отмечены среди лучших в драматургических конкурсах «Баденвайлер», «Действующие лица», «Евразия», «Любимовка» и др.

8 июля – 275 лет назад родился военный деятель, поэт Павел Сергеевич Потемкин (8.07.1743 – 9.04.1796, г. С.-Петербург). Был начальником комиссии по расследованию Пугачевского бунта, со 2 по 5 октября 1774 года проводил допросы Емельяна Пугачева в Симбирске. Автор более 20 стихотворений, поэтических драм «Россы в Архипелаге» (1772), «Торжество дружбы» (1773), «Зельмира и Смелон, или взятию Измаила» (1795), записок «История о Пугачеве» и «Описание кавказских народов». Переводил Вольтера и Руссо.

8 июля – исполняется 80 лет со дня рождения поэтессы Галины Александровны Зарусневой (р. 08.07.1938, г. Ульяновск). По образованию фармацевт, работала в медицинском училище. Публиковалась в журналах «Карамзинский сад», «Симбирск», «Мономах», в коллективных

сборниках «Мой город», «Золотое зеркало», «Стихи по кругу», «С любовью трепетной». Автор сборников стихотворений «Доверчивый мотив» (2005), «Листопад, листопад» (2010), «Черепашка» (2012), «Рябиновый свет» (2014). Живет в Ульяновске.

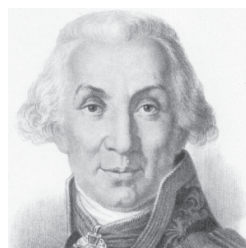
10 июля – 100 лет назад родился английский писатель Джеймс Олдридж (10.07.1918, Уайт-Хилл, штат Виктория, Австралия – 23.02.2015, г. Лондон). Автор романов «Морской орел» (1944), «Дипломат» (1949), «Опасная игра» (1966), «Удивительный монгол» (1974) и др.

Путешествуя по Волге на теплоходе «Максим Горький», посетил Ульяновск в июне 1975 года. Подарил областной детской библиотеке книгу «Последний дюйм» с автографом: «В вашем городе так приятно, что я бы с удовольствием остался здесь на недели, месяцы, годы».

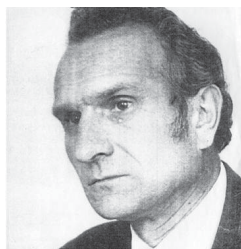

11 июля – 65 лет назад родилась поэтесса Людмила Алексеевна Егорова, творческий псевдоним – Бурлакова (11.07.1953, с. Воскресенка Спасского р-на Приморского края – 27.07.1994, г. Ульяновск). Окончила Ташкентский университет. В Ульяновске с 1986 года, работала редактором издательства

«Симбирская книга», инициатор издания литературного альманаха «Карамзинский сад» (1991). Автор поэтических сборников «Янтарное зерно», «Семь озер», «Всю Вселенную видно с креста» и др. Член Союза писателей России.

14 июля – 275 лет назад родился поэт Гавриил Романович Державин (14.07.1743, г. Казань – 20.07.1816, имение Званка Новгородской губ.). Учился в Казанской гимназии. Участвовал в подавлении бунта Е. Пугачева. Несколько раз был проездом в Симбирске, в т.ч. 29 декабря 1773 года с поручением из Казани и в октябре 1774-го, когда здесь произошла его встреча с генералом П. Паниным и арестованным Е. Пугачевым. Автор многих поэтических сочинений, в т.ч. «Ода к Фелице» (1782), «Бог» (1784), «Видение Мурзы» (1789), «Водопад» (1794) и др.

15 июля – 90 лет со дня рождения педагога, прозаика Владимира Ивановича Андрианова (15.07.1928, с. Анненково Тагайского р-на Средневолжской обл., ныне Майнского р-на Ульяновской обл. – 25.09.1983, р.п. Карсун). Окончил Ульяновский педагогический институт.

Работал учителем литературы, директором Карсунской средней школы. Основал в Карсуне литературное объединение «Родники» (1957). Автор повести о чапанном восстании «Ненависть», рассказов «Мазепа», «День рождения», «Хороший человек», «Крестик» и др.

16 июля – 90-летний юбилей отмечает поэт Андрей Дмитриевич Дементьев (р. 16.07.1928, г. Тверь). Был редактором журнала «Юность» (1981 – 1992). Лауреат Государственной премии СССР (1985). Член Союза писателей СССР, автор более 50 книг стихотворений.

В рамках Года литературы в России 13–14 февраля 2015 года посетил Ульяновск. Дал пресс-конференцию в областном Дворце книги, провел творческий вечер в концертном зале педагогического университета, посетил театр юного зрителя, местные музеи.

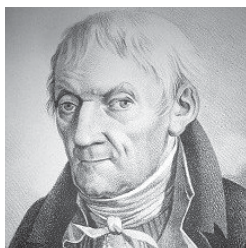
16 июля – 50 лет исполняется певцу, композитору, поэту-песеннику Леониду Николаевичу Агутину (16.07.1968, г. Москва). Заслуженный артист РФ (2008). Автор стихотворных сборников «Книга стихов и песен» (2008), «Записная книжка 69» (2009), «Поэзия обычных

дней» (2014). Несколько раз приезжал в Ульяновск. В июне 2012 года выступал на площади Ленина в рамках празднования 200-летнего юбилея И.А. Гончарова. В сентябре 2012-го и октябре 2014-го провел концерты в Ленинском мемориале.

18 июля – 85 лет со дня рождения (по паспорту) поэта, прозаика и публициста Евгения Александровича Евтушенко (18.07.1933, г. Зима Иркутской обл. – 1.04.2017, г. Талса, штат Оклахома, США, похоронен на Переделкинском кладбище в Москве). На самом деле родился в 1932 году. Автор более 150 книг

стихов и прозы, переведенных на многие языки мира. Не раз бывал в Ульяновске, провел творческие встречи в феврале 1973 года в пединституте и 11–12 декабря 2015-го в Ульяновском гос. университете, Дворце книги и Ленинском мемориале.

19 июля – 275 лет назад родился граф, литератор Владимир Григорьевич Орлов (19.07.1743, г. Москва – 12.03.1831, имение Отрада Московской губ.). Во времена Екатерины II был директором Петербургской академии наук. В 1767 году сопровождал ее в путешествии по Волге на галере «Тверь», 5–8 июня находился в Симбирске. Вел в дороге путевой дневник, перевел 15 глав из романа Ж. Мармонтеля «Велизарий». Написал дневник путешествия по России (1770). Жил в Москве, в гостях у него часто бывали Н.М. Карамзин и И.И. Дмитриев.

Вспоминал, как пошутил здесь над двумя опоздавшими: «Крутые опаздывают, потому что пальцами за все цепляются... И показал. Зря я это сделал. Вам – ха-ха, а это был губернатор с помощником! Вот так меня 14 лет в Ульяновск не пускали, пока губернатор не сменился».

21 июля – 70-летие со дня рождения писателя-сатирика Михаила Николаевича Задорнова (21.07.1948, г. Юрмала Латвийской ССР – 10.11.2017, г. Москва). Член Союза писателей России, автор более 10 книг. Не раз выступал в Ульяновске, на сцене Ленинского мемориала.

Вспоминал, как пошутил здесь над двумя опоздавшими: «Крутые опаздывают, потому что пальцами за все цепляются... И показал. Зря я это сделал. Вам – ха-ха, а это был губернатор с помощником! Вот так меня 14 лет в Ульяновск не пускали, пока губернатор не сменился».

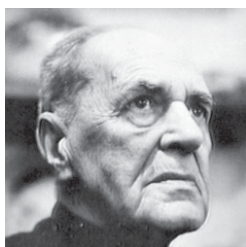
19 июля – 125 лет со дня рождения поэта и драматурга Владимира Владимировича Маяковского (19.07.1893, с. Багдаты Кутаисской губ., ныне город в Грузии – 14.04.1930, г. Москва). Автор многих стихов, пьес «Баня» и «Клоп», поэм «Левый марш», «Облако в штанах», «Владимир Ильич Ленин» и др. Был проездом в Симбирской губ. в марте 1914-го и в Ульяновской губ. в январе 1927 года, отправляясь из Москвы на творческие встречи в Самару. Именем Маяковского названа улица и три переулочка в северной части Ульяновска.

Вспоминал, как пошутил здесь над двумя опоздавшими: «Крутые опаздывают, потому что пальцами за все цепляются... И показал. Зря я это сделал. Вам – ха-ха, а это был губернатор с помощником! Вот так меня 14 лет в Ульяновск не пускали, пока губернатор не сменился».

23 июля – 125 лет назад родилась библиограф, книговед, переводчица Татьяна Александровна Быкова (23.07.1893, г. Москва – 15.07.1975, г. Ленинград, ныне С.-Петербург). Окончила Петроградский государственный университет (1918). Работала в Ленинградской публичной библиотеке, в 1941 – 1945 годах вместе с эвакуированными фондами находилась в г. Мелекесе Ульяновской области. Автор многих трудов, в т.ч. «Переводы произведений Карамзина на иностранные языки и отклики на них в иностранной литературе» (1969).

Вспоминал, как пошутил здесь над двумя опоздавшими: «Крутые опаздывают, потому что пальцами за все цепляются... И показал. Зря я это сделал. Вам – ха-ха, а это был губернатор с помощником! Вот так меня 14 лет в Ульяновск не пускали, пока губернатор не сменился».

20 июля – 115 лет назад родился французский писатель, публицист Аркадий Петрович Столыпин (20.07.1903, имение Колнобережье Ковенской губ., ныне Литва – 11.12.1990, г. Париж). В сентябре 1913 года приезжал с матерью в Симбирск, участвовал в открытии памятника отцу П.А. Столыпину. С 1920 года жил в эмиграции, был председателем НТС во Франции, сотрудничал с журналом «Посев». Автор книг «Монголия между Москвой и Пекином», «Поставщики ГУЛага», «П.А. Столыпин. 1862 – 1911», «На службе России».

Вспоминал, как пошутил здесь над двумя опоздавшими: «Крутые опаздывают, потому что пальцами за все цепляются... И показал. Зря я это сделал. Вам – ха-ха, а это был губернатор с помощником! Вот так меня 14 лет в Ульяновск не пускали, пока губернатор не сменился».

23 июля – 45-летний юбилей отмечает поэтесса Марина Викторовна Панкратова (р. 23.07.1973, г. Димитровград Ульяновской обл.). Стихи начала писать с 12 лет. Состоит в писательской организации «Слово» города Димитровграда. Работает учителем русского языка и литературы в школе №9. Автор поэтических сборников «Полет обузданных планет» (2005), «Вдоль ветра» (2008), брошюры с обучающим циклом «Веселая грамматика» (2010) и др. Дипломант Международной премии «Филантроп» в номинации «Поэзия» (2008).

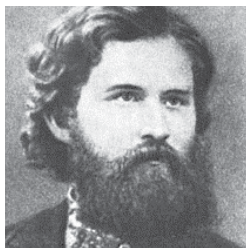
Вспоминал, как пошутил здесь над двумя опоздавшими: «Крутые опаздывают, потому что пальцами за все цепляются... И показал. Зря я это сделал. Вам – ха-ха, а это был губернатор с помощником! Вот так меня 14 лет в Ульяновск не пускали, пока губернатор не сменился».

21 июля – 195 лет со дня рождения писателя, педагога Гавриила Никитича Потанина (21.07.1823, г. Симбирск, ныне Ульяновск – 30.12.1910, там же). Учился в Симбирской гимназии, в старших классах давал уроки на дому племянникам И.А. Гончарова и будущему поэту Д.Д. Минаеву. Работал преподавателем, инспектором народных училищ (1847 – 1871). Автор повестей «Год жизни» и «Штатный смотритель», романа «Крепостное право» (был опубликован в «Современнике» под названием «Старое старится, молодое растет»).

24 июля – 190 лет назад родился публицист, литературный критик, прозаик Николай Гаврилович Чернышевский (24.07.1828, г. Саратов – 29.10.1889, там же). Один из руководителей журнала «Современник» (1856 – 1862), автор романа «Что делать?» (1863). В 1846 – 1851 годах не раз бывал проездом в Симбирске. В марте 1851 года, путешествуя вместе с Д.И. Минаевым, провел здесь несколько дней: остановился у отца В.Н. Андреева-Бурлака, обедал у Н.А. Гончарова. Именем Чернышевского названа одна из улиц Ульяновска.

Вспоминал, как пошутил здесь над двумя опоздавшими: «Крутые опаздывают, потому что пальцами за все цепляются... И показал. Зря я это сделал. Вам – ха-ха, а это был губернатор с помощником! Вот так меня 14 лет в Ульяновск не пускали, пока губернатор не сменился».

27 июля – 165 лет со дня рождения писателя Владимира Галактионовича Короленко (27.07.1853, г. Житомир – 25.12.1921, г. Полтава). Автор повестей «Дети подземелья» (1885), «Слепой музыкант» (1886), рассказов «Сон Макара» (1885), «Черкес» (1888), «Мороз» (1901)

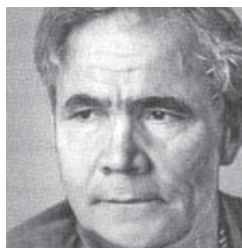
и многих других. Был проездом в Симбирской губернии, отправляясь на пароходе по Волге из Н. Новгорода в Самару в июне 1891 года и в Саратов в сентябре 1893-го. Впечатления от посещения Симбирска описал в статье «И.А. Гончаров и «Молодое поколение» (1912).

27 июля – 50-летний юбилей отмечает поэт Анатолий Михайлович Шутый (р. 27.07.1968, г. Ульяновск). Работает ведущим научным сотрудником Ульяновского государственного университета. Стихи публиковались в журналах «Карамзинский сад», «Мономах», Симбирск» и др. Автор книг «Квинта» (1997), «Високосный год» (2001), «Дорогой носорог» (2006), «Имя» (2006), «По циферблату Млечного пути» (2010), «...где-то по дорогам», «Город дорог», «Фронтальные перекрестки». Член Союза писателей России (2007).

28 июля – 55-летие отмечает поэт Федор Андреевич Горобцов (р. 28.07.1963, пос. Карачаганак Бурлинского р-на Уральской обл. Казахской ССР). Окончил Московский юридический институт (1989). Адвокат Ульяновской областной коллегии адвокатов. Публиковался в журналах «Юность», «Карамзинский сад», «Симбирск» и др. Автор поэтических сборников «Встреча с Фемидой» (2001), «Дело. Не уголовное» (2008), «Тет-а-тет» (2016). Написал на свои стихи более 200 песен. Член Союза писателей России (1999).

30 июля – 120 лет назад родился чувашский литературный критик, публицист и фольклорист Николай Яковлевич Золотов, творческий псевдоним – Ют (30.07.1898, д. Синерь Ядринского у. Казанской губ., ныне Аликовского р-на Чувашии – 27.03.1967, г. Шумерля, Чувашия).

Окончил Симбирскую чувашскую учительскую школу. Автор критических статей о произведениях М. Юмана, М. Сеспеля, И. Ахаха, С. Эльгера и др. Выпустил книгу «Краткий очерк народной поэзии чуваш» (1928). Член Союза писателей СССР (1934).

*Рубрику ведет
Николай Марянин, поэт и краевед*

ПОЭЗИЯ ЮБИЛЯРОВ ИЮЛЯ

Елена ЯГОВКИНА (р. 1953)

ОТКРОВЕННОЕ

Завидуйте завистью черной,
Завидуйте недруги мне.
За то, что не стала покорной,
За то, что я вновь на коне.

Что громом в грозу не убило.
Дождалась я светлого дня.
Россию люблю, как любила,
И злость не вселилась в меня.

Коль трусила, самую малость.
Не раз была бита судьбой,
Но все же всегда оставалась
Я только самою собой.

* * *

Ничего у нас не было,
Да и нет до сих пор,
Только звездное небо
Вместо тюля и штор.

Небольшое оконце
И пустая стена.
Вместо коврика – солнце,
Вместо люстры – луна.

Ничего у нас не было.
Ну, так что же с того?
Было звездное небо,
Нам хватало его.

Павел КОГАН (1918 – 1942)

ГРОЗА

Косым, стремительным углом
И ветром, режущим глаза,
Переломившейся ветлой
На землю падала гроза.
И, громом возвестив весну,
Она звенела по траве,
С размаху вышибая дверь
В стремительность и крутизну.
И вниз. К обрыву. Под уклон.
К воде. К беседке из надежд,
Где столько вымокло одежд,
Надежд и песен утекло.
Далеко, может быть, в края,
Где девушка живет моя.
Но, сосен мирные ряды
Высокой силой раскачав,
Вдруг задохнулась и в кусты
Упала выводком галчат.
И люди вышли из квартир,
Устало высохла трава.
И снова тишь. И снова мир.
Как равнодушие, как овал.
Я с детства не любил овал!
Я с детства угол рисовал!

* * *

Листок, покрытый рябью строк,
Искусство, тронутое болью,
Любовь, тоска, надежда, рок,
Единственность моих мазков,
Тревожное раздолье.
А вечер был огромно чист,
И, пошлости не замечая,
Земля цвела под птичий свист.
Еловый запах – запах мая.
Листок, покрытый рябью строк,
Слова, где дым, любовь и рок.

1936

Андрей УСАЧЕВ (р. 1958)

ДОБРОЕ СЕРДЦЕ

Жил на свете один Носорог.
Мир не видел таких толстокожих:
Толстоморд, толстобрюх, толстоног,
Он расталкивал злобно прохожих.

И никто догадаться не мог,
И никто не хотел приглядеться,
Что под кожей носил носорог
Очень нежное доброе сердце.

ЖУЧОК

Шел по улице жучок
В модном пиджачке.
На груди блестел значок,
А на том значке
Нарисован был жучок,
Тоже в пиджачке.
И на нем висел значок,
А на том значке
Был еще один жучок...
Но он был так мал,
Что глядел я целый час
И не разобрал:
Был ли у жучка значок?
Был ли на значке жучок?

Гала УЗРЮТОВА (р. 1983)

* * *

человек рождается нелюдим
приводнясь у материнских вод
допивая колокола груди
без жилета выбросится за борт
разгребая камни на берегу
добредет до пустых высот
разливая слезоньки на бегу
крепче стали якоря рот сожмет
задевая дно заскрипят узлы
ветром унесет недогнивший плот
он уснет в атолле за полцены
а когда проснется увидит порт
и пока ладья его ловит галс
встанет не абандоном но один
натабанится до заката властям
человек рождается нелюдим

1936

* * *

все семена похожи на женщин,
все плоды – на мужчин
падает в землю, летит на рассвете
мальчик, отец и сын
отец уходит, сын уходит,
мальчик остался один

все города похожи на женщин,
все моря – на мужчин
мальчик смеется, зная, что вечен,
люди играют с ним
из всех картин смотрят на ту,
где кто-то идет один

все слова похожи на женщин,
все паузы – на мужчин
мальчик знает: мир толст, беспечен
и точно неизлечим
он говорит, что не будет смерти –
просто будешь один

Павел ПОТЕМКИН (1743 – 1796)

СТИХИ ГРАФУ П.А. РУМЯНЦЕВУ

Российский гром в руках, Румянцов, ты имея,
Два раза устремлял неверных поражать.
Героя в действии враги уразумея,
Оружью Росскому не смели против стать.
Как бурный вихрь, когда громады тяжки ломит,
Колеблет воздухом, кружит водой, прах гонит
И тучей грозною приводит смертных в страх,
Так Росские мечи в полях врагам блеснули,
Два раза чрез тебя неверных ужаснули,
Сразили тысячи и тьмы повергли в прах.
С отчаяньем они стопы вспять обращают;
От ужаса бежит несчастный Крымский Хан,
Оставя к славе нам богатство, пушки, стан,
И кровию своей все поле обогряют.
Гряди, Герой, днесь вновь победы простирая:
Монархиня дела геройски ободрит.
Ты Россов ныне стал непобедимый щит.
Они все, на тебя надежду возлагая,
Со удивлением твое искусство зрят.
Нетерпеливо всех сердца к тому горят,
Когда оружия гром на Визиря вновь грянет,
Противных агарян трекратно поразит,
Когда твой меч вконец неверных истребит
И день преславный сей Монархине предстанет,
Чтоб Ангел вострубил небесною трубой
Во все концы земли, России с похвалою,
Что их Монархиня победы совершила
И славы приобрел Румянцов сей венец,
Что, к общей радости Российских чад сердец,
Сокрушена совсем последня Турок сила.

Галина ЗАРУДНЕВА (р. 1938)

* * *

Снова осень... Ветер мокрой веткой
Бьет наотмашь в темное окно,
И дождинок бисерную сетку
Непогодь развесила давно.

Притаилась ночь. Неторопливо,
Шелесты и шорохи собрав,
Слушает, вздыхая терпеливо,
Жалобы насквозь промокших трав.

Лишь за садом, за соседним домом,
В стылой хмари, так же одинок,
Светится в окне давно знакомом
Крохотный и теплый огонек.

Обещая теплотой своею,
Что дождинок тоненькая нить,
Оборвавшись, все-таки сумеет
Нас когда-нибудь соединить.

* * *

Давай себе устроим праздник,
За просто так, в обычный день.
Блюда наготовим всяких-разных,
И в вазу водрузим сирень.
Накроем стол скатеркой белой,
Поставим фрукты и вино...
Вот так с тобой мы не сидели
Наедине давным-давно.
Мой милый, старый, некрасивый...
Как изменили нас года!
Но я была с тобой счастливой,
А уж любимую – всегда.
Тому порукой – наши дети,
И добрый стол, и ясный день,
И эта, лучшая на свете,
Из нашей юности сирень.

Людмила БУРЛАКОВА (1953 – 1994)

* * *

Доживаем век без чудес,
вдоволь идиолов и зверья...
Но на каждый муромский лес
да отыщется свой Илья!

Что и князю челом не бьет,
а объявится злыдень-вор –
на ладонь посадит, другой прижмет –
вот с поганцем и весь разговор.

Что за Родина, коль – ничья?
Что за храмы, когда – ничьи?
Подсоби, богатырь Илья,
залежался ты на печи!..

* * *

Мы – ветви одного древа.
Мы – перья одной птицы.
Богу – Богово, зверю – зверево?
В кого же мне воплотиться?

Стая рыщет, сбивая ноги,
Отче тянет ко мне ладонь.
Нет, еще не посмеют боги
бросить глину свою в огонь.

* * *

Надежда течет до предела,
а там... грузно падает ночь,
и всадник на лошади белой
торопится горю помочь.

Парит облаковая грива.
Браток, не робей, все путем.
Уйдем навсегда и красиво,
земли не касаясь, уйдем.

Гавриил ДЕРЖАВИН (1743 – 1816)

СОЛОВЕЙ ВО СНЕ

Я на холме спал высоком,
Слышал глас твой, соловей,
Даже в самом сне глубоком
Внятен был душе моей:
То звучал, то отдавался,
То стонал, то усмехался
В слухе издалече он;
И в объятиях Калисты
Песни, вздохи, клики, свисты
Услаждали сладкий сон.

Если по моей кончине,
В скучном, бесконечном сне,
Ах! не будут так, как ныне,
Эти песни слышны мне;
И веселья, и забавы,
Плясок, ликов, звуков славы
Не услышу больше я, –
Стану ж жизнью наслаждаться,
Чаще с милой целоваться,
Слушать песни соловья.

1797

БОГАТСТВО

Когда бы было нам богатством
Возможно кратку жизнь продлить,
Не ставя ничего препятством,
Я стал бы золото копить.
Копил бы для того я злато,
Чтобы, как придет смерть сражать,
Тряхнуть карманом таровато
И жизнь у ней на откуп взять.
Но, ежели нельзя казною
Купить минуты ни одной,
Почто же злата нам алчбою
Так много наш смущать покой?
Не лучше ль в пиршествах приятных
С друзьями время проводить;
На ложах мягких, ароматных
Младым красавицам служить?

1798

Андрей ДЕМЕНТЬЕВ (р. 1928)

* * *

Как весны меж собою схожи:
И звон ручьев, и тишина...
Но почему же все дороже
Вновь приходящая весна?

Когда из дому утром выйдешь
В лучи и птичью кутерьму,
Вдруг мир по-новому увидишь,
Еще не зная, почему.

И беспричинное веселье
В тебя вселяется тогда.
Ты сам становишься весенним,
Как это небо и вода.

Хочу веселым ледоходом
Пройтись по собственной судьбе.
Или, подобно вешним водам,
Смыть все отжившее в себе.

1964

НИ О ЧЕМ НЕ ЖАЛЕЙТЕ

Никогда ни о чем не жалеете вдогонку,
Если то, что случилось, нельзя изменить.
Как записку из прошлого, грусть свою скомкав,
С этим прошлым порвите непрочную нить.

Никогда не жалеете о том, что случилось.
Иль о том, что случиться не может уже.
Лишь бы озеро вашей души не мутилось
Да надежды, как птицы, парили в душе.

Не жалеете своей доброты и участия.
Если даже за все вам – усмешка в ответ.
Кто-то в гении выбился, кто-то в начальство...
Не жалеете, что вам не досталось их бед.

Никогда, никогда ни о чем не жалеете –
Поздно начали вы или рано ушли.
Кто-то пусть гениально играет на флейте.
Но ведь песни берет он из вашей души.

Никогда, никогда ни о чем не жалеете –
Ни потерянных дней, ни сгоревшей любви.
Пусть другой гениально играет на флейте,
Но еще гениальнее слушали вы.

1977

Леонид АГУТИН (р. 1968)

ПОЧТИ ВЕСНА

Почти весна.
Пустует ваза
Предметом лишним на столе.
Нам не до сна –
Мы ищем разум в добре и зле.

* * *

Вы ищете, а смысл где-то рядом.
Спокойно ждет материю обречь.
Вы ждете, вам еще немного надо,
И, кажется, что ноша рухнет с плеч.

А ноша с каждым годом тяжелее,
Важнее и дороже с каждым днем.
Ее обретший и не пожалеет,
А страждущий не видит днем с огнем.

Приди ко мне, мой смысл непорочный –
Отточенный, сверкающий кинжал.
Я жду тебя, ты есть, я знаю точно.
Я ждал тебя, все эти годы ждал!

* * *

За стеной кто-то плохо играет
сонату Бетховена.
Ну, к чему эти милые грани незрелых страстей?
Я себя ощущаю под утро живьем захороненным
И воскресшим среди строгих,
но, в сущности, добрых людей.

За окном поперек понимания снег с неба капает
И молчат неразборчиво птицы, сидят по домам.
Я зачем-то по клавишам
пальцами мысленно шкрябаю...
Ничего, ничего, продолжайте, я это не вам...

Скоро снова стемнеет,
сосуды мечтательно сузятся.
Я сползу с алтаря, застелю за собою кровать.
За стеной безответный любитель
классической музыки
Продолжает на нервах Бетховена громко играть...

Евгений ЕВТУШЕНКО (1932/1933 – 2016)

* * *

Я шатаюсь в толкучке столичной
над веселой апрельской водой,
возмутительно нелогичный,
непростительно молодой.

Занимаю трамвай с бою,
увлеченно кому-то лгу,
и бегу я сам за собою,
и догнать себя не могу.

Удивляюсь баржам бокастым,
самолетам, стихам своим...
Наделили меня богатством.
Не сказали, что делать с ним.

1954

* * *

Недавно был в Замоскворечье
и лозунг видел на древке –
Христа со Сталиным во френче
в татуированной руке.

Какая в людях мешанина,
и стеб, и колокольный звон,
наш полуинглиш, матерщина,
и хамоватый выкрик: «Вон!»

Толпа меня к стене прижала.
Шестидесятники, где вы?
Где семиструнка Окунджавы?
Где Белла-белочка Москвы?

Но ты, Высоцкий, не стареешь,
и, Евтушенко, ты не сдашь!
Ты с нами, Александр Сергеевич,
шестидесятник вечный наш!

Хочу на фестиваль – на Грушу
с незасоренною душой,
чтоб отвести стихами душу
бессмертной песней фронтовой!

Поэт грядет, великий некто,
ведь совесть не упразднена,
и вновь продолжится страна
от Сахаровского проспекта
Историей Карамзина!

2015

Владимир МАЯКОВСКИЙ (1893 – 1930)

НОЧЬ

Багровый и белый отброшен и скомкан,
в зеленый бросали горстями дукаты,
а черным ладоням сбежавшихся окон
раздали горящие желтые карты.

Бульварам и площади было не странно
увидеть на зданиях синие тоги.
И раньше бегущим, как желтые раны,
огни обручали браслетами ноги.

Толпа – пестрошерстая быстрая кошка –
плыла, изгибаясь, дверями влекома;
каждый хотел проташить хоть немножко
громаду из смеха отлитого кома.

Я, чувствуя платья зовущие лапы,
в глаза им улыбку протиснул, пугая
ударами в жезл, хохотали арапы,
над лбом расцветивши крыло попутая.

1912

СТИХИ О РАЗНИЦЕ ВКУСОВ

Лошадь
сказала,
взглянув на верблюда:
«Какая
гигантская
лошадь-ублюдок».

Верблюд же
вскричал:
«Да лошадь разве ты?!
Ты
просто-напросто –
верблюд недоразвитый».

И знал лишь
бог седобородый,
что это –
животные
разной породы.

1928

Марина ПАНКРАТОВА (р. 1973)

* * *

В прокуренной комнате тусклый свет,
Стоит одиночество у плиты
И варит отвар из минувших бед,
Которым давно излечился ты.

Сидит тишина на твоём окне,
Она, как положено ей, молчит
И варит отвар из грядущих дней,
Которым тебя собралась лечить.

Опять будет утро, и новый день
По старой привычке ты будешь пить.
Ты был бы и вправду похож на тень,
Когда б не осталось желанья жить.

* * *

Дождю поплакаться в жилетку,
Пройти ли по минувшим снам?
Но жизнь похожа на рулетку –
Везет немногим игрокам.

А значит, слезы лить не стоит,
Волчок неистово крутя:
Учусь проигрывать достойно
И вновь выигрывать шутя.

Анатолий ШУТЫЙ (р. 1968)**У ЧАСОВНИ
АНДРЕЯ БЛАЖЕННОГО**

Осторожно, осторожно...
Эта быль – былинка сорная.
Деревам вокруг тревожно –
Ветер. Небо беспризорное.

Глубины упали капли
На соцветье подорожника...
Долгий путь ли, старый сад ли –
Далеко пока что Боженька.

Чтобы в поисках не сбиться,
Ведь не нужно долголетия, –
Мотыльком пусть обратится
Придорожное соцветие.

А под ветром не останемся,
О минутах сожалая:
Здесь поможет, коль покаемся,
Дух блаженного Андрея.

* * *

Отраженье черно-белое,
Света край и тьмы края,
Море, в Духе обгорелое,
Или прорезь бытия,

Мозга космоса извилины,
Пальца времени узор.
Спилы вечности усилены
Через краткий острый взор.

В пустоте, как шрамы бурые,
Долгий след оставил бур
Гойи, Брейгеля и Дюрера
Отпечатанных гравюр.

* * *

Ни лет, ни дней, а сорок сороков
Колоколов нам дадено, и сами
Должны в них бить, пока под небесами, –
В объятьях шума счет пути таков.
Ни утро, день и вечер, а – удар
Всем существом по громовой твердыне!
Но мысль одна меня бросает в жар,
Видение того, что стал я стар,
А Сорок Сороков молчат доныне.

Федор ГОРОБЦОВ (р. 1963)**О НОВОМ ВРЕМЕНИ**

Настало время выжить или пропасть,
Грядет по плану роковая сцена.
Безумный зверь уже разинул пасть,
С его клыков уже стекает пена.

Война миров уже не за горой.
Дрожит земля от страшного озноба.
Опять сойдутся в битве роковой
Восток и Запад, Азия – Европа.

Россию пожелают покарать.
Мы встанем пред дилеммой, либо – либо.
И нам опять придется выбирать,
И для кого-то страшным будет выбор.

Но час великой радости придет,
Я верю в это искренне и свято.
Мы вырвемся из пакостных тенет
И победим любого супостата!

* * *

Опять я с милой в горестной разлуке.
Сижу и упоительно грущу.
Любимая, за что такие муки?
Сжимает сердце от тоски и скуки.
Пойду, чего-нибудь перекушу.

Как тяжело считать часы до встречи,
Крутить в башке десятки разных тем.
О, как я ожидаем искалечен,
Издерган, измочален, обесцвечен!
Пойду-ка и чего-нибудь поем.

Какое счастье – быть с тобою рядом.
Смогу ли я разлуку перенести.
Мне даже жизни без тебя не надо,
Единственная, милая отрада...
Вот только бы чего-нибудь поесть!

* * *

Жизнь вперед безудержно несется,
Нас лупцует в разные места.
И порой от жизни остается
Только между датами черта.

Подборку составил
Н. Марянин